

У Е Д И Н Е Н Н О Е
Б О Г О М Ы С Л И Е ,

И Л И
Н А С Т А В Л Е Н І Я
Х Р І С Т І А Н С К О Й П Р Е М У Д Р О С Т И ,
в о с к р и л я ю щ і я
Д У Ш У
к ъ
С Е Л Е Н І Я М ъ Н Е Б Е С Н Ы М ъ .

160255

Часть III.

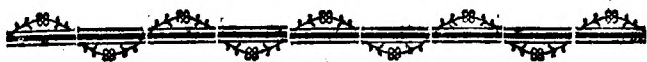

Съ одобренія Московской Цензуры.

М О С К В А , 1799.

Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія.

ПОКАЗАНИЕ НАСТАВЛЕНІЙ.

ВЪ сей части содержащихся.

	Стран.
НАСТАВ. I. О вредныхъ слѣдствіяхъ сблзна. - - -	1
----- II. — знакахъ и притинахъ душевныхъ во благочестіи жладности. - -	10
----- III. — вредныхъ жладности слѣдствіяхъ. - -	19
----- IV. — ежедневныхъ проступ- кахъ. - - -	29
----- V. — повседневныхъ жертво- приношеніяхъ. - -	38
----- VI. — желаніяхъ сердечныхъ.	49
----- VII. — вредныхъ слѣдствіяхъ нашихъ желаній. -	56
----- VIII. — сообразованіи дѣлъ на- шихъ съ волею Божіею.	64
----- IX. — совершенномъ преданіи себя въ руцѣ Божіи. -	72
----- X. — небреженіи въ разсужде- ніи дѣлъ маловажныхъ.	80
----- XI. — выгодахъ малыхъ доб- родѣтелей. - -	88
----- XII. — смерти грѣшника. -	98

ПОКАЗАНИЕ

Стран,

НАСТАВ.	XIII. О смерти праведника.	108
-----	XIV. — льстивомъ тело- вѣкоугожденіи.	- - 118
-----	XV. — вредныхъ слѣдствіяхъ теловѣкоугожденія.	- 124
-----	XVI. — sloкойствіи душевномъ,	131
-----	XVII. — томъ, какъ пріобрѣ- тать и сохранять миръ душевный.	- - - 142
-----	XVIII. — любви къ Богу.	- 152
-----	XIX. — свойствахъ истинной любви къ Богу.	- - 164
-----	XX. — Раѣ.	- - - 174
-----	XXI. — взысканіи блаженна вѣчности.	- - - 184
-----	XXII. — постоянствѣ.	- 195
-----	XXIII. — средствахъ, утвер- ждающихъ во благочестіи.	202
-----	XXIV. — соблюденіи непоро- чности во всякомъ поло- женіи и состояніи жизни.	209

УЕДИНЕННОЕ БОГОМЫСЛІЕ,

или

НАСТАВЛЕНІЯ
ХРІСТІАНСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ.

НАСТАВЛЕНІЕ I

О

Вредныхъ слѣдствійхъ соблазна.

Какое бы мы ни имѣли понятіе о соблазнѣ, никогда не можемъ живо себѣ представить всего ужаса, съ нимъ тѣсно соединеннаго. Сей гнусный грѣхъ противенъ Богу, ибо онъ помрачаетъ Его славу; противенъ Хрісту, ибо унижаетъ дѣянія Его; противенъ церкви, ибо служитъ въ безславіе для оной; противенъ душамъ благочестивымъ, ибо причиняетъ имъ погибель. Ты рекъ еси, поклоняемый Спасителю, и пророчество шведе испол-

Часть III.

А

няется

няется на всякъ день: *горе міру отъ соблазновъ* (*). По чему? Всякой соблазнъ прошивенъ Богу, ибо помрачаешь славу Его.

Неоспоримо, что всякой грѣхъ тѣсно соединенъ съ соблазномъ, но нѣпѣ грѣха превыше соблазна: ибо сей порокъ, не говоря о томъ что раждаетъ тысячу другихъ, одинъ самъ по себѣ явно и нагло, такъ сказать, возстаешь противу Бога. Другіе грѣхи остаются какъ бы погребенными во шмѣ, ихъ порождающей: но соблазнъ, выснавая личину свою на высотѣ, опваживается всѣмъ показатъ себя открыто. Въ другихъ грѣхахъ, кажешся, наблюдають еще нѣкоторую умѣренность и не хопятъ вышши совсѣмъ изъ границъ крайности; по сему имѣють нѣкоторое уваженіе къ верховному Божію величеству, нѣкоторой страхъ къ Его правосудію; по сему многіе грѣшники смущаются, препещуль, спыдяшся: вмѣсто сего соблазнъ всѣ законы попираетъ ногами, и кажешся, погашаетъ всѣ чувствованія, вдыхаемыя вѣрою, разумомъ и цѣломудріемъ. Онъ нагло ополчается противъ Всесильнаго; такимъ образомъ
раз-

(*) Мат. XVIII. 7.

разрушаетъ любезнѣйшія *выгоды* Божія, *выгоды* Его славы, разрушаетъ съ поношеніемъ великаго имени Пресвятаго. Апостоль горько оплакиваетъ сіе явное развращеніе: *имя Божіе вами, соблазнили, хулится во языцѣхъ* (*); ибо и язычники того не творятъ, что вы творите. Соблазнъ пропивенъ святости Божіей, ибо раждается отъ развратнаго неистовства; пропивенъ милосердію Божію, ибо утверждается на несправимомъ ожесточеніи; пропивенъ Промыслу, ибо погрязши во глубину золь, о всемъ сумнѣвается, ничему не вѣритъ, все отвергаетъ. Грѣшникъ доколѣ еще боится и скрывается, — понимаетъ, что онъ имѣетъ надъ собою начальника и судію; пусть страхъ сей бываетъ не рѣдко принужденной, но онъ всегда предполагаетъ чувствительность, близкую къ исправленію. Когда люди узнаютъ о нашемъ проступкѣ; стыдъ появляется на лицѣ нашемъ; пусть такое сознаніе въ ошибку бываетъ въ насъ часто не отъ сердечнаго расположенія, однако оно предъ Богомъ всегда составляетъ пріятную жертву раскаянія и умилоствленія. Но

А 2

страхъ

(*) Рим. II. 24.

страхъ и стыдъ сей не погашены ли нами? Я вижу, грѣшникъ дерзновенный, — соблазнитель ходишь повсюду величаво и гордо; онъ, кажется, торжествуетъ во грѣхахъ своихъ, и развращеніе ближнихъ своимъ примѣромъ вмѣняетъ себѣ во славу. Такие пошупки не означаютъ ли присоединенія къ дерзости презрѣнія? Боже мой! какое беззаконіе въ человѣкѣ, и какое помраченіе твоей славы! Возможно ли, чинобъ Хрїстіане, долженствующіе другъ друга поощрять къ служенію Твоему, взаимно споспѣшествовали къ общей гибели, и обнимали бѣ, такъ сказать, одинъ другаго для поверженія въ пропасть вѣчнаго щасія?

Горе міру отъ соблазнь. По чему? Грѣхъ сей прошивенъ Хрїсту; ибо онъ, елико мощно уничижаетъ дѣянія Его. Иисусъ Хрїсосъ пришелъ на землю, дабы возставитъ царство Божіе, узаконитъ поклоненіе имени Его, вперитъ страхъ и любовь къ Богу, заставитъ любить добродѣтель, предосудитъ и низложитъ владычествующіе пороки; вотъ конецъ Его посольства и цѣль Его подвиговъ! Но соблазнь разстроилъ чинъ дѣяній Его, воспрепятствовалъ ихъ успѣху, опровергъ

вергъ священное строеніе, увеличивъ порокъ и унизивъ добродѣпель. Такимъ образомъ, поклоняемый Спасителю! хотя Ты и сошелъ на землю изъ человеколюбія, имѣлъ между нами жизнь прискорбную, окончалъ животъ свой на крестѣ, излилъ, вися на деревѣ, кровь свою до послѣднія капли, излилъ съ тѣмъ, дабы усовершенствовашь, оправдать и спасти созданіе рукъ своихъ, — погибающаго грѣшника: но соблазнъ, разрушилъ Твоихъ намѣреній, пресѣкъ цѣль Твоего благоустройства. Сей грѣхъ, сколько возможно напряженіями своими уничтожилъ пайну креста Твоего, заслуги сщраданій Твоихъ сдѣлалъ безплодными, исхищилъ изъ рукъ Твоихъ, или лучше изъ самаго Твоего нѣдра души, столь дорого для Тебя стоящія, души, за которыя Ты излилъ кровь свою. Праведно убо Апостоль не усрашился сказать, что соблазнили суть какъ бы антихрїсты на земли: и нынѣ антихрїсти мнози (*). Подлинно, ежели антихрїстъ долженъ бытъ нѣкогда великимъ развратникомъ, поелику онъ всюду посѣетъ соблазнъ, мятежъ и разрушеніе: по и предъ-

А 5

утомо-

(*) 1 Іоан. II. 18.

уголовляющіе ему путь, склоняющіе ближнихъ примѣромъ житія своего ко всякому пороку, не суть ли яко антихрїсти, живущіе его дыханіемъ, обдержимые его духомъ, а слѣдственно во всемъ проотивные духу и чувствованіямъ Иисуса Хрїста?

Горе міру отъ соблазнь. По чему? Зане порокъ сей проотивенъ церкви, ибо служить въ поношеніе оной. Грѣшники, зараженные симъ порокомъ, что мы дѣлаемъ явно развратнымъ своимъ поведѣніемъ? Мы причиняемъ соблазнь чадамъ общія наша матери: *и на сына матере твоея полагаю еси соблазнь* (*). Будучи убо соблазномъ для дѣшей, какою болѣзнію мы поражаемъ матерь? Какую рану даемъ сердцу ея? Своими соблазнами мы уничтожаемъ власнь, искажаемъ правила ученія, ея служеніе дѣлаемъ безплоднымъ, во всѣхъ членахъ ея производимъ одно смущеніе и сокрушеніе. Ежели спросятъ: по чему сіе святое общество разрушено, жители его разсѣяны, важныя и открытыя мѣста покрыты мрачностію, все наслѣдіе его разхищено, каменія святилища разбросаны; можно сказать, что соблазнитель

(*) Псал. XLIX. 20.

шель помрачилъ блескъ его, пресѣкъ радованіе, потрясъ здаіемъ до основанія; словомъ, война, гораздо опаснѣйшая, нежели имѣлъ когда адъ съ церковію свяшою, есть развращеніе нравовъ, выпекающее во всѣ сосноянія ошъ соблазнительей и прелестей соблазна. Вошъ мечъ обоюду оспрый, проходящій сердце общія наша мапери церкви съ причинентемъ великія болѣзни, и на всякъ день вынуждающій ее вопіять жалобнымъ гласомъ о своей неносной горесни. Церковь, находящаяся въ такомъ положеніи есть ша неутѣшная мать, есть ша плачущаяся Рахиль, кошорая горько нѣкогда стенала о смерти невинно избіенныхъ чадь своихъ: *Рахиль платущися гадб своихъ, не хотяше улѣшиться, яко не суть* (*). Таковы сунъ соблазнительи — неблагодарные дѣши къ нѣжной мапери своей, чувствуицельно и не преспанно ошъ нихъ оторчаемой, или лучше ядоносныя эхидны, гнѣздящіяся въ ея ушробѣ для шого полько, чтошбъ болѣзненно и безжалостно раздирашь ону.

Горе міру отб соблазновъ. По чему еще? Ибо соблазнъ душамъ благочеспи-

А 4.

вымъ

(*) Мат. II. 18.

вымъ причиняетъ погибель. Какое нещасіе для причиняющихъ другимъ соблазнъ, развращая брата своего не чувствовавъ и его и собишвенныя погибели! Сказано во Евангеліи: *иже аще соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне ему есть: да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и лопочетъ въ лугинѣ морстѣй (*)*. Но развращники, не страшась сего угроженія, соблажняють ближняго иногда студными дѣлами, иногда вольнымъ обращеніемъ, иногда насмѣяніемъ надъ вѣрою, иногда явнымъ злохуленіемъ имени Божія и святѣйшихъ правилъ Евангельскаго закона. Многіе предстоятъ въ храмахъ господнихъ безъ благоговѣнія, собесѣдуютъ въ домѣхъ безъ благочестія, идутъ соблажняясь сами взоромъ и соблажня другихъ несповыми шѣлодвиженіями. При безчисленныхъ случаяхъ развращники, не уважая общимъ спасеніемъ, сколько благочестивыхъ душъ увлекаютъ изъ порока въ порокъ; или сколь многимъ препяшпвуютъ содѣвать доброе? Соблазнителью! конечно ты забылъ въ ожесточеніи своемъ всю строгость правосудія Божія. Въ день, егда оп-

кро-

(*) Матѣ. XVIII. 6.

кроются благая и злая дѣла человѣ-
ческая, азъ испребую отъ себя кровь
погибшаго; азъ отъ себя попребую
отчета за душу его: *крове его отъ те-
бя взыщу* (*), и ты будешь безотвѣ-
щенъ. — Что еще ужаснѣе, рѣшимель-
нѣе и спрощѣе изреци можно прошиву
соблазна? однако не смотря на сіе со-
блазны находятся въ Хрїстіанствѣ,
каждый день пріумножаются и — со-
дѣвающіе ихъ не раскаяваются. Чтожъ
послѣдуетъ на конецъ, егда мѣра
разврата чрезъ край прелїется? Ги-
бель вѣчная!

Боже милосердый! Ты заповѣдалъ
нѣкогда любезнымъ ученикамъ своимъ:
пусть десная ваша рука для васъ
нужна и любезна, пусть десное ваше
око для васъ еще нужнѣе и драгоцѣн-
нѣе; но естли они васъ соблажняютъ,
азъ вамъ глаголю, отсѣките руку,
или изткните око, ибо лучше безъ
руки или очесе внити на Небеса, неже-
ли ихъ имѣвши быть вверженными
въ муку вѣчную. Сотвори, Всесильне!
чтобы заповѣдь сія и для насъ была
непреложна: ибо естли мы по своимъ
собщеннымъ грѣхопаденїямъ при кон-
цѣ жизни съ боазнїю испускаемъ духъ
А 5 свой:

(*) Іезек. XXXIII. 8.

свой: то какой будетъ страхъ нашъ; когда собравшя, нами во времени погубленные, возстанутъ въ день судный на осужденіе наше? Какое будетъ осужденіе наше, когда развращенные нами рекутъ намъ: „мы бы спаслись, „но теперь по причинѣ вашего соблазна погибаетъ; вы виновники нашего „злосчастія: да опягомятъ убо намъ „угошванная казнь на главѣ вашей.“ По сихъ словахъ не водворится ли въ сердцахъ нашихъ мучительное отчаяніе, и не пребудетъ ли въ нихъ вѣчно? Боже, спаси насъ отъ такого несчастія! спаси, — впадшихъ въ соблазнъ, поощряя горько оплакивашь грѣхъ свой; а шѣхъ, кои еще приближаются къ соблазну, заславъ спѣшною ногою отъ зла сего, яко отъ змѣя удаляясь. Вѣруемъ, Господи! яко ты вся можши, и не возможно тебѣ ничтоже.

Н А С Т А В Л Е Н І Е II

0

Знакахъ и притинахъ душевныя во благодѣстїи хладности.

Хладность, говоритъ нѣкоторой учитель церковный, есть замашерѣлая

дая слабость при служеніи Богу, есть стягость, препятствующая занимать-ся дѣлами Божіими, есть расслабленіе въ правилахъ дѣятельнаго благочестія, есть усыпленіе души, погрязшей въ крайнемъ нерадѣніи и поше-рявшей добрыя чувствованія.

Однако, чтобъ не произвестъ во многихъ душахъ безопраданаго смущенія и безпокойства; надобно предположить, что когда говорятъ о хладности, говорятъ не яко о пороки, скоро преходящемъ и непримѣнномъ, но какъ бы о чувствительномъ навыкѣ и о расположеніи почти для всѣхъ очень обыкновенномъ, которые примѣч. . . . очень легко искоренить можно.

Правдѣ, хладность, или опущеніе: бываетъ иногда для насъ родомъ искушенія, въ которое повергаетъ Богъ душу для большаго освященія. Впрочемъ въ сіе состояніе невѣрности всѣ впадаютъ болѣе или по своей ошибкѣ, или по нерадѣнію.

Наконецъ хладность сію не должно почищать за грѣхъ, но за поводъ ко грѣху, часто многихъ въ самомъ дѣлѣ ко злу сопровождающій, да еще ко злу смертному. Судя по сей опасности весьма нужно для насъ примѣчать *знаки*, по которымъ заключить можно,

можно, что мы спрavedемъ, или лучше скажемъ, живемъ въ сей хладности. Вотъ изъ нихъ главнѣйше!

Первый знакъ ослабленія и хладности состоитъ въ томъ, естли мы имѣя слабое желаніе преуспѣвать въ духовномъ совершенствѣ, при семъ очень мало думаемъ о своемъ нерадѣніи и невѣрности; такое положеніе означаетъ, что усердіе ко благочестію въ душѣ нашей совсѣмъ остыло. По сему нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ болѣе мы закоснѣваемъ въ семъ положеніи, тѣмъ не совершеннѣе бываемъ предъ очами Божиими, не оказывая нисколько уснѣха въ дѣлахъ правды и святости. Кипо имѣемъ малое желаніе къ содѣланію добра, въ томъ слабы побужденія къ снисканію онаго; а въ комъ слабы побужденія, томъ къ добру, снискиваемому тщательнымъ трудомъ и особенными подвигами, никогда не достигнемъ.

Второй знакъ хладности есть великое нерадѣніе, побѣждать самого себя, предпринимать рѣшиительно весьма нужную войну ирошиву чувствъ, худыхъ наклонностей и всѣхъ козней, касающихся до внутренняго жизни. Сей образъ жизни есть очевидное доказатель-

пелство, что хладное сердце прежде сраженія уже побѣждено. Боящійся сраженія какъ можетъ воинствовать? Безъ рапованія не лзя ожидать побѣды. Однако, не смотря на сіе упущеніе, сколь часпо мы сражаемся не съ своими пороками, со дня на день пріумножающимися, но съ Благодашію, непрестанно призывающею насъ къ поржесству надъ тѣлесными и душевными слабостями? Сражаемся непрестанно, и что къ спыду всегда оспаемся побѣжденными; сего ниже видимъ, ниже о семъ сожалѣемъ.

Трешій знакъ хладности состоитъ въ томъ, что мы къ, содѣланію добра не имѣемъ твердой рѣшимости, или исполняя оное мало бываемъ постоянны. Душа, вскорѣ оспанавливающаяся на пуши благочестія, конечно никогда не имѣла намѣренія спремиться далѣе. Огнь скоро погасшій былъ очень мало возженъ. Человѣкъ еспешвенно непостояненъ; сіе неоспоримо: но вдругъ, — безъ всякаго поддержанія, — и весьма часпо ослабѣваемъ: что изъ сего заключить можно? Не иное, какъ внутренняя слабость переродилась уже въ человѣкъ въ жалкій и неисправимый навѣкъ.

Чеш.

Четвертый знак хладности означает сіе, еспльи человекъ часто озирается назадъ, какъ бы странникъ, отъ долговременнаго путешеспвія ушавшій и изиуренный, устремляетъ взоръ свой впередъ и дѣлается какъ бы испугленнымъ, вообразивъ о томъ, сколько еще ему ишти остается. Такой ходокъ долго путешеспвовать не можетъ. Слабость, пришупляющая его ррение и легкій путь представляющая очень пруднымъ, на не многомъ теченіи останавливаетъ шаги его. При семъ очень часто отдыхая можно до доспигнуть желаемыя цѣли, которая подлинно далека отъ ослабѣннаго, и еще опдаленнѣе представляется по воображенію? *Тако тецъте да достигнете (*)!*

Пятый знак хладности состоитъ въ наружномъ развлеченіи, забавами, пустыми удовольствіями, занятіями безполезными. Сіе разсѣяніе чувствъ, сіе расперяніе души доказываютъ, что человекъ мало разсудителенъ; слѣдственне основаніе добрыя жизни мало дѣйствуетъ на его внутренность. Исключая грѣхъ, нѣтъ ничего опаснѣе для души, какъ сіе развлеченіе, раз-

(*) I Кор. IX. 24.

развлеченіе, вынуждающее оную, непре-
спанно выходить изъ себя, — те-
ряясь въ пусію безъ всякой наде-
жды къ собранію силъ своихъ для
того, чтобъ прийти въ здоровое чув-
ство. Вотъ явные знаки и вотъ
оплачательныя черты хладности!
Всякой изъ нихъ долженъ приводить
насъ въ содроганіе. Еслили они въ
комъ сверхъ чаянія всѣ соединятся
вмѣстѣ, то какъ бы душа наша себя
не льстила; она уже находится въ
состояніи бѣдственномъ. И такое поло-
женіе шѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе зара-
женные имъ не видятъ вреда своего;
слѣдственно пребывая хладными, всег-
да остаются таковыми не токмо не
ужасаются, а какъ бы еще гордятся.
Какихъ за симъ надлежитъ ожидать
бѣдствій; сіе увидимъ послѣ, а теперь
скажемъ: еслили очень пошребно для
насъ вѣдать знаки хладности, чтобъ
увѣриться, не заражены ли и мы оною;
то также необходимо нужно знать
причины, отъ коихъ она происпекасиъ;
нужно знать сіе для нашего испра-
вленія и для того, чтобъ пресѣчь
зло въ самомъ его началопроисхож-
деніи.

Первая причина хладности есть
наша нечувствительность, крайнее
самое

самолюбіе и уклоненіе отъ всего, что прошивно нашимъ наклонностямъ и прихотямъ. Сія обременительная слабость, сія причина злощастія, непрестанно въ насъ царствующая, всегда склоняетъ насъ къ большимъ порокамъ, склоняетъ непримѣнно, мало по малу. Человѣкъ, тако о себѣ нерадующій, непрестанно спречится къ развратности и нечувствительнo доходитъ до великаго опущенія дѣлъ благочесивыхъ, естли не поддержишь себя высокими размышленіями, убѣждающими насъ къ особенной нашей пользѣ, сражашься съ собою и возвышашься надъ собою.

Вшорая причина хладности состоитъ въ нерѣшимости, посвятивъ себя Богу и въ ненадѣянтіи обрѣсти Благодать его. Идутъ многіе и останавливаются. Начинаютъ путешествовать и бояшья итти далѣе. Въ такомъ положеніи подлинно, душа наша принадлежитъ ни Богу, ни міру, а представляется зыблющеюся въ себѣ самой и склоняющеюся то на шу, то на другую сторону. Какое развлеченіе мыслей! какая неосновательность чувствій! Естли бы единожды на всегда рѣшились мы посвятивъ себя Богу: то какую бы примѣнили въ себѣ бодросшь,

рость, какую свободу, какое спокойствие! Онь недостатка сей благородной рѣшимости мы едва переступаемъ, успаемъ и проводимъ жизнь свою въ лепаргической болѣзни, или яснѣе въ непробуждаемой сонливости, всѣ чувства наши дѣлающей ни къ чему неспособными.

Третія причина есть обыкновенное неуваженіе наше малыхъ вещей. Сей духъ вольности и независимости едва нами овладѣетъ: то мы ежедневныя дѣла благочестія считаемъ уже за ничто, не смотря на сіе, что Богъ отъ души, желающей съ Нимъ тѣсно соединиться, того непрестанно пребуетъ. Господь въ себѣ вѣренъ; Онъ съ своей стороны обѣщавъ подавати намъ всѣ пособія къ нашему подкрѣпленію въ немощахъ, и подаетъ; по сему намъ уже оспаетъ съ своей стороны оказывати вѣрность во всѣхъ частяхъ закона и во всѣхъ дѣлахъ благочестія, хотя не такъ важными намъ представляющихся. А чтобъ болѣе сего намъ придержатися, представимъ, что предъ Богомъ все велико и все многого стоимъ, что ни творитъ душа, особеннымъ Промысломъ и Благодатію Его управляемая.

Часть III.

В

Чет-

Четвертая причина хладности
есть глупыя наши умствованія и
самопроизвольное невѣріе. Ничто насъ
такъ не разслабляетъ и не препи-
наетъ на пути Господнемъ, какъ се
необузданное упорство. Чпобъ мы впа-
дали въ ошибки маловажныя и непред-
видѣнныя, се не удивительно, ибо
мы человеки. Слабость естественная,
а не самопроизвольная, есть плодъ на-
шей горькой смертности. Но когда
мы часно и намѣренно ошибаемся,
ошибаемся завѣдомо, не смотря на
свидѣтельство совѣсти; се не прости-
тельно. Упадаешь при свѣтѣ по тому
единственно, что се намъ нра-
вится, а Богу противно; такая дер-
зость пронзаетъ утробу Сердцевѣдца,
удаляетъ Благодать Его, и такъ ослаб-
ляетъ душу, что она оледѣнѣвши отъ
хладности, вынуждаетъ самого Созда-
теля, такъ сказать, охладѣть къ
ной. Что болѣе можно сказать о
шакоемъ жалкомъ положеніи?

Сколько есть еще другихъ при-
чинъ хладности? Сколько враговъ
внутреннихъ и вѣщныхъ возстаютъ
непрестанно противу благодати, жи-
вляющей въ насъ огонь благочестія?
Со дня на день у насъ новыя рождающ-
ся пожеланія, новыя прихоти, развле-
каю-

шасть ее за болѣзнь опасную: ибо какъ слабость означаетъ болѣзнь плѣла, такъ хладность означаетъ болѣзнь души. Чего не бываетъ въ болѣзни, и какія жалкія слѣдствія не встрѣчаются при различномъ положеніи больного? Онъ безпокоится, смущается; все его огорчаетъ, и онъ ни чѣмъ не бываетъ доволенъ. Въ такомъ горькомъ положеніи я хочу разсмотрѣть самого себя.

Слабость, неудовольствіе, отвращеніе, дряхлость, изнеможеніе, сопровождающее къ самой смерти: вотъ дѣйствія въ несчастныхъ душахъ хладности столь часто, или лучше сказать непрестанно производимыя!

Дай Богъ, чтобы я позналъ всю силу, всѣ слѣдствія и всю опасность сей болѣзни. Ибо такое познаніе, одушевляемое и укрѣпляемое Твоею Благодатію, удобно можетъ возродить во мнѣ живой страхъ и спасительную въ разсужденіи хладности предосторожность.

Первое слѣдствіе хладности есть слабость. Отъ слабости происходитъ болѣзнь плѣсная и душевная. Додѣвши до такого положенія человекъ упадаетъ, и — не можно поддержать его; собираетъ силы, чтобы на нѣсколь-

сколько оправиться, но слабость преодолѣваетъ; за симъ паденіе бываетъ гораздо разительнѣе, и упавшій ни къ чему уже не бываетъ способенъ. Въ минуты ревностнаго усердія все ничего не стоитъ, все взвѣшено, все легко и пріятно при служеніи Богу; самая невозможность кажется удобствомъ, непреборимость одолѣніемъ. Но тѣ минуты ушли уже; мрачное облако застѣнило свѣтъ ихъ. Горячность охладѣла, — ревность ослабла, — мало по малу усилилась хладность. Какое нерадѣніе въ разсужденіи обязанностей вѣры видрается въ ослабѣвшее сердце! Опущеніе въ дѣлахъ благочестія какую причиняетъ болѣзненную рану для душъ благочестивыхъ! Самопроизвольныхъ безвѣровъ постигаетъ всякое злощастіе. Пораженное сердце не имѣетъ бодрости. И какъ прежде дѣла великія, жертвоприношенія важныя были для него плодомъ живой свящости; такъ нынѣ подвиги легкіе и удобные для него кажутся очень страшными.

Не въ такомъ ли и я живу положеніи? Боже мой! мнѣ не лзя предъ тобою лицемерить. Какъ слабо и какъ нерадиво работаетъ Тебѣ сердце мое! Когда мнѣ должно послужить Тебѣ,

какое чувствую изнеможеніе, какой упадокъ духа, какую робость на сердцѣ! Всѣ силы мои мнѣ измѣняются. Да отъ чего сіе происходитъ? Отъ оскуденія Благодати, копорая, доколѣ я былъ вѣренъ, много меня ободряла, — подкрѣпляла. Нещастный! кто мнѣ возвратитъ прошедшіе дни мои, дни, въ которые я близокъ былъ къ Богу и Божѣ ко мнѣ? Свѣтъ Благодати померкъ уже къ очесѣхъ моихъ. *Кто мя устроитъ, скажу съ Ювомъ, по прежнимъ мѣсяцамъ, въ нихъ же мя Богъ храняше* (*).

Вспорымъ слѣдствіемъ хладности бываетъ неудовольствіе и отвращеніе. Вошь болѣзнь души, со дня на день пріумножающаяся: ибо въ семъ положеніи непримѣнно далѣе начинаютъ удаляться отъ Бога, меньшую чувствуютъ любовь къ благочестію, и въ разсужденіи Благодати дѣлаются нечувствительными. Прежде плачущая, спремяясь къ дѣламъ Божиимъ; находясь въ нихъ неописанную радость и утѣшеніе: но послѣ мало по малу отвращаются, скучаютъ, и ничѣмъ не бываютъ довольны. Сіе можно видѣть на Израильскомъ народѣ, оби-

(*) Юв. XXIX. 1.

обивавшемъ въ пуспынѣ. Пищею для него была небесная манна. Онъ въ ней находилъ всѣ сладости къ удовольствію своего вкуса; и еіе продолжалось до полѣ, пока Израиль, бывъ вѣренъ Богу, усердно исполнялъ заповѣди Господни. Но какъ скоро поколебался въ своей вѣрности и горячести служенія; манна сдѣлалась для него непріятною. Возьми, возьми, воззвоніяли они, сію невкусную и отвратительную для насъ пищу! Душа наша ее не пріемлетъ; *душа наша негодуетъ о хлѣбѣ семѣ тщемѣ* (*). Жалкое изображеніе души охладѣвшія! все ей непріятно, все отвратительно, все не сносно. Совершающъ молитву; она ей кажется очень длиною, тягоспною; а по сему не знаютъ какъ ея и конца дождатся. Приносятъ покаяніе; но при самой расположительной рѣшимости тысячу встрѣчаютъ препонъ, сіе спасительное таинство совершить съ пользою. Присупають къ прочимъ дѣламъ благочестія, но присупають очень рѣдко; присупають, будучи принуждаемы на сіе общимъ обыкновеніемъ, а не чистою горячестію сердца; присупають безъ всякаго

Б 4

каго

(*) Числ. XXI. 5.

даго вниманія и уваженія; а такимъ образомъ удалившись отъ святыни, въ разсужденіи всѣхъ ея узаконеній и таинствъ священныхъ, вѣщающъ то же, что древній сказалъ Израиль: *душа наша негодуетъ.*

Такіе поступки не встрѣчались ли со мною? Такимъ отъвращеніемъ отъ благочестія не зараженъ ли уже я съ самаго дѣтства по сіе время? Признайся, ничто меня не воспламеняетъ при служеніи Богу; все для меня не пріятно, все нягоспно; вездѣ я вижу неудовольствіе, вездѣ скуку, нѣтъ во мнѣ приверженности къ благочестію, нѣтъ любви къ добродѣтели, нѣтъ желанія къ совершенству душевному. Опасное отъвращеніе! горькая участь для немоществующаго! Какимъ окомъ всякой смотритъ на такое упущеніе? какъ его называютъ? Смертоносная нечувствительность! Чего мы отъ тебя впредь должны надѣяться? Пагубныхъ слѣдствій. — Боже мой! сотвори паки мнѣ пріятнымъ служеніе свое, а все прочее, служащее къ осужденію моему, отъвратительнымъ и горькимъ.

Третіе слѣдствіе холодности состоитъ въ усыпленіи и дряхлости, сіи дѣйствія встрѣчаются съ больными,

ными,

ными. Человѣкъ, какъ скоро погру-
зился въ слабость и нерадѣніе, вдругъ
дѣлается усыпленнымъ, нечувствитель-
нымъ, и душа, какъ скоро впа-
детъ въ хладность, бываетъ мертва,
бездѣйственна. Не заразившись сею
болѣзнію, спасительныя грызеныя со-
вѣсти мы чувствуемъ безъ огорченія;
внутренній гласъ, призывающій на
пушь спасенія, слышимъ вниманіемъ
опшверстымъ; мудрыя наставленія
прогающъ наше сердце, назидатель-
ные примѣры производятъ живое впе-
чатлѣніе: но — въ противномъ поло-
женіи лучъ Благодати не проходитъ
до души нашей. — Грудь бываетъ сжа-
та, сердце окаменѣнно; ничто его не
прокашетъ, ничто не поражаетъ. Край-
нее злощастіе впадетъ человѣку въ
погибель, и при семъ ниже чувство-
вать, ниже видѣть оную!

Сколько разъ мы доходили до та-
кого положенія? Сколько разъ погру-
жались въ духовное усыпленіе? Не
льзя исчислить проступки нашей
дряхлости. Вся жизнь предавшася
лѣнностному разслабленію не иное что
есть, какъ непрерывное теченіе опу-
щенной, неисправленія, упорства. Жал-
кій жребій хладнокровнаго! Онъ же-
лалъ бы иногда оживиться, но не мо-

жестъ, ибо дряхлость ослабила всѣ силы. По сему - то бываемъ мы во святыхъ и ничего привлекательнаго не находимъ. О! если бы каждой узрѣвъ нынѣ зеркало, вѣрно представляющее наша внутренняя и сокровенная; сколько бы тамъ открылось неизвинительныхъ преступлений? Въ умѣ своемъ сколько бѣ мы увидѣли мыслей: бесполезныхъ, спранныхъ, опасныхъ? Въ воображеніи сколько суетны, лжблжшства, вѣтрениости? Въ сердцѣ сколько пристрастій, развлеченія, неосновательности? Въ чувствахъ сколько разсвѣтлїя, стыдѣ наводящихъ прихотей, скопоподобїя? Въ дѣйствїяхъ, — во всемъ поведѣнїи сколько побужденїй человѣческихъ, сколько вынодѣ самолюбїя? Нецаспный!

Сїе зеркало въ сїю минуту представляется предѣ моими глазами; я въ немъ вижу свою душу, и по описаннымъ признакамъ не могу поочно познать ее. До какой дошелъ я крайности? Случалось мнѣ впасть въ прощупки, и я ими не шрогался; случалось упошребить во зло сокровище Благодати, и о семъ не сокрушался; видѣлъ я бѣдствейное свое состоянїе, и не хотѣлъ испривиться. Ничто меня не извлекало и не извлекаетъ изъ
моего

моего состоянія; все оставляетъ немощнаго въ усыпленіи и дряхлости, или лучше онъ все оставляетъ. Какихъ должно наконецъ ожидать за симъ слѣдствій, если не рѣшусь я предупредить ихъ исправленіемъ?

Чешвертое слѣдствіе хладности есть сопровожденіе къ смерти. Зло всегда пріумножается и скоро чрезъ край прелѣтся. Больному послѣ крайняго изнеможенія ничего ожидать не остается, кромѣ конца жизни: и душѣ, отъ хладности пришедшей въ дряхлость, нѣчего ожидать, кромѣ смерти осужденія вѣчнаго. Сей жребій шѣмъ жалостнѣе, чѣмъ болѣе погибше не сомнѣваются, что они падая и не возставая могутъ быть щастливы. Отъ чего въ смертныхъ такое заблужденіе? Оледѣнѣвшее сердце пренебрегаетъ содѣйствіемъ Благодарности, и такъ вспоможеніе ея дѣлается бесплоднымъ. Грѣшникъ въ злобѣ упорствуетъ, и Богъ отъ него отвращается.

О душа моя, душа невѣрная! Се Богъ твой скрывается отъ очей твоихъ въ мрачномъ облакѣ; скрывается, — но изъ среди онаго, внемли, какимъ поражаетъ тебя кляпвеннымъ глаголомъ: *о дабы студентъ былъ еси или теллѣ!*

тѣлѣ! Можно ли безъ шрепета разсуждать о словесахъ сихъ? Самъ Духъ Святый произнесъ ихъ: можемъ ли мы не вникать въ глубину ихъ? *О дабы студенъ былъ еси или телѣ: но понеже ни студенъ еси ни телѣ, изблевати тя отъ уснѣ моихъ и мамѣ* (*). Тако ты глаголешь, Господи, и что значить сей гласъ Твой? Довольно бы человѣку единого соспоянiя хладности; но онъ упади въ болѣзнь сию дряхлѣешь, не хочешь ободрить усыпленный духъ свой. Сего ради *изблевати его отъ уснѣ моихъ и мамѣ*. Плачевная участь! Грѣхъ и смерть бывающъ иногда лучше для насъ, нежели хладность: ибо грѣхъ насъ прогаешь, смерть поражаетъ; на нихъ взирая мы воображаемъ не рѣдко о безднѣ, разверзающейся подъ ногами нашими, о гробѣ и адѣ, вѣчно поглотивъ насъ готовящихся; воображаемъ, и исправляемся; исправляемся подобно раскаевающимся праведникамъ, воздыхая яко Давидъ, плача яко Магдалина. Но въ хладности пребывая спокойными, не помышляемъ о оправданiи. Въ семъ положенiи приступаютъ многіе къ шарнствамъ безъ уваженiя, къ престолу Слова - плоши безъ содрога-

нiя,

(*) Апок. III. 15.

нiя, ко вратамъ вѣчности безъ опасенiя.

Сердцевѣдче! Когда мы взойдемъ въ себя самихъ? Когда мы полными очами, а не полуопверстыми узришь истинное свое благо? Всегда ли мы будемъ жить въ томъ состоянiи, въ которомъ умереть спрашиваемъ? Не время ли намъ истребить развлеченiе духа, не время ли учинить спасительный судъ о своей совѣсти? Ты самъ скорбишь о хладности нашей: по намъ какъ возможно быть въ разсужденiи сей болѣзни нечувствительными? Вся кости наша вѣщають къ Тебѣ: готово сердце наше, возгорѣся въ немъ огонь ко благочестiю; взыщи рабъ твоихъ!

НАСТАВЛЕНIЕ IV.

О

Ежедневныхъ проступкахъ.

Ежедневные наши проступки не должны уничтожать нашу бодрость и вѣру, а должны паче одушевлять ихъ.

Благочестивые люди не безгрѣшны. Они могутъ впадать въ проступки. Самый праведникъ седмижды на
день

день падаетъ. Пусть грѣхи его не
суть укоренѣлые, ибо иначе преспаль
бы онъ быть праведникомъ: однако
всѣмъ свойственны проступки иногда
непредвидѣнные, а иногда намѣренныя;
проступки свободы, а иногда слабости
человѣческой. Мы о семъ рѣдко раз-
суждаемъ; и такъ поразмыслимъ нынѣ.

Опытъ доказываетъ, что мы ча-
сто падаемъ во многіе проступки;
падаемъ; иногда беспокоясь паче мѣры
о нужномъ, иногда изъ малоспи пре-
даваясь нестерпѣннѣю; иногда за явную
гоняясь суепою и ничтожествомъ;
иногда послѣдуя страннѣмъ умоначер-
таніямъ своихъ выдумокъ и преда-
ваясь бесполезному разсѣяннѣю духа;
иногда другимъ насмѣхаясь, а иногда
себя дѣлая посмѣшищемъ; — словомъ;
падаемъ прошиваясь Благодати, проши-
ваясь многообразно.

Взирая на сіи проступки и имѣ
подобныя, не лѣзя не воздохнуть и
пробыть безъ трепета: однако, какъ
я сказалъ, что при нихъ никакъ не
должно предаваться опчаянному уны-
ннѣю, ибо сіе означало бы одно зло
пріумножаясь другимъ и одну рану
расправлять другою: по спасительнѣе
для насъ, чувствуя себя падшими въ
оныя, уничижаться предъ Богомъ, испо-
вѣдыя

вѣдывашь свою немощь, — свое ничтожество, и оплакивашь ихъ слезою сердечною. Не удивительно, естли однѣ бѣдствія раждають множество прочихъ; но сему естли чьи просупки не такъ велики: не означаетъ ли сіе чистѣйшій плодъ Божія милосердія и особенную помощь его Благодати?

Но не смотря на сіе, чпо въ насъ болѣе примѣтно? Смотря на свои просупки всѣ безпокояшя, унываюшъ, упадають духомъ; а слѣдственно не стараюшя о себѣ самихъ, перяюшъ упованіе на Бога, отвращаюшя добродѣтели, представляюшъ себя со дня на день хуже, думая, чпо никогда не можно исправиться въ своихъ несовершенствахъ и просупкахъ, предполагая, чпо никакъ не лзя достигнуть до желаемого совершенства и исправленія. Сіи и тысячу симъ подобныхъ умозаключеній дѣлаеть ослабшій и малодушный преступникъ. А по сему онъ почти никогда не смѣеть прибѣгнуть къ Богу, или прибѣгаетъ, но съ великимъ стыдомъ, безъ упованія, пренебрегая и бояся, дабы, поелику онъ преступникъ, самъ Богъ отъ него навсегда не удалился. Такимъ образомъ смущаясь очень много о не такъ важныхъ просупкахъ;

уца-

упадаютъ въ тысячу другихъ, и припомъ несравненно большихъ; упадаютъ погубляя время въ тщесныхъ и предосудительныхъ о себѣ и о своихъ проступкахъ размышленіяхъ. Мнѣе умствуютъ: „произволенъ ли грѣхъ „ихъ. — Точно ли они сами его при„чиною.„ А такимъ образомъ чѣмъ болѣе умствуютъ, тѣмъ менѣе исправляются, изъ одного смущенія ввертаясь въ другое, изъ одного несовершенства переходя въ большее. Безпокойство и печаль непрерывно обладаютъ опадшею душою; и — чѣмъ болѣе погружаютъ ее въ закоснѣлую нерѣшимость, тѣмъ болѣе, по причинѣ внутренней нечувствительности, ни къ чему дѣлаютъ ее неспособною.

Все сіе что означаетъ предъ Богомъ? Иногда чистое уничиженіе, раскаяніе искреннее, а чаще скрытую гордосць, ядъ самолюбія, хитросць вражію. Означаетъ ли сіе цѣлищельное лѣкарство, или новый ядъ, изливаемый на болѣзненную рану? Кто такъ поступаетъ, поступаетъ подобно пораженнымъ на сраженіи, которые каждую минуту разсмащиваютъ свою рану, прогавя ея, а чрезъ то подновляютъ оную и умножаютъ болѣзнь ея. — Или подобно упавшему спраннику,

нику, которой вмѣсто того, чѣмбы скорѣе встать, медлишь, разсуждаешь какъ могъ упасть, и что было причиною его паденія. Упадшіе! возстаньте, грядите и берегитесь, чѣмбы нерѣшимость и смущеніе не подвергли васъ новому паденію, и паденію гораздо опаснѣйшему. Упадшіе, возстаньте!

Тожь самое я повторяю каждой душѣ, впадшей въ какое нибудь преступленіе: возстань, смирися и шествуй путемъ исправленія, шествуй немедленно; симъ удобнѣе уврачуешь болѣзнь свою. Такъ всякому грѣшнику надлежитъ обращаться къ Богу; — и чрезъ радостное и униженное обращеніе всякъ съ Нимъ можетъ приирииться удобнѣе, нежели чрезъ отчаянное уныніе. Ибо всякое уныніе сопряжено съ страшнымъ самолюбіемъ, а любви къ Богу нѣтъ въ немъ. Чистымъ смиреніемъ и упованіемъ на заслуги Избавителя твердымъ мы болѣе иногда можемъ прославить Бога, нежели не такъ важнымъ проступкомъ сколько Его прогнѣваемъ: ибо многихъ нашихъ проступковъ причиною бывають слабость естественная, непредвидимость; а при искреннемъ обращеніи на путь истинный всякому надлежитъ имѣть рѣшимость намѣренную, обозримую.

Часть III.

В

Вне-

Внемлемъ сему правилу и будемъ ему непреложно послѣдовать: колико-крашно бы мы ни упадали, и сколько бы ни были велики наши пресшупленія, при семъ никакъ не должно предаваться опчаянной гореспи, ниже занимать себя самихъ испшаньями; но въ шужь самую минушу, когда пали, надлежитъ съ искренностію признасть въ содѣянномъ пресшупленіи; должно оплакать неисправленіе свое и слабость. Надобно вдругъ по согрѣшеніи обращаться къ Богу, и яко сыну ко отцу, своему съ глубокимъ смиреніемъ такъ глаголати:

„Господи, Боже мой! я въ то впалъ,
„во что душъ слабой, во что чело-
„вѣку грѣшнику не впасть было не
„возможно. Да и что ты могъ ожи-
„дать отъ поврежденной плоти, развѣ
„однѣхъ пресшупленій и пресшупленій
„великихъ? Я паче и паче заблудилъ
„бы безъ Твоей благости; но она ме-
„ня поддерживаешь, она меня не оста-
„вляешь. Благодарю убо Твое всемо-
„гущество, удерживающее меня отъ
„паденія въ горшіе пресшупки, а въ
„шѣхъ, яже содѣялъ, прости и поми-
„луй! Сжалившись сообщи созданію
„своему новую крѣпость, чшобъ оно
„паденіями своими не прогнѣвляло Те-
„бя

„бя болѣе, чѣтобъ ничто въ мѣрѣ отъ
„Тебя оное не уклоняло. Тебя бо лю-
„бить и Тебѣ служить созданіе твое
„хощеть во вѣки!„

Сіе содѣлавши не теряй болѣе вре-
мени на безпокойство, на страхъ, или
уныніе; не теряй, дабы Богъ тебя не
оставилъ, а съ миромъ, съ надеждою
обращися на путь благочестія такъ,
какъ бы ты съ него совсемъ не совра-
щался. И пусть ты упалъ тысячу
разъ (чего Боже сохрани); тысячу
разъ обратися, и съ такимъ упова-
ніемъ послѣ послѣдняго паденія обра-
тися, какъ бы послѣ перваго. Пре-
дайся во обѣщанія Божія съ клятвою,
дабы никогда отъ Него впредь не уда-
ляться. Такимъ образомъ, возымѣвъ
о благости Божіей достойное величія
оныя понятіе, ты много прославишь
Господа; такимъ образомъ благодасть
Божію ты учинишь торжествующею,
поставя ее выше всѣхъ своихъ бѣд-
ствій; такимъ образомъ ядъ ты упо-
требишь въ лѣкарство, обративъ его
въ свою пользу; такимъ образомъ ты
будешь, можешь быть, выше по своему
падению, нежели сколько унизился
падши. Благость и долготерпѣніе без-
конечныя! сколь величественно и не-
изрѣченно жершвовать вамъ нашими

бѣдствіями съ шѣмъ, чѣмъ послѣ болѣе чувствовати цѣну возсѣдановленія!

Однако изъ сего не надобно заключать, будто намъ совсемъ уже не должно избѣгать проступковъ, потому единственно, что въ нихъ, обратившись, можно получить прощеніе. Сіе означаетъ безбоязненную душу и самую гибельную крайность. Или мы позабыли, что всегда и всѣми силами должно избѣгать грѣха, чувствуя чрезъ то страхъ Божій и любя благочестіе? Думаешь, что рана можетъ быть исцѣльна: слѣдственно можно предаваться опасности? — что болѣзнь удобно прекрапишь; слѣдственно можно доводить себя до болѣзни? Сіе означаетъ крайнюю слѣпоту и великую неосновательность. Сіе предположивъ, всякой можешь видѣть, какимъ образомъ при благодати Божіей происпекаетъ для насъ нѣкопоре оживленіе изъ убивающихъ насъ пресуплений, и какимъ образомъ ежедневныя наши погрѣшности не токмо не должны умалять нашу бодрость и упованіе, а напротивъ одушевлять ревность и усердіе.

Какою убо обязаны мы благодарностію Богу за то, что онъ по неопи-

описанной мѣрѣ своего милосердія всегда прощаетъ намъ наши грѣхопаденія, и — лишь только къ Нему обратимся, сколько бы Его ни раздражали, готовъ всегда принять насъ во свою любовь, какъ бы вновь, или теперъ родившихся. Однако, чтобъ безъ сомнѣнія намъ быть прощеннымъ и помилованнымъ; для сего сколь велики и многочисленны наши пропуски, великій намъ потребенъ духъ покаянія; потребна, особенная рѣшимость, дабы будущимъ исправленіемъ замѣнилишъ прошедшіе недостатки; потребна живая Вѣра, ибо безъ Вѣры мы опять можемъ впастъ въ новыя преступленія, коихъ плоды ужасны и горчѣ первыхъ.

При семъ расположеніи гряди, раскаянная душа! и съ благословеніемъ продолжай путь благочестія. Уже все заглажено предъ Богомъ. — Здаіе оправданія твоего на собственныхъ твоихъ развалинахъ возносятся выше и выше; ограждай его предосторожностію. Да можно ли надѣяться, чтобъ сознавшійся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, оплакавшій ихъ, не спрaшилcя впредъ своей слабости, и не полагалъ всей своей надежды на единого Бога? Щасливо паденіе, кто его чувствуетъ;

но оправдѣе исправленіе, когда его не нарушаютъ. Правда, всякое преступленіе само по себѣ мучительно и бѣдственно; но со стороны низходящей ему благодати многоплодно, спасительно. Въ прочемъ, не доводя себя до паденія, скажемъ, если кто проступился; для того средствомъ оправданія никакъ не могутъ быть безнадежность и ослабленіе, а коими паче уныніе и отчаяніе. Воздыханіемъ теплымъ, чистымъ раскаяніемъ заглаждаются наши проступки; кромѣ сего отъ проступившихся Богъ ничего не пребудетъ, и человекъ ни чѣмъ не можетъ удовлетворить разгнѣванное правосудіе, развѣ однимъ покаяніемъ. Все прочее не токмо не изглаждаетъ грѣхи наши, а паче возвышаетъ и умножаетъ: ибо медленность и сомнѣніе отъземлютъ ревность ко обращенію на исправленіе, а уныніе и отчаяніе надежду оставленія грѣховъ.

Н А С Т А В Л Е Н І Е V

О

Повседневныхъ жертвоприношенійхъ.

Нѣтъ почти ни единого дня въ жизни, въ которой бы мы не могли какою

какую либо жертву принести Богу. И — еспьлибъ мы умѣли въ семь успѣшь: то какія бы оказали заслуги, и какую бы обрѣли пользу? Одиѣ повседневныя жертвоприношенія удобны насъ содѣлать праведными предъ Богомъ.

Я хочу Тебѣ пожертвовать сими приношеніями, Боже! и прошу Твою благодать, да воскурю ихъ предъ Тобою доспойно швоему Величію. Научи мя изъ сего обильнаго источника почерпай довольныя заслуги. Я презираль доселѣ ежедневныя жертвоприношенія; презираль, поелику не понималь цѣны ихъ.

Но днесъ чувствую, что Ты самъ, Боже! подаешь миѣ безчисленные случаи къ Твоему благоугожденію; въ каждую минупу я могу обрѣщать великія сокровища малыми заслугами; могу обрѣщать, — однако шеряю; — собственное нерадѣніе наше шому причиною.

Въ теченіи жизни своей довольно мы видимъ прискорбій, и — почти всегда должны неси крестъ. Изъ сихъ прискорбій многія бывають споль живы и чувствительны, что мы ихъ всегда ощущая, проводимъ жизнь свою въ вѣчномъ унынїи и печали. Сїи огор-

В 4

ченія

ненія естѣлибѣ мы умѣли переносить для неба и всегда бы ихъ обращали въ Твое благоугожденіе: по какую бы на всякъ день приносили тебѣ, Боже! благоуханія жертву?

Всякому предназначено особенное состояніе, и всякой въ своемъ состояніи имѣетъ различныя должности. Между сими должностями есть обременительныя, трудныя, невыгодныя. Сколько иногда требуется благопристойности, чтобъ ихъ въ почтении выполнить; сколько потребно сноровки и прозорливости на пустыя посыланія и визиты; тысячу дѣлъ съ нами встрѣчаются ежедневно, слѣдственно тысячу безпокойствъ и неудовольствій. Иногда многое должно дѣлать противъ своей воли, противъ своихъ наклонностей: часто дѣлать то, чего не хотимъ, и осваивать, что хотимъ. Все сіе очень превозмочь и опятощать. Но естѣли бы все сіе исполняли мы съ духомъ благочестивымъ: сколько бы каждую минуту могли учинить заслугъ въ разсужденіи вѣчности?

Живя въ обществѣ, должно обращаться съ людьми различныхъ званій и различныхъ характеровъ; иногда съ людьми разумными и дѣлающими красоту

сому для общества, а иногда съ людьми въпреными и служащими въ тягость. Въ прочемъ надобно жить со всѣми, и припомъ жить мирно, — любовно. А чѣмъ до сего дойти, сіе чего споишь? Въ шакомъ случаѣ поспи каждой день надобно съ собою сражаться; сколько должно причинять себѣ насилія? Сколько должно притворяться? Сколько надобно скрывать свои чувствованія и переносить чужія досады? Словомъ, въ шакомъ случаѣ вся жизнь наша по великодушію и благоприсойности можетъ быть благопріятною для Сердцевѣдца жерпвою.

Угодно Тебѣ, Создатель мой, чѣмъ мы одинъ для другаго трудились, другъ для друга несли крестъ. По Твоему промыслу всѣ наши взаимныя отношенія, скучныя и непріятныя, временемъ должны бы служить къ нашему освященію; но по нашему злоупотребленію они служатъ намъ въ одинъ вредъ и осужденіе. Мы другъ друга своимъ вѣроломствомъ мучимъ, другъ друга, вмѣсто того чѣмъ сдѣлать добрыми и щасплыми, развращаемъ, приводимъ въ порокъ и несчастіе. Сія ли дѣла суть дѣла достойныя Тебѣ на прощеніе?

В 5

Но

Но не выходя изъ себя самихъ, не ища случаевъ къ жертвоприношенію Твоему около себя, сколько мы ихъ въ насъ самихъ находимъ? Сколько мы видимъ огорченій въ ежедневныхъ своихъ занятіяхъ? Сколько разъ случается, что намъ должно вооружаться противъ себя самихъ, противъ своей пылкости, суевы, чувствительности; иногда надобно молчать, когда хочется говорить, и иногда надобно говорить, когда хочется молчать; иногда не лзя выполнитьъ своихъ удовольствій, а иногда должно переносить неприятности; въ случаѣ попребно владычествовать надъ собою, а въ случаѣ давать волю разсудку и шуткамъ, словомъ, принуждая себя и лишая свободы ежечасно, не значишь ли мучишься? Многія неудовольствія намъ обратились въ привычку, многія слабости намъ ощущительны ежедневно; при семъ какая для насъ польза жаловаться непрестанно всему свѣту, что мы для себя и для другихъ несносны? не лучше ли намъ всѣми прискорбіями своими жертвовать Тебѣ, Боже? Ты, возрѣвъ на нихъ, явишь къ намъ состраданіе; Ты облегчишь скорби наши, между тѣмъ какъ другіе своею холодностію и ослабленіемъ болѣе ихъ умно-

умножатъ, и болѣе будутъ мучиться.

Часто мы чувствуемъ внутреннїя волненїя, часто скрипный крестъ опягощаетъ душу нашу; намъ лично принадлежащїя неудовольствїя, въ которыхъ ничто, кромѣ насъ, не прїемлетъ участїя, сколько снѣдають наше сердце? Сколько мучатъ насъ и сокрушаютъ? И естьли когда, по не вѣ сїхъ ли огорченїяхъ мы должны прибѣгать къ Тебѣ, Боже? Не Тебѣ ли мы должны жерпвовать своими нещастїями и. е. не съ Тобою ли единымъ мы вѣ оныхъ должны собесѣдовать? Не на Тебя ли единого надѣяемся? Вѣ такомъ случаѣ сколько бы узрѣли мы помощи и ушѣшенїя, а слѣдственно, сколько бы и заслужить могли?

Иногда пребываемъ мы вѣ унынїи и скукѣ; не зная причины сего безпокойства, безпокоимся; не понимая причины своего смущенїя, колеблемся. Вотъ минушь, вѣ которыхъ паче прочихъ минушь намъ слѣдуетъ къ Тебѣ прибѣгать, Промыслитель! вѣ Тебѣ единомъ ища надежныя оспрады. И — сколько такихъ случаевъ встрѣчаешся съ нами вѣ жизни, коими мы не иному кому, какъ Тебѣ должны жерпвовать,

13

но желаютъ обратиться при всякомъ горесипномъ случаѣ на путь Господень. Будь впредь болѣе приближенною къ своему Создателю, нежели сколько нынѣ отъ Него удалилась. Тысячу случаевъ къ заслугамъ ны презирала, но тысячу еще случаевъ открываются заглазить прежнія опущенія. Все можетъ споспѣшествовать тебѣ къ возвращенію пошерянной благодати и къ уплодотворенію въ тебѣ по возвращеніи живущей!

Но дабы жертвоприношенія сіи содѣлать достойными пріянія Божія, для сего должно знать, по какимъ причинамъ и какимъ образомъ мы должны приносить ихъ? Вотъ чувства для сего приличныя: „Боже! всѣ дни мои „исполнены множествомъ прегрѣшеній; „каждую минушу впадаю я въ какое „нибудь преступленіе; но благодать „Твоя сообщаетъ мнѣ случаи къ жертвоприношенію, очищающему грѣхи „мои. Всякой день я чувствую новыя „Твои къ Себѣ милости; безпреспанно „но Ты исполняешь меня новыми „благодѣяніями; какое убо для меня благополучіе, чибѣ на всякъ день „приносить Тебѣ какую либо новую „жертву! Всякой день я очень много „забочусь о временныхъ своихъ выгодахъ,

„дахъ , о чувствѣнномъ удовольствіи ;
„всякой день желаю выполнишь всѣ
„житейскія потребности и достигнуть
„совершенія всѣхъ своихъ желаній вро-
„жденныхъ : но не полезнѣ ли бѣ для
„меня было , сдѣлавъ нѣкоторое наси-
„ле чувствѣнности , Тебѣ пожертво-
„вать всемъ моимъ сердцемъ ? Самъ
„по себѣ я никакъ не оспадся бы до-
„вольнымъ , а все довольство мое про-
„испекаетъ отъ Твоея щедроты . Слѣд-
„ственно всегда и за все я долженъ
„быть Тебѣ благодаренъ . Вижу я спе-
„зи ко спасенію ; но Твоя премудрость
„показываетъ мнѣ средства , руковод-
„ствующія по пути сему прямо къ
„ожидаемому блаженству . Могу ли я
„быть сколько вѣроломъ , чтобъ
„отвергъ спези сіи , и обратилъ во
„зло спасительныя Твои средства ?
„Судя по качеству Хрістіанина , еже-
„дневно надобно мнѣ себя самого оп-
„вергать , побѣждашь себя и умерщ-
„вляешь ; ежедневно слѣдуетъ мнѣ оп-
„крышь предъ Тобою новый знакъ лю-
„бви и благоугожденія : но сколько ли
„я щасливъ , чтобъ ты благопріят-
„но возрѣлъ на сіи знаки ? Ибо не
„паче ли я предъ Тобою не благода-
„ренъ , несправедливъ и виновенъ , не
„оказывая шѣхъ знаковъ ? „ При столь
мно .

многихъ и столь великихъ побужде-
нiяхъ, могу ли я хошя впредь оспашь-
ся нечувствительнымъ?

О душе моя! сколь обильна жап-
ва заслугъ, самимъ Богомъ порожден-
ная! спарайся собирать ее. Положи
новый образъ жизни пвоей. Съ искрен-
ностiю рѣшишь отъ нынѣ всей жиз-
нiю своею жерпвовашь Богу. Каждый
день ты можешь ему чѣмъ нибудъ
жерпвовашь. Должности, занятiя, раз-
говоры, имѣнiе, труды; все сiе можешь
бышь для тебя неисчерпаемымъ испоч-
никомъ приношенiй и заслугъ много-
цѣнныхъ. Почитай за непреложное пра-
вило, что лучше тысячу разъ воз-
спашь пропивъ себя самаго, нежели
единожды пропивъ другихъ; что одна
жерпва, принесенная благовременно,
можешь предохранить отъ безчислен-
ныхъ проступковъ и огорченiй; что,
наконецъ, всегда Тебѣ должно прино-
сить жерпвы, ешьли не по содѣйствию
благодати, то по естественной необ-
ходимости; ешьли не Богу, то миру, съ
пѣмъ шолько различiемъ, что жерпво-
приношенiе первое свято и спаситель-
но, а послѣднiе незаконно и поги-
бельно.

Сердцевѣдче! намъ ли не достаетъ
средствъ къ Твоему благоугожденiю?

Не

Не можемъ ли мы Тебѣ жертвовать ежедневнымъ себя самихъ умерщвленіемъ? — При ирапезѣ соблюденіемъ умѣренности, — во снѣ недолговременностью, — въ одѣянїи смиреніемъ и опрятностью, — при воззрѣнїи на соблазнительные предметы непрепкноренностью, — въ словахъ простотою и искренностью, въ сердцѣ чистотою и цѣломудріемъ? — Соблюденіе сихъ качествъ не означаетъ ли достойной Твоихъ щедростъ благодарности? Не лъзя намъ не признаваться въ своемъ опущенїи. Если бы умѣли мы жертвовать Тебѣ повседневными своими ирудами: то бы при всѣхъ должностяхъ, во всякомъ состоянїи, нашли безчисленныя побужденїя къ покаянїю, къ очищенїю, къ спраданїю духовному. Чего мы не можемъ выполнить изъ побужденїя любви шеплыя? Будемъ непрешанно воображать, что въ эту самую минушу, когда мы приносимъ какую либо жертву, имя наше и каждое движенїе сердца нашего запечатлѣваются въ книгѣ животной безсмертными и неизгладимыми чершами. Будемъ непрешанно помнить, что мы много уже потеряли времени безплодно, а остается лишь мало: то хотя къ послѣднему и великому жертвоприношенїю,

шенію, т. е. къ благочестивой смерти прѣугошовимъ себя достойно. Яко вѣрные чада Божіи соединимъ всѣ наши спраданія съ спраданіемъ Хрїстовымъ; да будетъ вся жизнь, яко жизнь Искупишеля, жертвою для Отца небеснаго непреспанною; по сему и возмездіе наше будетъ безконечно.

НАСТАВЛЕНІЕ VI

О

Желаніяхъ сердечныхъ.

Сердце человѣческое есть неисчерпаемый источникъ желаній, а желанія суть неизмѣримая бездна различныхъ безпокойствъ и мученій. Желанія наши по видимому стремятся къ щастію; но онѣ болѣе умножаютъ наше неблагополучіе.

Четыре вида безпокойствъ происходятъ отъ нашихъ желаній: безпокойство отъ ихъ многообразности, отъ ихъ пространства, отъ ихъ пылкости, отъ ихъ несогласія. Своею многообразностію они насъ обременяютъ, своимъ пространствомъ приводятъ въ заблужденіе, своею пылкостию выводятъ изъ границъ благоприсойности, своимъ несогласіемъ

Часть III.

Г

раз-

раздираютъ сердце наше на части. Слѣпоисшествующій человекъ! для того ли ты имѣешь многія желанія? Изъ сего ли источника ты надѣешься почерпнуть прямое благополучіе? Разсмотри и не ошибайся.

Желанія наши *многообразны*. Теперь мы желаемъ сего, спустя мало инаго; чпо часъ, то новыя прихоти въ насъ возрастаютъ; рождаются вдругъ и вскорѣ одна другую поглощаютъ. Се волны безчисленныя, непрестаннымъ предшесствіемъ и послѣдствіемъ сильно насъ обуревающія! Се колокое терніе, ежеминутно подъ нашими ногами подавляемое и паки возрастающее! Се сокровенные черви, мучительно и неупомимо точащіе наше сердце! Всѣ мы чего либо желаемъ: да сколь желанія наши разнообразны, сколь обширны и безпредѣльны, сколь сомнительны и неосновательны, сколь низки и подлы, сколь внезапны и самообычливы, сколь щепетны и безразсудны, сколь предосудительны и опасны? — сколь! . . . да можно ли всѣ описать ихъ виды? Вникни и испытай каждой свое сердце; его непрестанное беспокойство и жалкій опытъ лучше сіе откроютъ, нежели умозрительная словесность. Чего мы не желали доселѣ?

И

И къ чему послужили всѣ наши желанія? Онѣ насъ много занимали, много прежде беспокоили; а теперь? — исчезли! — Вопрь что остается часто, хотя и выполнены прихоти наши, пустоша и одно ничтожество. А при семъ не случается ли, что желанія наши вмѣсто доставленія радости и удовольствія неминуемо обращаются для насъ въ новый источникъ смущенія и унынія? Страшное наказаніе для сердца, — для коего единъ Богъ не можетъ составить полного довольства, и которое благополучія своего не ищетъ въ Богѣ!

Желанія наши *пространны*. Ибо сколь они бываютъ безчисленны, столько же безпредѣльны. До чего мы не доходимъ своими желаніями, давая сердцу своему полную свободу? Какъ можетъ быть доволенъ честолюбецъ снисканнымъ достоинствомъ, еслии онъ смотритъ на вышнія почести и ихъ снискаетъ; домогается? Какъ можетъ быть доволенъ сребролюбецъ совокупленнымъ богатствомъ, еслии онъ еще большія сокровища пріобрѣсть алчетъ? Сердце ни чѣмъ ненаполненное, какъ можетъ быть собою довольно? Часто исполнившееся желаніе раждаетъ въ насъ другое сильнѣйшее.

Первый шагъ, удачно предпринятый, побуждаетъ насъ сдѣлать другой шагъ, и при томъ гораздо отважнѣе; и мы, когда желаемъ еще ипши впередъ, по рѣдко примѣчаемъ, сколь далеко отъ первой цѣли уклонились. Но къ сожалѣнію какимъ спокойствіемъ можешь наслаждаться смущенное сердце, сердце всегда вздыхающее о томъ, чего не имѣетъ, или воображающее покло, что чего-то не достаетъ у него? Какимъ спокойствіемъ наслаждается сердце непостоянное, сердце непрестанно гонящееся за призракомъ щастія, за призракомъ въ то самое время исчезающимъ, когда онъ мыслишь обладать онымъ? Какимъ спокойствіемъ наслаждается сердце алчное, которое ничѣмъ не насыщается, и для котораго самое богатство составляетъ горькую бѣдность? Вотъ бездна неизмѣримая, гдѣ все исчезаетъ; вотъ ненасытимая пучина, которая все поглощаетъ; вотъ пламень горящій, которой все пожигаетъ и испребляетъ мгновенно! Гдѣжъ то благополучіе, которое многіе льстивались найти въ исполненіи своихъ желаній? — Пропало! —

Желанія наши *лыки*. Сердце наше сколько бы нечувствительное ни было, вдругъ дѣлается очень чувствитель-

пельнымъ, какъ скоро чего либо воз-
хощетъ. Въ такомъ случаѣ оно пре-
одолѣваетъ, кажется, самую при-
роду; изъ хладнаго и ледянаго премѣ-
няется въ крайне живое, и почти со-
всемъ въ огненное; въ такомъ случаѣ
оно за все хващается, чпобъ выпол-
нитъ свое желаніе. Спаранія и забо-
ты усугубляетъ даже до испощенія
силъ. Въ такомъ случаѣ прошенія
его бывають неумѣренны и молитвы
неблагоприспѣйны; униженность и ра-
болѣбство соединяются съ нѣкоторою
подлосіцію. Почему? Ибо когда мы
чего желаемъ съ крайнимъ изступле-
ніемъ; тогда ничто насъ не успра-
шаетъ, ничто не оспанавливаетъ на-
шихъ намѣреній; самыя препятствія
иногда болѣе и болѣе умножаютъ рве-
ніе нашего сердца. Источникъ, прор-
вавши плотину, нигдѣ не находить
себѣ препоны; такъ желаніе непре-
дѣльное все хочетъ объять и при семъ
одолѣваетъ всѣ препятствія. Однако
рѣдко преднамѣренной корыстію обла-
даетъ, не смотря на непрерывныя
попеченія, дѣятельность и усилія. А
за симъ что рождается? Всѣ страсти
сливаются въ сердцѣ ненасытимое,
сливаются или для большаго его му-
ченія или для возженія сильнѣйша-

го пламени. Зависть его начинаетъ грысть, ревность мучить, ненависть приводитъ въ изступленіе, ужасная меланхолія погружаетъ въ страшную горесиль. Сколько бѣ слѣпы и униженны мы ни были, всегда желаемъ себѣ благополучія: но неумѣренными желаніями такой причиняемъ себѣ вредъ, какою самыя непримиримые враги наши не могли бы пожелать намъ. Не жалка ли сія участь?

Однако несчастіе наше не симъ только оканчивается. Желанія наши *между собою противны*. Что тогда чувствуется наше сердце, когда противныя желанія раздираютъ оное на части? Внутренность, копорую одна приходитъ къ чемулибо влечетъ сильно, а другая удерживаетъ, одна возвышаетъ, а другая унижаетъ, подобна столпу Вавилонскому, при зданіи коего всякой говоритъ и никто не понимаетъ, — подобна ужасному театру, гдѣ многихъ лицъ противныя желанія представляютъ продолжительную и непрерывную брань. Или лучше сказать въ такомъ положеніи человѣческое сердце подобно бываетъ аду и душамъ въ немъ мучимымъ, кои сколько ни желаютъ, чтобъ избавишься отъ осужденія и улучшить оправданіе, но
жела-

желаніе ихъ никогда исполниться не можетъ.

Таково-то или еще жалоснѣе бываетъ состояніе человѣка, предавшагося неукротимой ярости безмѣрныхъ желаній! Самъ Духъ Святый сердце ненасытимое изображаетъ намъ въ чертахъ самыхъ ужасныхъ: *нелраведніи возволнуются и погити не возмогутъ* (*). Представимъ себѣ море, колеблемое яростію сильныхъ вѣтровъ; тамо видно безконечное множество волнъ вдругъ воздымающихся, пѣсно одна за другою гонящихся, и никакихъ границъ спремлещю своему не имущихъ; вотъ многообразность желаній! Тамо видна буря безмѣрная, отъ одного края песка досязающая до другаго, колеблющая дно и поверхность. Вотъ пространство желаній! тамо видны пѣною кипящія пучины, поминутно съ новою яростію разверзающіяся. Вотъ пылкость желаній! Тамо наконецъ частые приливы и опливы, кажется, явно между собою сражаются и другъ друга одолеваяють. Вотъ несогласіе желаній! *Нелраведніи волнуются и погити не возмогутъ*. Какъ на морѣ мрачность облаковъ висящая надъ главою, бездна пучинъ

Г 4

чинъ

(*) Исаяи 57.

чинъ разверзающаяся подъ ногами, молнія поражающая очи, громъ, потрясающій слухъ, разливая повсюду ужасъ представляютъ мореходамъ приближеніе смерти внезапной и страшной: такъ въ сердцѣ, обуреваемомъ многими желаніями, ничего не видно, кромѣ мрачности. Возмущенія и ужасы, поражающихъ подобно грому и молнии и возвѣщающихъ гнѣвъ праведнаго Бога.

Благій Вседержитель! ты покое единъ можешь укропить сіе яростное море — сіе колеблемое наше сердце. Возобнови убо для насъ чудо, ето же Ты сошворилъ еси нѣкогда для своихъ Апостоловъ. Повели морю, да утихнетъ и вѣндретъ, да уляжеть. Укропи мірскія и земныя наши пожеланія: тако возсіетъ ведро въ душахъ нашихъ и воцарится въ сердцѣ нашемъ спокойствіе и будетъ тишина велия (*).

Н А С Т А В Л Е Н І Е VII.

О

Вредныхъ слѣдствій нашихъ желаній.

Всѣ наши желанія должны бы къ Тебѣ спремиться, Боже! По сему
МЫ

(*) Маше. VIII. 26.

мы бы нашли въ нихъ все ихъ исполненіе и наше благополучіе; но удаляясь отъ тебя они возстаютъ на насъ и составляютъ тяжкое мученіе. Желанія наши дѣлаютъ насъ несчастными и купно виновными. Излей свѣтъ свой на меня, солнце правды, и сотвори, чшобъ я позналъ по плачевное заблужденіе, въ которое ввергаютъ меня безчисленные мои пожеланія; ввергаютъ и вмѣсто искуемаго щаспія доводятъ до неизбѣжныхъ гибели.

Наши желанія дѣлаютъ насъ несчастными.

Всякой человѣкъ желаетъ быть благополучнымъ; сіе желаніе всякому врожденно, сама природа укоренила его въ нашемъ сердцѣ. Мы всѣ ищемъ полнаго щастія; безпрестанно о немъ беспокоимся; но малоразсудные! ибо мы не думая оному быть тамъ, гдѣ истинно оно находится, ищемъ его тамъ, гдѣ его никогда не бывало. А такимъ образомъ, заблуждая въ своихъ изысканіяхъ и желаніяхъ, мы тогда дѣлаемся несчастливыми, когда надѣялись сдѣлаться благополучными.

И — что несчастіе сердца, сдѣлавшагося добычею множества, пространства, живости и противоборства желаній? Множества, непрестанно его

угиѣшающаго, — пространства, приводящаго насъ въ заблужденіе, — живописи, приводящей въ изступленіе, — наконецъ прошивоборства, на части оное раздирающаго; словомъ, что несчастнѣе сердца предавшагося насилію страстей, крайне неограниченному; мучительному? Такое сердце можетъ ли хопя одну минушу наслаждаться спокойствіемъ? Можетъ ли разумѣшь, въ чемъ состоитъ истинный покой его? Для такого сердца нѣтъ другаго врага, и нѣтъ столь безчеловѣчнаго мучителя, кромѣ себя самого: ибо оно изображаетъ неисчерпаемую бездну ендѣющей печали; изображаетъ землю, проклинаемую Богомъ; изображаетъ царство смятенія и мрака — адъ преисподній. Толико, или еще болѣе бываетъ злощасно сердце, возмущаемое и терзаемое ненасытимою жаждою безконечныхъ желаній!

Сколь жалокъ человекъ, предавшійся во власть неумѣренныхъ своихъ желаній! Не уже ли ему неизвѣстно, что сколько непристойныхъ желаній имѣетъ онъ въ своемъ сердце, столько ополчаетъ враговъ противъ своего спокойствія? Не уже ли онъ не могъ предвидѣть, что желанія его легко могутъ измѣниться въ насильственную

ую

ную страсть, — страсть въ несносное мученіе? — а подѣ владычествомъ мученій бытъ щасливымъ никакъ не возможно!

Не Ты ли, Судія праведный! опредѣлилъ, чѣмъ сія измѣна никогда не была измѣняемою? Гнѣвъ швой и наказаніе швое надѣ заслужившими ихъ исполняются на всякъ день. Всякой человекъ, сердце свое поработившій необузданнымъ желаніямъ, непрерывное долженъ ощущать въ себѣ безпокойство и мученіе.

Души несчастныя! Доколѣ будете шествовать кривымъ путемъ, путемъ шернїа, прямо ведущимъ васъ въ неизбежную пропасть? Не лучше ли, положивъ предѣлъ свдѣимъ желаніямъ, къ вождѣльному благополучію шещи вамъ спезею мира? Или чѣмъ болѣе штенаете вы подѣ мучительствомъ правосудительныхъ желаній, тѣмъ опчаяннѣе предаетесь онимъ? Такое несчастіе дѣлаеть васъ неизвинительными!

Наши желанія дѣлають насъ непростительно виновными: ибо они принуждають насъ удаляться отъ путей провидѣнїа. Сердце, предавшееся шревленію своихъ желаній, желяеть бытъ полномочнымъ начальникомъ своего
жре-

жребія; желаетъ само собою предначертывать себѣ путь къ благополучію, а такимъ образомъ опшваживаться по своимъ прихотямъ располагать волею Божіею. Что сего безразсуднѣе и неизвинительнѣе?

Неумѣренныя наши желанія болѣе всего рождаются отъ неумѣренныхъ спрасней. Гордость, скупость, зависть, мщеніе, злоба, роскошь, сладострасіе. Вотъ обыкновенные источники непростительныхъ нашихъ прихотей, прихотей правильно обращающихся для насъ въ сильное обуреваніе спокойства внутренняго и въ опаснѣйшій ядъ для спасенія.

А чшобъ въ семъ болѣе увѣриться, испытаемъ, чего мы чаще всего желаемъ? Къ чему болѣе стремимся сердце необузданное, развращенное? Къ предметамъ запрещеннымъ, непозволительнымъ, пагубнымъ. Въ семъ ли возможно обрѣсти желаемое благополучіе? Такія стремленія чѣмъ болѣе занимають нашу душу, тѣмъ паче препятствують ей наслаждаться плодами вѣчности. Ибо такія стремленія всегда были неправильны, постыдны, а слѣдственно вѣчно останутся прошивными Богу, закону его, — волѣ его, — промыслу его, — вѣчно пре-
бу-

будутъ неизвинительными. Какое множество преступленій! Какая бездна погибели! Какой источникъ наказанія Божія!

Создаждю мой! — Умоляю благость Твою съ Твоимъ пророкомъ: *не предаждь мене отъ желанія моего грѣшнику* (*), — Не попусти мнѣ ввергнуться въ бездну необузданныхъ и незаконныхъ моихъ прихостей! Сердце мое, для Твоей единственно любви сотворенное, утверди на пути семъ. Пусть кромѣ Тебя вѣчно оно ничего не находитъ, развѣ одну пусшосу, ничтожество, неудовольствіе и горьсть. Щасливывѣ мы были, естли бы насъ хотя сіи непріяности къ Тебѣ всегда руководствовали, и всегда съ Тобою жить поучали! Да можетъ ли то назваться непріяностію, что насъ соединяетъ съ Богомъ?

Хотя опѣ нынѣ поставимъ себѣ непреложнымъ обязательствомъ питать въ себѣ единое и числѣйшее желаніе, быть выну съ Богомъ, служи ему искренне, назидать спасеніе свое благочестно. Пусть желаніе сіе да занимаетъ всю душу, наполняетъ

(*) Пс. 139. ст. 9.

няетъ все сердце, и да освящаетъ всѣ наши чувства.

Престанемъ болѣе гоняться за призраками міра сего; престанемъ бѣгать за мечшательностію чести, минувныхъ удовольствій и богатствъ гнблемыхъ. Довольно уже мы ими занимались, довольно ими безпокоились, довольно, ища ихъ, заблуждали, довольно они насъ помучили и умножили нашу вину и пропускъ. Время уже теци намъ путемъ міра и покоя; время начать шествовать стезями святости и правды.

Будемъ желать чрезвычайно, — но желать единственно то, что чрезъ благочестіе можетъ насъ учинить истинно благополучными. Ограничимъ наши желанія однимъ преуспѣяніемъ въ добродѣтели; да глаголемъ чаще съ пророкомъ: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу* (*). Ничего не желаю я на земли больше, — ничего не требую въ семь мірѣ, какъ любить одного Бога, — ему служить выну и спасти свою душу. Кромѣ бо сего сокровища *что ми есть на небеси, и отъ тебе что лучше возхожу на земли* (**)? Боже!
Я

(*) Пс. (**) Пс. LXXII 25.

Я желалъ нѣкогда, обладалъ, гонялся за мечтами сего гиблемаго міра, и *видѣхъ яко все суета и лукавство веліе (*)*. Видѣлъ, что ничего подь солнцемъ желать не должно, и ни чемъ кромѣ Бога на земли хвалиться не прилично. Всѣ мы испощаемся въ своихъ вымыслахъ; всѣ мучимся своими желаніями, и что подь конецъ обрѣтаемъ? Одно раскаяніе, одинъ стыдъ, мученіе совѣсти, спчаяніе духа. Судя по сему пусть прочіе что ни вымышляютъ къ снисканію своего благополучія, пусть гоняются за многими въ мірѣ; но какъ они во всемъ ничего не могутъ обрѣсти, кромѣ мечты, опасности и гибели: *миѣ же прилѣплятся богови благо есть (**)*.

Блаженно и преблаженно сердце ищущее тебя, Боже! одною твоею любовію разумѣющее ограничивать всѣ свои желанія и весь своего благополучія жребій полагающее въ Твоей святейшей волѣ: ибо сіе токмо сердце можетъ вкушать всѣ пріятности въ настоящемъ мірѣ, можетъ находить спокойство посреди самыхъ суетъ, тишину въ обуреваніи. Вотъ блаженное желаній

(*) Еклез. II. 21. (**) Пс. LXXII 28.

ній нашихъ положеніе! жизнь безгрѣшная, вотъ все наше благополучіе! Въ Бога нѣтъ нигдѣ прямого щасія, и кромѣ благочесія ничто не можетъ насытити безпредѣльныя желанія нашего сердца.

Н А С Т А В Л Е Н І Е VIII.

О

Сообразованіи дѣлъ нашихъ съ волею Божіею.

Сообразованіе дѣлъ нашихъ съ волею Божіею существенно состоитъ въ сихъ трехъ обязательствахъ: 1 въ томъ, чтобы хотѣть того, чего Богъ хочетъ. 2 хотѣть такъ, какъ Богъ хочетъ, 3 хотѣть чего либо по тому, что Богъ сего хочетъ. Вотъ сообразованіе самое правильное! Хотѣть того, чего Богъ хочетъ, вотъ предметъ сообразованія; хотѣть, такъ какъ Богъ хочетъ, вотъ правило; хотѣть по тому, что Богъ хочетъ, вотъ побужденіе къ сообразованію!

Сколькобъ мы блаженны были, и сколько бы были безгрѣшны, естли бы такимъ образомъ сообразовались съ волею Всевышняго! Чрезъ сіе надежно бы преселились отъ сея жизни во
страну

страну избранныхъ на небесѣхъ, исполняющихъ волю Пресвятаго.

1 е. Хотѣшь того, чего Богъ хочетъ; вошь первый поступокъ, которой должно выполнять при сообразованіи дѣлъ нашихъ съ волею Божіею. Сего поступка что можешь быть справедливѣе, основательнѣе, необходимѣе? Воля бо Всевышняго всегда свята, всегда просвѣщенна, всегда непреложна, а наша часно бываетъ слѣпотствующа, неограничена, повреждена, неосновательна, и почти всегда вводящая насъ въ заблужденіе. И такъ не благополучны ли мы, имѣя для послѣдованія правило безопасное, швердое и надежное? Богъ ничего не можешь желать, кромѣ единого блага; предадимся убо волѣ Его, предадимся тѣмъ надежнѣе, чѣмъ непреложнѣе онъ обѣщавается ввести насъ въ тихое пристанищѣ.

Чего Богъ хочетъ, всего того и намъ надлежитъ желать безъ изьятія, безъ малѣйшаго исключенія. Ибо какъ для Вѣры необходимо нужно, признавать всѣ догматы Вѣры; иначе, еслили хотя одинъ отвергнемъ, Вѣра наша разрушается: такъ и при сообразованій дѣлъ нашихъ съ волею Божіею безъ изьятія во всѣхъ дѣлахъ должно съ нею сообразовашься; иначе, еслили хотя

Часть III.

Д

въ

въ одномъ поступкѣ съ волею Всевышняго мы будемъ несходны: по вся заслуга наша будетъ тщетна. Да и въ чемъ мы къ нашему горькому бѣдствию можеть отказать Богу? Или лучше, чего для истиннаго своего благополучія, чего не должны исполнить?

Предположивъ сію пользу, человекъ предавшійся въ волю Божію въ какомъ бы ни находился обстоятельствѣ, въ какомъ бы ни былъ состояніи; при всякомъ произшествіи найдетъ примѣръ подражанія въ жизни, помощь въ сраженіи, утѣщеніе въ нещасіи. Если по довольномъ благополучіи, послѣ исполненія всѣхъ его желаній случится впаснь ему въ нещасіе: по при угнѣщеніи отъ многихъ бѣдствій онъ разсуждаетъ со Апостоломъ: „Когда мы вся благая временная получили отъ десницы Господней, получили безъ всякихъ нашихъ заслугъ, по одной Его благодати: по сему для чего намъ не переносить иногда съ покорностію посѣщенія Вседержителя? „Когда превратность благополучія лишаетъ его послѣднато имущества, ввергаетъ въ крайнюю бѣдность и уничтоженіе: въ шакомъ положеніи онъ ободряется утѣшительными глаголы праведнаго Іова: Господь

лодь даде, Господь и отъя, — буди имя Господне благословенно (*). Наконецъ, дабы имѣть совершеннѣйшій примѣръ для подражанія въ какомъ бы то ни было горесипномъ соснояннн, онъ обращаетъ очи свои на своего Учителя Вѣры и начальника; Его благодатию всегда будучи одушевляемъ, взываетъ: *не моя, Господи, воля, но твоя во всѣмъ да будетъ* (**) надо мною.

Можетъ быть когда либо гласъ природы и отзывается иначе во глубинѣ сираждущаго человѣческаго сердца, а по сему препяпствуемъ чашу горести вкушашъ съ великодушнѣмъ; но вскорѣ внушеніе благодати въ сынѣ, сообразующемся съ волею Божіею, гласъ природы заглушаетъ, и такимъ образомъ возноситъ духъ Хрістіанина выше слабой языческой чувстввенности. Кто понимаетъ цѣну посѣщенія небснаго; тотъ часто проситъ, чтобъ не прекращалось оное, проситъ сими искренними словами: „Поражай и наказуй меня выку, святость правосудная! не внемли шпжкимъ моимъ воздыханіямъ, не зриай на слабость моихъ прошивопожертвованій: ибо что ты ни шворишь, то все спасительно и

Д 2

„по-

(*) Іов. I. 21. (**) Лук. XXII. 42.

„полезно.“ Сколь многоцѣнны сіи добрыя чувствованія сердца, съ волею Божіею сообразующагося! сколь пріятна бываетъ душа Создателю, когда она что ни дѣлаетъ и что ни переноситъ, все сіе творитъ изъ усерднаго повиновенія волѣ его!

2 е. Хотѣнъ добраго и всего честнаго, такъ какъ Богъ хочетъ. Мы слабы и часто себя обманываемъ. Часто воля наша основаніе и сущность дѣйствій своихъ приписуемъ Богу: но образъ, какъ она исполняетъ свои дѣйствія и обстоятельствова, при которыхъ исполняетъ, совсемъ съ святосцію Божіею не сходны. Часто мы желаемъ совершить что либо доброе; но совсемъ иначе выходитъ исполненіе. Желаемъ мы, на примѣръ, видѣть посѣщеніе нѣкоторой болѣзни; но не желаемъ вмѣстѣ, чтобъ она была мучительна и продолжительна. Всѣ мы вообще подлежимъ злохуленію и укоризнамъ; но когда насъ поносятъ явно, мы сего снести не хотимъ. Весь свѣтъ наполненъ неблагодарными людьми; но когда лично дѣлается намъ неблагодарнымъ лице, крайне облагодѣтельствованное, мы говоримъ: „Возможно ли было ему сіе сдѣлать? Во всякомъ другомъ случаѣ я бы повиновался съ

„охо-

„охотою Твоей волѣ; но при сихъ,
„просни моей слабости, Боже! трудно
„мнѣ побѣдить себя.“ Се щедрыя
предложенія! се исключенія, прошив-
ныя сообразности дѣлъ нашихъ съ
благоучрежденіями Промысла! Душа
Хрїстіанская, въ какихъ бы ни была
обстоятельствахъ, непрестанно долж-
на повиноваться Богу. Ибо хотѣшь
того, чего Богъ хочетъ, и вмѣстѣ
не хотѣшь такъ, какъ онъ хочетъ; сіе
означаетъ опнимать у него нѣкоторую
важнѣйшую часть жертвоприношенія;
и не ужасно ли приносить Всевышнему
во благоугожденіе одно сухое древо, а
цвѣты и листвіе предославлять само-
му себѣ?

Будемъ непрестанно взирать на
Божественнаго своего Учителя. Отецъ
его опредѣляетъ ему чашу горести;
чувства смущающія, вся природа со-
дрогается: но вдругъ святѣйшее со-
образование воли своею съ волею отчею
все препобѣждаетъ. Да исполнился
все надо мною, Боже! взываетъ Слово-
человѣкъ, не яко же азъ хочу, но какъ
чему бышь опредѣлила святѣйшая
Твоя Премудрость, не яко же ты (*).

Великій примѣръ! но сколько на-
ходишься вѣрныхъ ему подражателей?

Д 3

Не

(*) Мат. XXVI. 39.

Не болѣе ли во всѣхъ примѣнно ожесточенныхъ упорствѣхъ, неправильныхъ заключеній? Маловѣрные! мы ли не можемъ полагаться на благость своего Создателя? мы ли смѣемъ не подражать его премудрой волѣ?

3 е. Нашъ долгъ желать многого по тому единственно, что Богъ сего хочетъ. Вотъ истинное совершенство нашего сообразованія и прямо акбезная Богу жертва! ибо нѣтъ, подлинно, другаго побужденія къ исполненію воли Божіей, кромѣ его же святой воли; нѣтъ большаго, сильнѣйшаго и совершеннѣйшаго поощренія къ добродѣтели, кромѣ препорученія насъ самихъ въ волю вседѣйствующаго Промысла. Прилично ли намъ испытывать намѣренія Божіи, и требовать отъ него причины въ его опредѣленіяхъ? *Какъ это? Для чего это?* Да удалятся отъ насъ сіи вредныя чувствованія. Въ разсужденіи Вѣры естьли мы о чемъ мыслимъ: *какъ это?* Такъ Богъ учредилъ; вошь и побужденіе къ ея воспріятію. Въ разсужденіи же сообразности дѣлъ своихъ съ волею Божіею естьли мы воображаемъ: *для чего это?* Поелику сего Богъ хочетъ. Сія причина не сильна ли насъ расположишь на испытаніе **всѣхъ**

всѣхъ Евангельскихъ блаженствъ, бѣд-носши, поношенія, слезъ, глада и тяжкихъ даже мученій временныя жизни? Покланяемый нашъ Спаситель не тако ли самъ во всемъ сообразовался съ волею Отца Небеснаго? Не сознавался ли предъ нимъ при многихъ обстоятельствахъ въ сообразованіи дѣлъ своихъ съ Его превѣчнымъ опредѣленіемъ? не сознавался ли сими глаголы: *я хочу сего, поелику Тебѣ угодно: ей отъ те яко тако бысть благоволеніе предъ тобою* (*).

Высокое чувствованіе! премудрость совершенная! намѣреніе, означающее неизчерпаемый источникъ всякаго блага! Что мы можемъ получить отъ Создателя своего, еслии также будемъ сообразоваться Его волѣ? Тогда желанія наши измѣнятся въ Его святость, или яснѣе все изволеніе наше, изволеніе человѣческое, недоспашочное преобразится въ волю божественную и совершенную. А сіе сходство дѣяній нашихъ съ совершенствами существа Верховнаго не содѣлается ли для насъ источникомъ благъ безконечныхъ? Подлинно, оно будетъ для насъ исполненіемъ всѣхъ даровъ благодами: ибо

Д 4

Богъ

(*) Матт. XI. 26.

Богъ во всякомъ изобиліи общался изливашъ ихъ на душу смиренную и покорную. Оно будетъ для насъ исполненіемъ заслугъ; ибо чѣмъ мы лучше угодили можемъ Сердцевѣду, какъ не послушаніемъ воли его? Оно будетъ для насъ исполненіемъ утѣшенія: ибо что для вѣрнаго сына можетъ быть утѣшительнѣе, какъ вверженіе себя въ нѣжныя объятія Отца? Оно будетъ исполненіемъ мира: ибо кто можетъ нарушить спокойствіе души опочивающей, такъ сказать, въ нѣдрахъ самого Бога? Оно будетъ наконецъ исполненіемъ славы: ибо какой вѣнецъ пріугошворяется на небеси для души, ревностно соображающей на земли съ волею Создателя? О когда бы всѣ вѣрующіе вѣнца сего достигли спарадись!

НАСТАВЛЕНІЕ IX

*Совершенною преданіи себя въ руки
Божіи.*

Разсмотримъ причины, на которыхъ утверждается сіе размышленіе наше, и чувствія, какія оно въ насъ производить должно.

Вник-

Вникни, душа моя; въ высокія истины, долженствующія располагать тебя на совершенное преданіе въ руки Божіи. Испросимъ благодати, твердо укореняющія ихъ въ нашемъ сердцѣ, испросимъ, и — скажемъ :

Я точно увѣренъ, что все случающееся въ мірѣ бываетъ или по закону всеобщаго печенія вещей, или по особенному изволенію Божію. Онъ столь хорошо располагаетъ всѣми швореніями, что хотябъ мы и препятствія нѣкопорыя видѣли; они всегда могутъ служить къ Его славѣ и къ нашему оправданію. Чтوبъ иногда и непріятное для насъ по чувствамъ служило въ душевную пользу; сіе зависитъ отъ живой вѣры. *Любящимъ Бога, вся спослѣществуютъ во благое (*)*.

Я точно увѣренъ, что Богъ лучше знаетъ намъ полезное, нежели мы сами. Ибо Онъ знаетъ нашу природу, наши склонности, наши потребности, нашу слабость, нашу нужду и наши недостатки. Онъ, будучи обладателемъ вселенныя, всяческая производитъ въ мірѣ по премудрой благости своей; тому ли убо я не вручу себя самого, иже *вѣсть помышленія наша (**)*?

Д 5

Я

(*) Рим. VIII. 28. (**) I Кор. II 14.

Я почво увѣренъ, что тѣ самыя средства, которыя по мнѣнію нашему кажутся предосудительными и вредными, Богу содѣйствующу, измѣняются во благое. Когда мы почитаемъ спастися за невозможное; тогда сила Божія въ немощахъ нашихъ совершается. Въ чемъ свидѣтельствуютъ Іовъ на одрѣ болѣзненномъ, Іосифъ въ темницѣ, Даніиль во рвѣ, Моисей на морѣ, и другіе памятники, воздвигнутые изъ бездны и праха въ вѣчную славу Божія Провидѣнія и повиновенія нашего неиспытаннымъ судьбамъ его. На что полагаясь, кто не речетъ изъ вѣрующихъ: *Аще Богъ по насъ, кто на ны (*)?*

Я почво увѣренъ, что для каждаго изъ насъ назначенъ особенный путь, которымъ Богъ желаетъ ввести насъ на Небеса. Путь сей состоитъ въ теченіи естественныхъ произшествій, въ теченіи соединенномъ съ благодатию и ея пособіемъ. Не можно съ него соврапиться не нарушивъ порядка Провидѣнія. Въ гаданіи мы постигаемъ нынѣ путь сей: но Богъ знаетъ его совершенно, и Онъ шокмо единъ можетъ насъ по оному надежно руководствовать къ желаемому

(*) Рим. VIII. 31.

му блаженству. Возлюбимъ путь сей; естли хощемъ любить добродѣтель: вси бо *лутіе Господни суть истина* (*).

Сіе преданіе себя самихъ въ руки Божіи будетъ для Создателя нашего великимъ побужденіемъ, чшобъ онъ ниже единого отъ насъ лишилъ тихаго пристанища. Да и можно ли подумашь, чшобъ преблагій Богъ когда либо оставилъ душу, совсемъ предающуюся въ волю Его? Можно ли сомнѣвашься, чшобы нѣжный и сѣрдобольный Отецъ отвергъ когда либо сына, желающаго повергнуться въ распротерпыя его объятія? Вручимъ себя Богу, и Онъ насъ не оставитъ.

Не оставитъ, — сія истина столь шверда, какъ Евангельское слово; столь ясна, яко свѣтъ солнечный; столь несомнѣнна, какъ спасительная вѣра; столь непреложна, какъ бышїе самого Бога. Вручимъ себя Благому Промыслителю и Онъ насъ взыщеть. Довѣряя сей истинѣ, кто не речеть изъ насъ въ себѣ самомъ крошкимъ духомъ, кто не речеть словесъ сихъ:

Когда вѣрно, что все случается въ мірѣ по особенному изволенію Божію; то для чего шѣмъ беспокоиться, что со мною случается? Богъ сего хощеть,

ИЛИ

(*) Пс. XXIV. 10.

или по крайней мѣрѣ попускаешь быть сему; попускаешь, и знаешь причину всякаго произшествія. И такъ оставимъ Его совершеннымъ и полнымъ обладателемъ всѣхъ обстоятельствъ, какія ни учреждаешь для насъ опеческая его десница; во исправление наше часто посылаемая отъ него на насъ посѣщенія могутъ ли удалить насъ отъ Его преисполненнаго пламенною любовію сердца?

Когда вѣрно, что Богъ знаетъ лучше все со мною случающееся, нежели я: то для чего мнѣ въ немъ не успокоиваться? Для чего не ввѣряешь ему управленіе жребія моего? Чпобы сказали о человѣкѣ, плывущемъ по морю покойно, но при наставшей бурѣ вдругъ испоргнувшему руль для управленія судна, испоргнувшему изъ рукъ искуснаго кормщика? Неопытный и опчаянный мореплавапель учиненной наглосшію спасешся ли отъ кораблекрушенія? Гибель шѣмъ паче злощастна и сожалѣнія достойна, что онъ самъ на себя навлекаетъ оную. Въ безчисленныхъ обстоятельствахъ поопасемя и мы представляешь изъ себя подобное въ разсужденіи благоуправляющія нами силы Божія.

Когда вѣрно, что шѣ самыя средства, кои кажутся разрушающими наше

Ваше благополучіе, служатъ намъ къ безопасной опрадѣ, — и мы на сіе въ впечатеніи жизни своей множеству видимъ убѣдительныхъ доказательствъ; вспомнимъ прошедшее, сколько изъ сего уразумѣемъ чудесъ прееблагаго Промысла, сколько признаковъ милосердія безконечнаго? По сему можемъ ли мы въ чемъ нибудь не довѣрять Богу, только о насъ пекущемуся? Чего онъ для насъ благаго не сдѣлалъ, чего по благоупробию своему не шворитъ нынѣ, и чего мы совсемъ еще не понимаемъ, а онъ къ пользѣ нашей совершаетъ? Сколько намѣреній мнѣ неизвѣстныхъ, и можетъ быть несравненно предъ прежними удивительнѣйшихъ сокрыто во Всешѣдущей премудрости? Они для меня спасительны; дозналъ я сіе прежде, и послѣ уразумѣю нѣкогда, — нѣкогда они исполнятся, а я всегда долженъ быть благодаренъ.

Когда вѣрно, что каждому изъ насъ предназначенъ путь особый; путь, которымъ мы при содѣйствіи благодати удобно можемъ достигнуть небесъ, путь указуемый намъ всеильною десницею: по мы ли будемъ опасаться ипши имъ? Если кто отъ него уклоняется, шотъ подобенъ сшраннику, котораго скоро мѣлкающая

вечер-

вечерняя зарница освѣщаетъ на мало, но вдругъ непримѣнно заводитъ въ глубокую пропасть.

Богъ въ щедротахъ своихъ неисшощимъ, въ милоспяхъ безконеченъ; и чѣмъ болѣе мы приписуемъ Ему величество въ премудрости и благости, тѣмъ онъ къ намъ бываетъ благорасположительно, и такъ если мы во всемъ безъ изъятія въ полную предадимся волю Его, какого блаженства и какой славы должны отъ него надѣяться?

Боже! Спасителю, и Отче мой! я забываю себя, и къ Тебѣ прибѣгаю, — я оставляю мѣръ и ищу моего благополучія въ недрахъ неисчерпаемой Твоей благости. Ты безконечно премудръ, слѣдственно знаешь всякое благо; — безконечно милосердъ, слѣдственно всѣмъ даже и недостойнымъ желаешь блага; яко солнце сіяетъ на благіе и злые; ты безпредѣльно Всемогущъ, слѣдственно отъ тебя зависишь всякое всякаго созданія Твоего благо. Я все сіе знаю, — знаю, что ты лучше знаешь о моей жизни, о моихъ произшествіяхъ лучше, нежели я самъ. И такъ съ сей самой минутой препоручаю Тебѣ все то, что я имѣю; что я есмь, и чего надѣюсь; препору-

ручаю разумъ мой и всѣ его помышленія, — сердце мое и всѣ его желанія, — жизнь мою и каждое оныя дыханіе; — препоручаю Тебѣ все мое упованіе, всю любовь и Вѣру. Я хочу всего, чего ты хочешь, и не желаю всего, что Тебѣ не угодно; желаю блага, яко ты желаешь, и не хочу беззаконія, потому что Ты не хочешь. Во всемъ буди со мною воля Твоя!

Съ сея самыя минушы до минушы смершныя я препоручаю Тебѣ судьбу мою; располагай ею владычно; располагай щаспїемъ моимъ и нещаспїемъ, бѣдноспїю и изобилїемъ, болѣзнію и здравїемъ, жизнию и смерпїю, временемъ и вѣчноспїю; располагай яко же хочеша; я Тебѣ преданъ и покоренъ. Судьбы Твои Свяшы, намѣренія блага, дѣянїя спасительны, воля благодѣюща. Твердая убо о сей волѣ Твоей памяшь и рѣшишельная на нее надежда да начнеша во мнѣ опѣ нынѣ, да не кончипса во вся дни живота моего, да возобновипса паче при врапахъ смерпи моей, да будешъ послѣднею моею мыслїю, моимъ послѣднимъ чувствїемъ, послѣднимъ издыханїемъ. Прѣдаю душу мою въ рудѣ Твои; благослови ю; хвалю имя Твое, да напишеша имя мое въ книгѣ живошной.

Вошѣ

Вотъ собразъ совершеннаго преданія въ рудъ Божи! кромъ сей умозрительности при всѣхъ подвигахъ и спраданіяхъ жизни своей да речешъ кійждо : „ Богъ се „го хоцешъ, Богъ сего пребуешъ, и — я „долженъ терпѣшь. „ Симвъ паче преданіе наше утвердитсѣ. Въ великихъ нещастіяхъ и необыкновенныхъ перемѣнахъ будемъ думать, что Богъ его же и убиваетъ, жиши пворитъ, по сему и мученической крестъ покажетсѣ намъ подвигомъ радостнымъ и легкимъ. При щастливыхъ наконецъ обспоятельстввахъ не все то надлежитъ исполняшь, что можемъ, а что необходимо должно по закону благодати; иначе преданность наша будетъ мечпательная, гордая, постыдная. Да искушаемъ себя, чтобъ, когда полагаемсѣ на Бога, не быти намъ искушающими волю Его, а швердо на нее уповающими.

Н А С Т А В Л Е Н І Е X

О

Небреженіи въ разсужденіи дѣлъ мало-важныхъ.

Нѣтъ ни единого столь малаго зла, которое бы ужасными своими послѣдствіями не доводило насъ до великихъ

ликихъ и опаснѣйшихъ крайностей; такъ напропивъ нѣтъ ни одного споль малаго добра, которое бы непримѣннымъ своимъ приращеніемъ не могло возвысиль насъ до превосходной святоспии.

Зло по видимому маловажное, въ послѣдствіи обращается для насъ въ великое несчастіе, и сѣ потому, что малое упущеніе нечувствительнo доводитъ насъ до проспуковъ важнѣйшихъ; доводитъ иногда путемъ расположенія и обмана, а иногда путемъ наказанія и искушенія. Каждой путь сей колько достоинъ нашего размышленія, и съ какимъ соединенъ ужасомъ и мученіемъ!

Небреженіе въ разсужденіи дѣлъ маловажныхъ доводитъ насъ до великихъ погрѣшностей іе. путемъ *расположенія*, т. е. путемъ навыка. Человѣкъ пріобучившись дѣлать малые пороки, нечувствительнo располагаетъ и на большіе. — Сперва нужно лишь ослабѣть, потомъ вдругъ возродится нерадѣніе, за симъ отвращеніе отъ благочеснтя, далѣе непріяте Благодаши, наконецъ заглушеніе мученій совѣсти. Нынѣ отважимся нарушить одно правило закона, а завтра мы и два преспунимъ смѣло. Нынѣ впа-

Часть III.

Е

демъ

демъ въ невѣрїе, а заушра и отпаде-
не исполнится. Чѣмъ менѣе кто бодр-
ствуемъ, тѣмъ меньше опасаемся;
кто мало опасается, тотъ болѣе раз-
слабѣваемъ, болѣе развлекается. А
въ слабости и развлеченїи всякой не-
столько расположенъ бываетъ къ до-
бру, сколько наклоненъ къ пороку.
Между тѣмъ время благочестїя со дня
на день при всей своей легкости опу-
сшившемуся духу кажется отягощи-
тельнѣе, несноснѣе; влекутъ его не-
радїицы, — но что я говорю просто
влекутъ; влекутъ, и при томъ жалу-
ются, и при семъ сколько можно об-
легчаютъ важность чинимыхъ пресну-
пленїй. Въ чловѣкѣ нечувствитель-
но то пропадаетъ, что въ немъ было
прежде добраго, и зло, лишь только
мы на него отважимся, непримѣнно
возрастаетъ болѣе и болѣе.

Сколь надъ многими справедливость
сихъ словъ живо исполнилась! Многіе
ужасались прежде самой мысли зла, а
нынѣ, ослѣпившись первымъ покушенї-
емъ, посредѣ самой гибели живутъ
безбоязненно. Сколько бы ни испыты-
вали преснупники дѣла свои, сколько
бы ни облегчали вину свою; но мо-
литва ихъ всегда пребудетъ моленї-
емъ хладнымъ, благочестїе опущеннымъ,
законъ

законъ Вѣры забытымъ; а по сему самая Благодать презрѣнною, грызеніе совѣсти погашеннымъ; вотъ начало и успѣхи первыхъ погрѣшностей! Явная невѣрность, наглое ожесточеніе, одно паденіе, сопровождаемое множествомъ другихъ паденій, вотъ предѣлъ неизбѣжимый, до котораго доводятъ себя небрежущіи о исправленіи своемъ при первыхъ на зло покушеніяхъ!

2 е. Пустемъ *обмана*. Нѣтъ почти ничего обыкновеннѣе для людей, отъ добра уклоняющихся и въ порокахъ разслабѣвающихъ, какъ предубѣжденіе, что они при самыхъ заблужденіяхъ правы. Въ такомъ случаѣ всѣ виновники утверждаются на ложныхъ началахъ, на ложныхъ правилахъ, на ложной совѣсти. Предполагаютъ иногда преступники, что они виновны, да при семъ вину свою стараются облегчить тысячію неосновательныхъ умозаключеній; сознаваясь въ своемъ проступкѣ, обѣщаютъ впредь никогда уже не выходить изъ границъ благопристойности: но когда легче имъ обманывать себя самихъ, какъ не при семъ обстоятельстве, въ которомъ добро и зло такъ тѣсно между собою сливаются, что ихъ и различить почти не возможно? Когда человекъ

Е 2 чистъ;

чистъ, тогда и непрощительное заблужденіе для него кажется мало важнымъ; ибо неиспытавшій зла и великое можетъ почестъ легкимъ.

При неосновательномъ мнѣніи, при обозрѣніи вещей поверхномъ, при желаніи едва едва возраждающемся, когда сердце и на ту и на другую сторону легко можетъ преклониться, легко можетъ на что либо согласиться и опъ чего нибудь отказаться; въ иномъ случаѣ почти и различить трудно, что есть въ насъ и чего не достаемъ; чего мы боимся и что любимъ; чего ищемъ, и чего удаляемся. Сіе плачевное претыханіе коль ужасныхъ бѣдствій было виною, и коль многія производилъ даже и нынѣ! Подъ предлогомъ дружеской любви сколько мы употребляемъ иногда язвительныхъ шутокъ, ядовитыхъ колкостей, думая, что они для ближняго легки; однако часто въ себѣ обманываемся: ибо легкія раны для чувствительнаго сердца бывають нерѣдко поразительны и смертоносны. Подъ предлогомъ мнимой слабости сколь многіе ввергаются въ нерадѣніе и разслабленіе, въ самомъ дѣлѣ опаснѣйшія; а за симъ сколько презирають должностей, сколько опускають обязанностей, сколько дарова-

ній

нѣй погребають въ землю, такъ что мученія внутреннія умолкають, — совѣсть безмолствуетъ! Тако-шо слѣпопоспвующіе челоуѣки обманываясь заблуждають, и посреде самой гибели думаютъ, что они очень удалены отъ края бездны. Впали уже многіе въ ея неизмѣримостъ; а по сему коликѣ достойны жалости, коликѣ виновны предъ судомъ Твоимъ, сердце-вѣдче!

3 е. Путемъ наказанія. Судія праведный! что ты изрекъ нѣкогда древле въ разсужденіи беззаконныхъ; и по днесь исполняется: *вѣ ю же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ* (*). Какъ вѣрнымъ и много о благочестіи пекущимся душамъ отверзаешь Ты обильно сокровища свояе благодати, такъ душамъ грѣшнымъ, душамъ погрязшимъ въ чувственныя прихотья заключаешь щедроты свои. Не лзя опасаться, чтобы дары нужные, дары общіе всегда были отъ грѣшныхъ отъяты; Ты по всеобщему Промыслу и ихъ не отспавляешь; но дары часныя, дары благодати оправдающія удержи-
ваешь. Ибо оправданіе обѣщано, и его имѣ только достойны, копорые о немъ

Е 5

спа-

(*) Матт. VII. 2.

стараются и его заслуживаютъ. Не-
щасиенъ, кто невѣрїемъ своимъ обра-
щаетъ во зло великіе знаки Твоихъ
милоспей. Грѣшникъ чего долженъ на-
дѣяться, когда онъ о малыхъ преспу-
пленїяхъ ни мало не разсуждаетъ, и
потому только, что они не смертны,
почитаемъ ихъ за ничто? Боящійся
осужденїя, долженъ бояться и легчай-
шихъ пресупленїй. Всякой грѣхъ, по
отношенїю къ святоспїи Создательной,
реликъ; слѣдственно заслуживаетъ
тяжкое наказанїе, и оно, хотя мы
не примѣчаемъ, сбывается надъ нами
сжечасно. Однако не симъ только со-
вершается нещасїе наше, когда мы
опускаемъ съ малыми дѣлоушителями
великія.

4 е. Діаволь къ горшимъ беззаконїямъ ведетъ насъ путемъ *искушенїя*. Діаволь, дабы погубить праведную душу, не представляетъ ей великія беззаконїя, грѣхи явные, которыхъ одно воображенїе приводитъ въ ужасъ. Онъ вкрадывается не чувствительна, въ неоспорожное сердце входитъ непримѣтно. Въ началѣ представляетъ ему не столь предосудительныя прелести; потомъ доводитъ до разсѣянїя мыслей, наконецъ приводитъ къ важнымъ пресупленїямъ, съ опущенїемъ

нѣмъ послѣдствій, по видимому не столь опасныхъ. Такимъ образомъ привыкають мало по малу смотрѣть на бездну гибели безъ ужаса, на малыя погрѣшности съ холодноспію, на великія безъ содроганія. Вотъ спрѣла искушенія вражія! Когда ея поражается сердце наше: тогда нужно ли, чтобы вдругъ исполнялось съ нами крайнее несчастіе, или легче оное чувствовать постепенно? Нужно ли, чтобы вода капля за каплею впекала въ судно, или цѣлыми волнами, когда уже судно поглащено? Нужно ли, чтобы искра пепелилась, или ужасной пламень возгарался въ домѣ, когда уже домъ возженъ отъсюду, и спасти его нѣтъ средствъ, ниже надежды? Нужно ли, чтобы человѣкъ шелъ тогда шагомъ, или спремглавъ низвергался въ пропасть, когда уже онъ въ ней — погибаетъ? И то и другое означаетъ крайнее бѣдствіе. Чтобы не впастъ въ зло великое, должно беречься малаго.

Порази мя, Боже праведный! спасительнымъ своимъ страхомъ при одномъ возрѣніи на малѣйшую опасность; порази горесщнымъ раскаяніемъ при воспоминаніи легчайшихъ преступленій, а паче, всего обними мя ог-

немъ чистыя къ Тебѣ любви; — обьими, да спрашуся неизбѣжнаго моего осужденія, естли оскорблю величіе Твое. Одно имя невѣрія и всякаго грѣха да приводитъ меня въ содроганіе и въ трепетъ. Легчайшее преступленіе да будетъ мнѣ ужаснѣе, нежели всѣ временныя мученія, нежели смерть, нежели самый адъ. Тако любящіе Тебя и желающіе любить вѣчно, тако готовы служить Тебѣ до послѣдняго издыханія!

Н А С Т А В Л Е Н І Е XI

О

Выгодахъ малыхъ добродѣтелей.

Сколь утѣшительно для души, мало еще занимавшейся великими дѣянїями, думать, что малыя добродѣтели, нечувствительно увеличиваясь, легко могутъ насъ содѣлать совершенно непорочными! И сіе весьма справедливо, потому что малыя добродѣтели располагають насъ къ великимъ, что малыя добродѣтели, совокупившись въ одно множество, составляютъ отличную заслугу, и что наконецъ малыя добродѣтели, сколько бы ни казались маловажными, будучи

дучи разсматриваемы въ особенности, въ своей цѣлости, въ своемъ продолженіи суть очень велики. *Вѣрный въ малѣ и во многомъ вѣренъ есть* (*). И такъ малыя добродѣтели какимъ могутъ быть для насъ источникомъ заслугъ, естли только мы разумѣемъ почерпашъ изъ источника сего многоцѣнныя сокровища!

Открой мнѣ, Боже! сіи добродѣтели; содѣлай, чпобы я уразумѣлъ цѣну ихъ, и явился искусень въ ихъ совокупленіи. Будучи немощень по естесивенной слабости, совершитъ предъ Тобою великія жертвоприношенія; удостой благодашю своею, чпобы я хопя мало благоудилъ Тебѣ чувствительнымъ преуспѣаніемъ въ малыхъ добрыхъ подвигахъ, чрезъ сіе могу я возвысиль къ Тебѣ душу мою: и пакъ буду ли сполько вѣроломень, чпобъ вознебрегъ о легчайшемъ средствѣ моего оправданія?

Малыя добродѣтели располагають къ великимъ. Весьма погрѣшительно думашъ, чпо святость состоиль въ великихъ подвигахъ, или будто до оныя достигашъ должно вдругъ. Ныш! Свяпыми дѣлаюпся обыкновенно по

Е 5

малу,

(*) Лук. XVI. 10.

малу, нечувствительно преуспѣвая въ дѣлахъ добрыхъ. Путь непорочности не лѣзя преиши въ единъ день, а надлежитъ по немъ шествовать долговременно. Тихіе пупешеспвенники надеежно достигаютьъ предназначенной дѣли. Ибо тихо шедши они укрѣпляются въ силахъ; тихо шедши снискиваютьъ навикъ безусталости; тихо шедши превозмогаютьъ невѣроятныя шрудности; а такимъ образомъ, легко успѣвая въ невозможномъ почни изнуреніи, они торжественно совершаютьъ и великихъ поприщъ печеніе. Святость снискивается побѣдою. При всякой же побѣдѣ бываютьъ сраженія великія и малыя. Безъ сихъ предшествій ш. е. безъ малыхъ сраженій рѣдко совершаються вѣнценосныя великія. Напрасно нѣкоторые думаютъ, будто мужественно можно ополчаться противъ нападений сильныхъ и ужасныхъ, когда при малыхъ бываютьъ бессильны. Глупо тогда надѣяться, ипши подобно Гиганту, когда бывъ слабѣе младенца падаютьъ на каждомъ шагу многократно. Думаешь ли ты ипши въ путь; испытай прежде свои силы; къ великимъ подвигамъ пріобучи себя прежде шрудами легкими; чщобъ одержашъ великую побѣду

на-

научись прежде торжествовать при малыхъ сраженіяхъ. Яви себя прежде добрымъ воиномъ при слабыхъ нападеніяхъ; по томъ будешь героемъ и въ сильномъ рапованіи. А все сіе значить: будь сперва въ маломъ вѣренъ, по томъ получишь успѣхъ и въ великомъ.

Рекла истина: *Вѣрный въ малъ и во многомъ вѣренъ есть*; глаголь ея не предложенъ. Но я доселѣ не оказалъ вѣрности ниже въ великомъ, ниже въ маломъ. Ибо что я ни дѣлалъ доселѣ; дѣлалъ съ небреженіемъ, дѣлалъ безъ успѣха, дѣлалъ не простираясь далѣе, а паче уклоняясь отъ пути добродѣтельного. Вотъ жалкое состояніе, въ которомъ я по днесъ живу и всегда ослабѣваю! Въ немъ едва могу возснестись предъ Тобою, Боже! Уповаю, что Ты паче просвѣпишь меня въ моемъ заблужденіи и опвратишь опасность. Помози ми, да изыду изъ бездны сея!

Малыя добродѣтели, соединившись купно, составляютъ особенную заслугу. Случаи дѣлать малыя добродѣтели суть многообразны и намъ весьма обыкновенны. Великія добродѣтели предоставлены рѣдкимъ, а малыя каждому; и потому естли мы и въ сихъ пре-

пребудемъ вѣрны; по умноживъ заслуги, соберемъ себѣ великое небесное сокровище. Изъ малыхъ пошеровъ составляются большія рѣки, и малыми днями, но многими путешественники оканчиваютъ великій путь. Чтобъ имѣть великій случай и исполнить дѣла великія, сіе бываетъ очень рѣдко; а чтобъ чрезвычайными дѣлами и чрезвычайную оказать заслугу вдругъ; сіе почти никогда не случается. Ибо есть нѣкоторая постепенность и въ добродѣтеляхъ. Человѣкъ, желающій быть добродѣтельнымъ великими подвигами, долженъ ожидать ихъ, и — можетъ быть во всю жизнь свою не дожидеться. Вотъ мечтаніе, въ которомъ часно многіе закоснѣваютъ и всегда ослѣпляются! Ожидать великихъ случаевъ для великихъ добродѣтелей, а между тѣмъ опускать малыя видимыя и настоящія добродѣтели; сіе означаетъ сомнѣваться о цѣнѣ малыхъ и неприимѣнно разслаблять дѣятельность духа въ разсужденіи великихъ; и такъ сіе есть желать ни шѣхъ, ни другихъ не дѣлать.

Великій Спаситель! Ты намъ показаль совсемъ иной путь къ предуспѣянію въ добродѣтеляхъ; Ты самъ сказалъ нѣкогда: *подобаетъ сія творити* —

ти — ш. е. добродѣтели великія, и онѣхъ не оставляти (*) ш. е. малыхъ. Тако живущь предъ Тобою многія души праведныя, и на семъ пвердомъ учени Твоемъ сколько назидаютъ заслугъ своихъ? А я напрошивъ сколь много презиралъ твои наставленія? Сколь мало старался о настоящихъ благихъ, а предполагая успѣшь въ нихъ послѣ, потерялъ тысячу случаевъ къ добродѣтели? Мое упущеніе во все теченіе лѣтъ моихъ не позволило еще мнѣ ни единого шага содѣлать къ святости; между шѣмъ друіе, какъ я вижу, уже оканчиваютъ подвигъ благочестія. И такъ я буду жить до конца дней моихъ въ сей холодности, въ семъ нерадѣніи, въ семъ уклоненіи отъ пуця непорочности? Я знаю все то, что мнѣ должно дѣлать, и не исполняю ничего; вижу прямой пушь къ оправданію и заслугамъ, да все еще медлю по немъ итпни: симъ ли средствомъ достигну Твоея, Боже! награды?

Малыя добродѣтели составляютъ великія. Ибо малыя добродѣтели сколько бы ни были разнообразны; но, будучи разсматриваемы въ своей особен-

(*) Матт. XXIII. 23.

бенности, въ своей цѣлости, въ своемъ совокупленіи, сушь очень велики. Тотъ лучше сіе знаетъ, кто чувствуешь ихъ цѣну и важность. Однако мы болѣе ихъ презираемъ, нежели сколько любимъ. Ибо всѣ ли понимаютъ, что значатъ слова сіи, сіи великія правила: беспрепятственное насиліе, беспрепятственное умерщвление, уничтоженіе ежеминутное? Не означаютъ ли они всегдашнюю жертву, всегдашнее мученичество, всегдашнюю смерть? Подлинно, не споль важно побѣдить себя въ одномъ случаѣ, сколь величественно преодолевать себя всегда. Малаго стоитъ вооружаться пропивъ себя при одномъ покушеніи на злое, но великаго, не попускать себя на оное при всякомъ соблазнѣ. Не удивительно укротить единожды возстающія страсти, но рѣдко, сохранить въ сердцѣ своемъ всегдашнее спокойство. Ничего не стоитъ потерпѣть день, одинъ мѣсяць своенравіе и злость людей съ нами живущихъ; но сносить сіе всякой день, во всю жизнь, каждую минуту, какое сраженіе! какое при семъ потребно мужество! какая жертва! Добродѣтель не уже ли попому только бываетъ уже маловажна, что она обыкновенна; или не смотря на сіе, самое помышленіе,

испол-

исполнить оную, означаетъ такое великое добро, которымъ великія сердца восхищаются? Много мы видимъ въ одну минуту оказавшихъ нѣкоторыя подвиги; но мало такихъ, которые бы непрестанно и различныя совершали добродѣтели. Многие великодушно сносятъ тяжкія, но минутныя болѣзни, а въ болѣзняхъ, мало по малу расслабляющихъ тѣло, рѣдкіе не опчаяваются. Многие краткое мученіе переносятъ великодушно и твердо, а въ исполненіи легкихъ ежедневныхъ добродѣтелей оказываются малодушными и непостоянными.

Да многія добродѣтели маловажны, говорятъ нѣкоторые, и потому исполненіе ихъ наскучиваетъ. — Добродѣтели и — маловажны. . . Боже мой! можемъ ли мы творенія слабыя и смерпныя, можемъ ли что величественнѣе исполнить что предъ Тобою, какъ добродѣтель? Добродѣтели маловажны, и потому ихъ опускаютъ; да если бы великія содѣлаше открылся намъ случай: то могли ли бы ихъ содѣлаше? Не сказали ли бѣ тогда, что они превышаютъ наши силы? Добродѣтели маловажны: — но если бы они Богу пріятны и онъ ими благоугождася, то если бы ихъ что превосходить?

нѣе? Добродѣтели маловажны. — Да цѣну ихъ испытали ли мы на самомъ опытѣ? — Добродѣтели маловажны: — что сего виновнѣе, какъ смотрѣшь на добродѣтель, каковабѣ она ни была, яко на предметъ недостойнѣйшій не токмо нашего исполненія, но даже вниманія? Добродѣтели маловажны: — да не онѣ ли содѣлали нѣкогда многихъ великими святыми? — Есть, подлинно, есть по сему и маловажныя добродѣтели; но онѣ соединены съ великими побужденіями, съ великими чувствіями, съ великою любовію, съ великою ревностію; слѣдственно великую составляютъ заслугу, великія означаютъ сокровища, великаго достойны воздаянія. Двѣ лепшы были нѣкогда похвалены, и мы естли жаждущему подадимъ стаканъ воды, сіе не будетъ избыто.

Я слышу гласъ, Божественный Учишело! слышу гласъ Тобой внушаемый душѣ вѣрной, душѣ ниже что малѣйшее, служащее къ славѣ Твоей, оставляющей: поелику въ маломъ ты мнѣ явилась вѣрною; во многомъ явлю Тебѣ доверіе: *надѣ многими ты поставлю* (*). Коль безконечны Твои щедроты
мы

(*) Матѣ. XXV. 21.

Мы лишь токмо похощемъ выпол-
нимъ повелѣнїя Твои, — соблюсти
дарованные намъ таланты, и Ты въ
величїи мзды своея сіяешь паче сол-
нца. Еслии каждой поступокъ рѣши-
лись мы обращать въ любовь къ Тебѣ:
по каждое наше дыханїе обогащается
новыми твоими милостями. Ежеднев-
ная и новая вѣрность наша прїобрѣ-
таетъ ежедневно новую благодать
Твою. О! когда бы симъ щасливымъ
соединенїемъ благодати и вѣрности, —
благодати низводимой съ небесъ на
землю вѣрностию, и вѣрности награ-
ждаемой благодатїю, мы рачительнѣе
переходили отъ малыхъ добродѣтелей
къ большимъ, отъ заслуги къ заслу-
гамъ; чрезъ се возраспалибъ мы изъ
славы въ славу, и прямо вошли бы во
святую гору Сїонъ. — Въ жилищѣ Бо-
жїе духомъ непорочности.

Велїй Богъ нашъ взираетъ паче на
сердца, а не на дѣянїя. Да творимъ
убо все съ любовїю къ нему, и — все
будетъ предъ Нимъ велико; все удо-
стоится своего вѣнца, своего возмездїя.

Часть III. Ж НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XII.

О

Смерти грѣшника.

Ужасная смерть естъ обыкновенный предѣлъ, до котораго доводитъ насъ порочная жизнь наша. Естълибѣ мы умирали помяо и смерть вводила насъ въ блаженную вѣчность: то мы не только бы оныя не боялись, но даже должны бы ее желать и воздыхать объ ней. Но когда временная кончина наша неизменно имѣетъ быть соупснвувема великими несчастіями, и конецъ жизни сея долженъ быть началомъ злощасныя вѣчности: то какими чувствами объемлетъ душа грѣшная при приближеніи своея мстительницы? Какимъ ужасомъ поражается при приходѣ смерти человекъ виновный, ко-его вся жизнь была непрестаннымъ преступленіемъ, всегдашнимъ скопищемъ безпорядковъ? *Смерть грѣшниковъ люта* (*). Во время живота своего беззаконникъ поклбался въ лонѣ радости, щасія и обилія: но вдругъ, — какая страшная переменна! при смерти ничего ему въ удѣлъ не остается, кро-
мѣ

(*) Пс. XXXIII. 22.

мѣ горѣкихъ воздыханій и смущенія, — воздыханій при воззрѣннн на то, что теряетъ во времени, а смущенія въ разсужденіи того, что ожидаетъ въ вѣчности. Какая страшная кончина! Для того ли мы родились, чтобъ умереть такимъ образомъ?

Умиращій грѣшникъ бываетъ въ состояннн крайней бѣдности и сокрушенія. Теряя жизнь свою, чего онъ не лишается? Лишается богатства, которымъ онъ обладалъ многу и довольно; лишается друзей, съ которыми онъ жилъ весело и оипкровенно; лишается всѣхъ предметовъ, которые онъ крайне любилъ и ими утѣшался; лишается благодати, которую употребилъ во зло. Чтожъ ему остается? Одни грѣхи его и мученіе совѣсти!

Но еще прискорбнѣе бываетъ грѣшникъ во время болѣзни, во время приближенія своего ко гробу, во время разлученія души отъ тѣла. Живая печаль, печаль соединенная съ мучительнымъ и горькимъ сокрушеніемъ; вотъ часть достойная души, для которой самая Вѣра не хочетъ умалить строгостей своего закона! Правда, страждетъ при смерти и Праведникъ; страждетъ, да умираетъ спокойно.

Ж 9

Ибо

Ибо праведникъ пріобучился уже спра-
дашь, пріобучился умерщвлять плоть
свою и чувствува, пріобучился къ же-
стокоостямъ жизни спрогоспію покая-
нія; слѣдственно и пораженіе смерти
для него уже не прискорбно. Правед-
никъ спрадаеть, да онъ покоень: ибо
жертвою болізнею своихъ желяеть
умилоспивишь раздраженнаго Бога;
желяеть, и почно надѣется жертвою
сею загладитъ пресупленія свои.
Праведникъ спрадаеть, и поелику ча-
шу горестей своихъ соединяеть съ ча-
шею спраданій Бого-человѣка; по се-
му Богъ облегчаеть скорби его, облег-
чаеть силою благодати и надеждою
вознагражденія. Напрошивъ грѣшникъ,
не обыхій терпѣшь, умерщвлять се-
бя, прибѣгать въ немощахъ къ Богу,
грѣшникъ много приверженный къ пло-
ти своей, къ своимъ выгодамъ, чув-
спеннымъ прихотямъ, суепитымъ удо-
вольспвіямъ, долженъ всегда чувспво-
вать всю тяжестъ и мученіе смерт-
ныя болѣзни, долженъ чувспвовать
безъ всякаго облегченія и пользы. Отъ
сего-то во многихъ примѣлны бывають
при смерти крайняя неперпѣливостъ,
крайнее безпокойство, крайнее смуще-
ніе, которыми предстояще чрезвы-
чайно поражающа, и не смотря на
всѣ

всѣ свои старанія, скорби ихъ ни чѣмъ
облегчить не могутъ.

Боже праведный! сей страшный
жребій Ты всегда предвозвѣщаль грѣ-
шнику, всегда угрожалъ его имъ во
исправленіе: но онъ не внялъ гласу
Твоему, и такъ достойно наказуется.
„Вы меня оставили, вѣщаешь пы нѣ-
„гдѣ въ писаніи къ умирающимъ грѣ-
„шникамъ, вы во всю жизнь свою без-
„честили меня своимъ ожесточеніемъ,
„нечувствительны были къ моему пре-
„щенію, издѣвались надъ моимъ зако-
„номъ, посмѣялись повелѣніямъ; те-
„перь уже я *посмѣюся погибели вашей*,
„предавши васъ всей жестокости и
„горестямъ мучительной смерти.,,
Ужасное наказаніе! Сколь убо бѣд-
ственно во всю жизнь свою оставлять
Бога и зрѣть себя отверженнымъ отъ
Него при смерти! Если бы служи-
ли мы Ему такъ усердно, какъ рабо-
дѣлствуемъ міру: то бы при концѣ
жизни никогда не чувствовали столь
страшныхъ мученій!

Но воспоминаніе о будущемъ еще
поразительнѣе для умирающаго грѣ-
шника, нежели скорбь о прошедшемъ.
Кончаясь неправедный, видитъ предъ
собою будущее, и се будущее какія
жалкія картины представляешь сле-

Ж 3

зами

зами наполненнымъ очамъ его? Кончааясь неправедный, вдругъ ужасается вѣчности извѣстной, вѣчности близкой, вѣчности спрашной, вѣчности неизбѣжной, вѣчности непремѣняемой. Какими чувствами поражается сердце его при такомъ воспоминаніи?

Грѣшникъ боится вѣчности извѣстной. Во время жизни мѣръ, грѣхъ, страсти такъ ослабили и исказили вѣру его, что въ немъ едва едва остается нѣсколько слѣдовъ оныя; по сему вся Вѣра его, все благочестіе его было слабое, немоцное и какъ бы мертвое; видѣлъ онъ свѣтъ, но отъ него удалялся; видѣлъ истины Евангельскія, да въ нихъ сомнѣвался; видѣлъ догматы, да временемъ покушался опровергать ихъ. Слабая искра здраваго чувства, сокрытая подъ пепломъ цоль многихъ страстей, казалась бытъ совсемъ погашенною: но при смерти она возгарается, пріемлетъ свою силу и дѣлается гораздо пылче и блистательче, нежели сколько погашена и помрачена была прежде. При смерти сомнѣнія исчезающъ, облака мрачности протекающъ, важныя истины о безсмертіи и вѣчности представляющя во всемъ своемъ величествѣ. Грѣшникъ начинаещъ при смерти позна-

нашъ

вашь Бога, но ах! — начинаетъ познавать Его, яко дѣволъ, не съ любовью, а съ прешешомъ, ужасомъ и бѣзвѣстною безплодною.

Грѣшникъ боится вѣчности приближающейся. Во всю жизнь свою онъ старался удалить отъ себя всякое понятие о вѣчности. Онъ думалъ, дѣлая себя обманчивымъ воображеніемъ, что жизнь его еще долго не окончится; онъ взиралъ на вѣчность издалека и надѣялся тогда ей исполниться, когда будетъ на се его собственное желаніе. Но вотъ вѣчность приближается; она уже при дверяхъ, — входитъ — и уже воцаряется надъ развлеченнымъ сердцемъ. При сознаніи приближенія оныя грѣшникъ чувствуетъ, что правосудный Богъ хочетъ пресѣчь теченіе жизни его, хочетъ призвать его къ себѣ на судъ, хочетъ изслѣдовать его поступки: *Завтра предстану ти (*), глаголетъ Сердцевѣдецъ, и узриши мя, и узриши величіе правды моея, и узриши сколь несходны дѣянія твои съ моими совершенствами! Коль спрашно при множествѣ беззаконій видѣть Судію немощнаго, щедроты свои другимъ, а*

Ж 4

не

(*) Пс. V. 4.

не намъ изливающаго! а по сему можно ли не бояться грѣшнику вѣчности, въ разсужденіи всего бытія его рѣшишельно злощастныя?

Грѣшникъ боится вѣчности подлинно ужасной. Во всю жизнь свою сжималъ онъ очи свои, спрашась проницать далѣе и боясь поколебать свои удовольствія. Во всю жизнь свою грѣшникъ былъ нечувствителенъ въ разсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствъ вѣчности. Но при смерти ясно видѣлъ всѣ послѣдствія дѣлъ своихъ, всѣ обстоятельства будущаго жребія, всѣ ужасы достойнаго наказанія. Страшное видѣніе вѣчности, въ которую идутъ многіе безъ всякаго пріуготовленія, съ пріумноженіемъ однихъ грѣховъ и съ потерянiемъ спасительныхъ благодати! Въ такомъ положеніи коль *страшно есть власти въ руцѣ Бога живаго* (*), Бога раздраженнаго, наказующаго!

Грѣшникъ спрашится вѣчности неизбѣжной. Рука Божія надъ нимъ уже вознесена: кто можетъ защитить его отъ пораженія ея? *Кто есть изымающій нечестиваго изъ руку Господню* (**)? Умирающій грѣшникъ ни чѣмъ
отъ

(*) Евр. X. 31. (**) Юв. X. 7.

отъ нея заградиться не можетъ. Вѣч-
ность обтекаетъ его плачевнымъ мра-
комъ; наказаніе, доспойное пресупле-
ній неизчислимыхъ, поспитаетъ его со-
вѣхъ сторонъ; нѣтъ ни единой оспра-
ды и убѣжища для души, въ беззакон-
няхъ ожесточенной, — отчаянной.
Развѣ къ тебѣ единому, Боже! должно
бы ей прибѣгнутьъ; но грѣхи ея, ка-
жешся, на вѣки зашворили входъ сте-
наніемъ ея къ твоему сердцу. Ты,
человѣколюбче! во всю жизнь преслѣдо-
валъ беззаконнаго; преслѣдовалъ съ
тѣмъ, дабы его пронуть и обратишь
на путь истинный: но онъ, яко проши-
вающейся Іона, отъ тебя выну удалялся.
Ты его поднесъ наказуешь, исправля-
ешь: но онъ ни чѣмъ не исправляется.
И такъ долженъ ужасаться вѣчности
нескончаемой.

Вопъ ужаснѣйшая картина! еслили
бы опредѣлено было нѣсколько лѣтъ,
или вѣковъ пострадать, помучиться,
поспевать; то бѣ мы когда либо увидѣ-
ли конецъ своего злосчастія. Но не
такой мы ожидаемъ вѣчности. Она
начинается будетъ всегда, и никогда
не окончится. Единожды унаслѣдивъ
жилище сіе, мы никакъ уже изъ онаго
изыти не можемъ. Нѣтъ во адѣ избав-
ленія, нѣтъ и милосердія. Царство

благодати въ мірѣ настоящемъ, а въ будущемъ одно безконечное правосудіе будетъ надъ всѣми проявлено. Какимъ препетомъ, какимъ содроганіемъ, какимъ возмущеніемъ должны поразишь грѣшника столь ужасные предметы, если только умирая бываетъ онъ еще въ силѣ, подумаешь о неправдѣ своей и разсудить о возмездіи оныя!

Въ такомъ положеніи могъ бы онъ обратиться къ Богу, и послѣднія минушы живота временнаго употребить въ пользу живота вѣчнаго; могъ бы онъ сіе сдѣлать безъ сомнѣнія, и его сокрушеніе еслибы было искренно, могло бы быть принято совершенно. Но когда грѣшникъ умираетъ, — умирая страдаешь, мучишься: тогда можешь ли что доброе сдѣлать? Всякаго человека, даже самаго праведника предъ концемъ жизни смятеніе совѣсти бываетъ столь велико, разлученіе съ жизнью столь чувствительно, гнусность беззаконій столь разительна, что всякой въ такомъ положеніи не знаетъ что предпринять, и на что рѣшиться. Когда же грѣшникъ при смерти находишься внѣ себя, лишаешься дѣятельности чувствъ и живости духа; сіе означаетъ явное наказаніе раздраженнаго Бога. Думаютъ иногда предстоя-

ще,

ще, что когда умирающій шяжо
воздыхаетъ, мечется, не находя себѣ
ни въ чѣмъ облегченія и отрады; ду-
маяющъ, что то производишь въ немъ
болѣзнь его изнуряющая: но въ себѣ
обманывающа. Ибо всѣ мученія, слу-
чающіяся при смерти, означающъ оп-
чаднѣ души, приближающейся къ
спрашному суду, приближающейся
къ вѣчному жребію осужденныхъ. Изды-
хаетъ незаконный, умираетъ, и жре-
бій его уже рѣшился, — душа во адѣ.

Боже мой! коль спрашно событіе
кончины сія! коль ужасны ея послѣд-
ствія! коль плачевны грѣшники, за-
служившіе кончину сію! предохрани мя,
Человѣколюбче! ошъ полъ злощастныя
доли; накажи мя во время живота мо-
его всѣми за грѣхи моя посѣщеніями;
шюкмо не попусти, чтобы я при самой
смерти испыпаль всю строгость Тво-
его правосудія. Много я пресшупле-
ніями своими, много раздражалъ вели-
чіе Твое доселѣ: но Твое милосердіе
превосходишь мѣру грѣховъ. Потерпи
убо еще мало, и азъ во всю жизнь
мою, благоугождая тебѣ, потщуся
заслужить оправданіе и блаженство!

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XIII.

а

Смерти праведника.

Праведникъ умираетъ, не сожалѣя о томъ, что оставяетъ; умираетъ въ полной надеждѣ, получивъ ожидаемое. Коль завидно кончить такъ жизнь временную, чтобъ послѣ несомнѣнно вступить во снрану живыхъ!

Боже! ты меня создалъ для наслѣдія равнаго благополучія: но жизнь моя, жизнь безплодная, жизнь порочная означаетъ пристойное прѣупоковленіе къ щасливой смерти. Помози мнѣ, создателю мой! хотя остатокъ дней моихъ посвящать на прѣупоковленіе къ благополучной кончинѣ. Я еще надѣюсь сею опѣ Твоей благости.

Праведникъ умираетъ не сожалѣя о томъ, что оставяетъ. Никто не можетъ точно въ себѣ быть увѣренъ, точно ли онъ праведенъ предъ Богомъ во всемъ ли свящъ предъ очами его: ибо никто не можетъ знать, достоинъ ли онъ подлинно любви, или заслуживаетъ ненависти. Вѣра насъ сему научаетъ. Однако хотя не можно совершенно удостовѣреннымъ быть о точномъ будущемъ своемъ состояніи: но при истинномъ раскаяніи во грѣхахъ своихъ, при
внуше

внутреннемъ свидѣтельствѣ совѣсти, при святѣйшемъ упованіи на Бога можно надѣяться въ пріобрѣтеніи милосердія его; можно надѣяться, если ли мы согласно съ разумомъ и вѣрою мыслимъ, что въ существенныхъ правилахъ закона мы предъ нимъ правы, или хотя и погрѣшили, но сердечно въ томъ раскаиваемся. Въ семъ-то положеніи человекъ можетъ назваться праведнымъ, и по сему то можно сказать, что онъ умираетъ не сожалея о томъ, что оставляетъ. Да и какое сожалѣніе ему чувствоваться можно?

Праведникъ оставляетъ міръ: да оставляетъ ли онъ что разлучаясь съ міромъ? Міръ всегда намъ льститъ, всегда насъ обманываетъ; міръ всегда неправеденъ, неблагодаренъ, во всемъ вѣроломъ; узнавъ его, можно ли сожалѣть объ немъ? Или какъ не печалился о томъ, что мы къ нему прилѣплялись, что споль долгое время послѣдовали его мечпаніямъ, его заблужденіямъ, его соблазнамъ? Но сердце праведника сему міру было уже мертво; во всю жизнь его всѣ суеты и прелести были для него ничто. И такъ когда умирающъ, отвергнувшись отъ всего прежде еще смерти, тогда ничего не теряющъ.

Пра-

Праведникъ оставляетъ свои богатства; смерть ихъ у него похищаетъ. Но сими благими онъ не спрасно ильнялся, ни къ единому изъ нихъ въ животъ своемъ онъ слѣпо приверженъ не былъ; онъ ими обладаетъ какъ бы не обладая. Всѣ сокровища, имѣя въ рукахъ своихъ, оставлялъ онъ духомъ и сердцемъ, почипалъ ихъ не за истинное и негиблемое благо, а за случайныя потребности, потребности обходимыя; и по сему что ни имѣлъ, всемъ съ радостію всегда жертвовалъ Богу. Желалъ бы онъ иногда большимъ изобиловать, но для того, чтобъ чрезъ се больше угодишь вся содержащему. И такъ смерть, лишая его всѣхъ имуществъ, ничего не лишаетъ, или лишаетъ одной темницы тѣлесныя. Кроме сея, сказать утвердительно, онъ ничѣмъ болѣе не обладалъ въ жизни.

Праведникъ оставляетъ родителей, друзей. Жертва, подлинно, чувствительная! но онъ знаетъ, что должно ихъ оставишь нѣкогда, — онъ знаетъ, что ихъ оставляетъ подъ кровомъ десницы Божія, а по сему умирая, тако часто вѣщаетъ: нѣжныя дѣти, любезная супруга, искренніе друзья, рано или поздно, но непременно всѣмъ намъ съ миромъ симъ должно рас-

растаться. Богъ сего прѣбуетъ. Однако разлучаясь, да не опчаяваемся: ибо мы паки уповаемъ соединивъся нѣкогда на небеси. Праведникъ оставляетъ по сему всѣхъ, но мѣсто всѣхъ въ сердцѣ сѣ занимаетъ одинъ Богъ, и онъ всѣхъ находитъ въ Богѣ. Такимъ образомъ оставяиъ ближнихъ, не значить оставяиъ ихъ на всегда, а разлучивъсь съ ними на время. Все мы нѣкогда паки соединимся, и — соединимся вѣчно. По сему праведникъ, отходя въ будущую жизнь, прѣготовляетъ другимъ путь къ той же жизни и предваряетъ другихъ ожиданіемъ всеобщаго совокупленія въ лонѣ самого Бога.

Праведникъ оставяетъ жизнь. Да какую жизнь? Жизнь плачевную, жизнь гиблемую, жизнь подверженную многимъ бѣдствіямъ и печалямъ, а еще болѣе искушеніямъ и великимъ опасностямъ. Жизнь, въ которой столь часто принуждены бываютъ оскорблять Бога. Праведникъ, оставяя жизнь свою, не можетъ сожалѣть объ ней, а еще какъ бы услаждается кончиною оныя жертвуя Богу. Жертвуетъ онъ ею Богу, будучи исполненъ духа покаянія; жертвуетъ, зная, что она зависитъ отъ Верховнаго Существова; жертвуетъ упо-

уподобляясь во всемъ Иисусу Христу, предавшему нѣкогда жизнь и дыханіе свое въ руцѣ Опчи; жертвуетъ жизнью. — Нѣтъ! онъ желалъ бы имѣть тысячи жизней, дабы съ искренними благоугожденія чувствамъ: посвятивъ ихъ своему Создателю.

И такъ далече бѣжитъ отъ него страхъ смертный. Праведникъ скорыя кончины желаетъ, ожидаетъ, проситъ. Такъ Давидъ жаловался нѣкогда на долговременное свое започеніе: *Увы мнѣ! яко пришельствіе мое продолжися (*)!* Такъ Священный Апостоль Павелъ желалъ нѣкогда скорѣе освободиться отъ узъ тѣлесныхъ, взывая: *Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (**)?* Такъ Святые всѣ воздыхали о концѣ своего сипранспвованія и започенія.

Боже мой! Сколь пріятна Тебѣ жертва столь непорочныхъ расположений! И сколь утѣшно праведнику душу свою предать во объятія Твои! Ты ее ввѣрилъ ему на нѣсколько времени, и ты паки требуешь залогъ сей для преселенія въ вѣчность. Судя по сему, что значитъ жизнь наша? Мы думаемъ *нѣтъ* очень лестное, *нѣтъ* очень драгоценное, и по сему всегда жела-

(*) Ис. СХІХ. 5. (**) Рим. VII. 24.

желаемъ пожить дольше. Но не примѣ-
чательно, самолюбцы! мы ежедневно
умираемъ, и сего не видимъ. Мы стра-
стно прильпляемся къ жизни скоро-
преходящей, а между тѣмъ теряемъ
изъ виду жизнь совершенную, — вѣч-
ную, — блаженную. Жизнь, къ кото-
рой каждого изъ насъ самъ Творецъ
съ любовію приглашаетъ. Боже свѣта!
просвѣши умъ нашъ, возбуди сердца
наши, освѣти всѣ минушы дней на-
шихъ, чтобы каждая изъ нихъ была для
насъ вождемъ къ вѣчности.

Праведникъ умираетъ въ полномъ
увѣреніи, получивъ ожидаемое. Онъ въ
Богъ, вмѣсто Судьи строгаго и нелице-
пріятнаго, надѣется обрѣсти Отца
милосердаго. Онъ умирая, ожидаетъ
жизни лучшей; нежели маловременная
и смертная на земли, гдѣ токмо что-
стеналь, а болѣе ничего радостнаго
не чувствовалъ. Онъ умирая, на-
дѣется собесѣдовать съ друзьями Бо-
жіими, съ Божіими избранными, и въ
сей надеждѣ полагается не столько
на свои заслуги, сколько на безконеч-
ную благость Вседержителя. — Онъ
отходя отъ сей юдоли плачевная; на-
дѣется въ вѣчности лицемъ къ лицу
видѣть Господа, надѣется обладати
нимъ, и быть съ нимъ не разлучно со-

единеннымъ. Онъ умираетъ, — и — Небеса, кажется, разверзаются предъ его очами, Святые проспираютъ къ нему свои руки, блаженная вѣчность разверзаетъ нѣдра свои къ его воспріяшю.

Смерть для Праведника не есть смерть, а начало жизни безконечной, — вѣчной; есть конецъ изнурительнаго заточенія и тягостнаго спранспованія; есть послѣ великихъ бурь и непогодъ тихое пристанище; есть пресѣленіе во спрану живыхъ, — въ истинное наше Отечество, — въ Небеса, насъ ожидающія.

О смерть! сколь горько вспоминать тебя человѣку, привергнувшему сердцемъ своимъ ко благимъ временнымъ, къ удовольствіямъ чувственнымъ, къ грѣховнымъ прелеснямъ мечтательной временности! Но сколь напротивъ пріятно о тебѣ размышлять тому, кто жилъ въ мірѣ не живя міру, а Богу, и кто умирая былъ прежде еще мертвъ себѣ и грѣхамъ плоти!

Сколь пріятно узрѣть пристанище послѣ долговременнаго обуреванія посрединѣ страшнаго моря! Сколь драгоценна свобода послѣ заточенія въ мрачной и печальной темницѣ! Сколь любезенъ

безенъ миръ послѣ тысячи и тысячи сраженій! Не менѣе усладительно опираемся отъ міра, жерпвовати чувствительными прихотями спрогому благочесвію, умерщвлять свои сираси для того токмо, чпобъ поживъ на землѣ безгрѣшно, умереть праведно! Избранные Богоугодники съ какою радостію тогда внушаютъ плодъ своихъ подвиговъ, своихъ сраженій, своего мученія, когда умирая слышатъ отъ своея совѣсти сей гласъ пророческій: *Честна предъ Господемъ смерть прелодобныхъ его (*)*? Въ такомъ положеніи удовольствіе ихъ бываетъ неизъяснимо.

Правда, самый праведникъ не можетъ твердо быть увѣренъ въ разсужденіи своего оправданія; самый праведникъ непрестанно долженъ спрашиваться грѣховъ своихъ, непрестанно обязанъ прешептывать при воспоминаніи суда Божія: однако, если умирая и прежде еще своей смерти онъ искренно всегда раскаявался во грѣхахъ своихъ, если онъ во всю жизнь свою ежедневно прѣуговлялся къ суду Божію, во всемъ полагалъ упованіе свое на единого Бога; по спрашася и опасаеся

(*) Пс. СХV. 6.

ваясь всего, онъ ничего не ожидаетъ отъ руки Судьи праведнаго, кромѣ благости и помилованія. — Умираетъ праведникъ, и послѣднее издыханіе, хотя сознаетъ себя величія Создателя недостойнымъ, дерзаетъ яко послѣднюю жертву посвящать Богу. Минута конечная исполнилась, и — онъ прешедши отъ міра въ селенія небесныя, началъ уже жить вѣчно — блаженно. Окончилъ жизнь плачевную, да вышелъ въ жилищѣ радости, въ селенте избранныхъ. О жилище священныхъ! О земля обѣтованная!

Гряди убо, душа праведная! поспѣшай внити въ лоно Авраамле, пріуготовляйся живи со избранными, пріуготовляйся наследовать угощанное тебѣ царство Божіе. Ты же, источникъ всякаго милосердія, Боже благоутробный! сотвори сладкимъ сей послѣдній подвигъ умирающаго праведника; услыши его издыханіе, поддержи въ страхъ и опчаяніи живую вѣрою и благодастью. Онъ ждетъ минуты своего освобожденія; освяти исходъ его, да увидетъ душа, Тобою оправданная, въ блаженное жилище чадъ Тобою возлюбленныхъ. Ты самъ сказалъ нѣкогда, Промыслителю! что жертвъ праведныхъ въ очахъ Твоихъ драго-

драгоценна. Но дабы умереть такъ; всякому надлежитъ быть безгрѣшнымъ. Ктожь изъ насъ о правдѣ своей предъ Тобою похвалишися можетъ? Еслили не освятитъ насъ благодать Твоя; суешна наша о спасеніи надежда. Безконечное Твое благоснисхожденіе; вотъ все наше упованіе. Не оставь убо меня. Человѣколюбче! хотя при послѣднихъ минутахъ житія моего; не предай меня горести и мученіямъ, грѣшникамъ угошовааннымъ. Я былъ прежде мертвъ Тебѣ; но днесь ожививъ, сотвори, чтобъ я умеръ смертію Христіанскою: *Да умретъ душа въ душахъ праведныхъ* (*).

А чтобъ всѣмъ сего жребія безъ сомнѣнія достигнуть; для сего должно жить всегда безпорочно, всегда ирѣуговаляясь ко смерти раскаяніемъ, всегда умирая себѣ, и -- всему, что незаконно; для сего должно удаляться отъ міра и презирать его соблазны; для сего, прежде нежели насъ смерть постигнетъ, должно взирать на каждый день яко на послѣдній, и при семъ благовременно надлежитъ просить Бога, чтобъ Онъ по своей благодати споспѣшилъ намъ въ правдой

(*) Числ. XXII. 10.

кончинѣ. Будемъ такъ всегда готовы ко смерти, и мы скончаемся праведно. Кто не хочетъ оправданія и блаженства, кто убо отречется и пожилъ добродѣтельно? *Да умретъ душа наша въ душахъ праведныхъ!*

Н А С Т А В Л Е Н І Е ХІV

О

Льстивомъ челоѣкоугожденіи.

Льстивое челоѣкоугожденіе означаетъ низкое чувство души, чувство противное разуму и совѣсти. Оно означаетъ временемъ подлый спрахъ, возбраняющій дѣлать доброе, а временемъ вынуждающій, въ намѣреніи обмануть другаго, или чѣмъ не раздражишь кого, дѣлать дурное. Оно означаетъ предосудительную слабость, искажающую въ насъ хорошія качества, а вмѣсто оныхъ укореняющую дурныя свойства. По сему не мало ли еще сказано, что льстивое челоѣкоугожденіе стыдитъ здравый разумъ? Не нужно ли еще прибавить, что оно безчеститъ и самую Вѣру? Подлинно, порокъ сей означаетъ поспѣдное нѣкоторое уничтоженіе, судя какъ

какъ по своему началу, отъ котораго
происпекаетъ, такъ по дѣли, къ ко-
торой стремишься, и по мѣрѣ, въ ка-
кой испекаешь. Христіанинъ, посты-
дись такого поведѣнія! *Усрамися*
Сіоне (*)!

Льстивое челоуѣкоугожденіе озна-
чаетъ подлое уничтоженіе себя самого:
ибо что безразсуднѣе, а слѣдовапель-
но что безчестнѣе для насъ быть
можешь, какъ добрыя свои намѣренія
и поступки изъ минушнаго иногда
благовожденія, или страха, управлять
согласно съ дурными намѣреніями и
поступками прочихъ, — мыслишь, го-
воришь и дѣлаешь не по своему здра-
вому разсудку, а по прихотямъ по-
стороннихъ, — одобряешь хорошее и не
смѣешь его исполнять, видишь дурное,
и противъ расположенія дѣлаешь оное, —
припворно подражать другимъ и имъ,
такъ сказать, жертвовашь своею невин-
ностію, своими добродѣтелями. Что
сего безчестнѣе?

Льстивое челоуѣкоугожденіе есть
постыдное уничтоженіе по своему на-
чалу. Ибо отъ чего оно происпекаетъ?
Отъ презришельной хипрости ума,
или отъ явнаго развращенія сердца.

3 4

Есть.

(*) Исаи. XXIII. 4.

Бспьдибь мы всегда спарались уго-
дити другимь изъ чистаго добра, изъ
довольнаго сразмѣренія заслугъ на-
шихъ съ благоволеніемъ взыскашелей,
изъ прятнаго понятія личныхъ до-
стоинствъ каждой уважаемой особы:
шо довели ли бы себя до шакаго низ-
каго поступка? Нѣтъ, хопя бы весь
ширь грѣховный прошиву насъ воору-
жился; мы бы, чшобъ не польстимъ
въ неправдѣ, согрѣшающимъ ошважи-
лись сказать со Апостоломъ: *Мнѣ же
не велико есть да отъ васъ испяжуся* (*).
Хвалите вы меня или поносите, лю-
бите или ненавидите, но я вамъ по-
дражать не намѣренъ. Ибо съ совѣ-
стію не согласно, видя явное преду-
бѣжденіе, явное присшрасіе, явную
погрѣшность, хваляши ихъ, а шѣмъ
еще паче, чшобъ изъ льспиваго угож-
денія посшавлять ихъ за правило соб-
ственной жизни. Лицемѣріе спыдитъ
чистопу и вѣрность.

Льспивое человѣкоугожденіе предо-
судительно по своему предмету. Пра-
вда, еспь степени угожденія закон-
ныя и похвальныя: ибо, иногда благо-
воленіе власпей, предержащихъ, иног-
да любовь наша и уваженіе подражае-
мыхъ

(*) I Кор. IV. 3.

ныхъ достоинствъ пребудуиъ того, чтобъ мы другимъ угождали, и проче угожденiемъ нашимъ услаждались: но не прошивно ли совѣсти, когда мы всемъ благоуравнемъ, всей чиспопою жершвуемъ грѣшнымъ человекамъ? Предъ кѣмъ мы иногда не унижаемся? Осуужденные невольники всегда имѣюиъ надъ собою одного начальника; справедливъ онъ или несправедливъ, спрогъ или снисходителенъ; онъ одинъ занимаетъ ихъ сердце. Но узникъ, унижающійся предъ другими изъ своей воли, сколько видимъ надъ собой власишелей? сколько людей, копорыхъ слова его усшрашаюиъ? Взоры онъ примѣчаешъ, мнѣнiя поспавляетъ закономъ, или еще больше, копорыхъ онъ не личное уважаетъ достоинство, а спрасши. Плошоугодникъ когда хочешъ понравиться одной Сиренѣ: погда наглое безшудство считаешъ совершенствомъ. Жалкие человекуюдники! до какого шпени выходимъ мы изъ себя самихъ? Узники самопроизвольные! доколѣ мы будемъ нарушашъ скромность и справедливостъ? Не порокъ и спрасши, а истинная заслуга и добродѣшель шребуиъ нашей похвалы и подражанiя. Но до какой низкосши не доводитъ насъ льспивое человек-

3 5

ловѣке-

ловѣкоугожденіе и какого оно намъ вреда не причиняетъ?

Порокъ сей крайне пагубенъ для насъ по мѣрѣ своего пространства, *Уста имутъ и не возглаголютъ; очи имутъ и не узрятъ* (*), говоритъ Псалмопѣвецъ о нѣкоторыхъ законопресупникахъ. Такое описаніе кому лучше приличествуетъ, какъ не льстивымъ чловѣкоугодникамъ? Они имѣютъ языкъ, но подражая, такъ скажутъ, обожаемому предмету, ничего говорить не смѣютъ, или говорятъ, но съ содроганіемъ, съ притворствомъ, съ обманомъ. Они имѣютъ уши, и во многихъ случаяхъ слышавъ нѣчто, притворяются, будто ничего не слышали; а иногда не слышавъ вынуждаютъ себя сознаваться, что слышали. Имѣютъ очи, а самихъ себя не видятъ. Ибо чловѣкоугодникъ на другихъ только смотритъ, а себя забываетъ. Такою слѣпотою спраждущіе несравненно большаго достойны сожалѣнія, нежели отъ природы слѣпорожденные. Ибо сихъ болѣзнь не рѣдко служитъ къ большей славѣ Создателя и къ спасенію спраждущаго: но слѣпопа душевная означаетъ гибель неизбѣжную.

Ког-

(*) Пс. 113. 13.

Когда Богъ пребудетъ отъ насъ себѣ угожденія; тогда увѣряетъ насъ, что *ниго Его благо и бремя Его легко есть* (*): но мы, когда унижая себя всѣми неправдами, стараемся угодить подобострастнымъ и не рѣдко самымъ соблазнительнымъ людямъ, несемъ иго самое тяжчайшее, и имъ бываемъ довольны. Лѣспивые лицепрѣемники! по всѣмъ наименованіямъ мы принадлежимъ паче Богу, — яко твореніе по его созданію, яко наследники славы его по его искупленію, яко возлюбленные чада по духу. И такъ угождая самымъ людямъ, мы должны угождать святоши и добродѣтели, а не грѣху и соблазнамъ.

Храня правду, любя истину можемъ мы припсти иногда въ ненависть прочихъ: но что значитъ и самая любовь грѣшныхъ челоуѣковъ, какъ не пагубную сѣнь нашу? Всякъ по своей совѣсти долженъ будетъ отдавать отчетъ въ дѣлахъ своихъ Сердцевѣду; и такъ пусть развратники насъ осуждаютъ, ненавидятъ, гонятъ; — чѣмъ избѣжать злобы сей, беззаконіямъ ихъ льстивъ и угождать не должно. Ревностный исполнитель благочестія

сколь-

(*) Матт. XI. 30.

сколько бы ни чувствовалъ огорченіе отъ того, что грѣху не угождаетъ, не прогаясь, симъ свидѣтельствомъ можешь на всегда утѣшаться: *еще Богъ ло насъ, кто на ны (*)?*

Н А С Т А В Л Е Н І Е XV

0

Вредныхъ слѣдствійхъ словѣкоугожденія.

Какое бы отъвращеніе возымѣли мы къ предосудительному человѣческому угожденію, естли бы воззрѣли на него очами Вѣры? Тогда — то бы подлинно мы сказали, что помянутое пристрастіе, какъ по низкосили чувствій, имъ вдыхаемыхъ, шакъ и послѣдствіямъ, отъ него происпекающимъ, есть нѣкоторое отпаденіе отъ Вѣры и нѣкоторой родъ гоненія для Хрїстіанства. Одно воображеніе о семъ не должно ли насъ приводить въ содроганіе и ужасъ?

Безконечная Премудрость! прояви умъ мой, да познаю всю тяготу реченнаго порока; а прошу паче, подкрѣпи слабыя силы мои, чипобъ я
надеж-

(*) Рим. VIII, 31.

надежно могъ ему сопрошляться во
всѣхъ обстоятельствахъ.

Человѣкоугожденіе, по низкости
чувствій имъ вдыхаемыхъ, обращаетъ
ся въ нѣкоторое отпаденіе отъ Вѣры.
Ошдавать Богу предпочтеніе предъ
тварію, — сооружать ему въ сердцѣ
престоль жертвоприношенія, престоль
благолѣпнѣйшій, нежели всякому соз-
данію; жертвовать Богу, естьли нуж-
но сіе, всѣми временными корыстями,
помышленіемъ, волею, — явно исповѣ-
дывать святой Его законъ, исполнять
ревностно всѣ должности званія; —
такая жизнь, есть жизнь чистая и
живая Вѣры. Но напрошивъ тварь
предпочитать иногда Создателю, соз-
данію жертвовать всѣми совершенства-
ми, врожденными и обрѣтаемыми пре-
имуществами; сіе значить наглое пре-
зрѣніе Вѣры. А кто безвѣрно угожа-
етъ людскимъ прихотямъ: въ томъ
не видно ли помянутыхъ пороковъ?

Съ одной стороны судя, всѣ мы
сознаемъ, что сотворены для испол-
ненія воли Божіей, а съ другой при-
нимаемъ, что міръ и развратники опъ
сего насъ уклоняють. Богъ, естьли
мы будемъ искренно служить ему,
объщаетъ намъ и почести и богат-
ство; но мы симъ мало павняемся.

Ког-

Когда же неистовые прихотники вынуждаютъ насъ, угождаютъ и при семъ не рѣдко ошягчаютъ насъ поношеніемъ и ругательствами; все сіе охотно переносимъ. Во многихъ крайностяхъ низкая нѣкоторая безразсудность, глупой стыдъ, подлая лѣнь и хипрое самолюбіе насильно побуждаютъ насъ, служеніе Вѣры оставивъ, любить служеніе міру. Послѣдуя слѣпому предразсудку, мы часто забываемъ своего Создателя, раздражаемъ его не преспанно; но чтобъ забыть иногда любимую особу, раздражить ее, хотя и должно, рѣдкой на сіе покушается. Многие изъ угожденія подобнымъ не стыдятся того, что не угождаютъ Сердцевѣдцу. А сіе не означаетъ ли дерзкаго отъ Вѣры отпаденія?

Читая или слыша иногда поношеніе, какое нанесли Вѣрѣ своей первобытные законопреступники, правильно мы предосуждаемъ ихъ поведѣніе; ибо измѣняясь Вѣрѣ какимъ бы то ни было образомъ, не проспительно. Однако отпаденіе отъ вѣры изъ челоуѣкоугожденія еще важнѣе и не извинительнѣе. Ибо древніе нещасливцы посрамляли иногда вѣру свою неосновательностію изъ очевиднаго страха, нарушили исповѣданіе свое, но послѣ паки признавали

вали оную не рѣдко; не рѣдко, когда многихъ шѣлеса были неимовѣрно мучимы, тогда души, обратившись ко Господу, вопіяли: „прости вину нашу, „Человѣколюбче! мы беззаконницы великіе, мы посрамители вѣры швоея, но „не изъ ожесточенія; страхъ мученій „былъ причиною нашего паденія; слабость плоти не могла соопвѣпствоватьъ „вашь бодрости духа, и такъ мы „согрѣшили, но днесъ вѣ прѣступленіяхъ нашихъ пребуемъ прощенія. Не „виѣни, Боже! грѣхъ нашъ вѣ ожесточеніе. „Чувствительное раскаяніе! но какими очами долженъ взирать Богъ на пороки человѣкоугодниковъ, которые много грѣшатъ, предпочитая во многомъ шварь Создателью, предпочитаютъ, и при семъ грѣха сего не видятъ, или видятъ, но считаютъ его за нѣчто маловажное, а по сему и раскаяваться вѣ немъ полагаютъ за не нужное? Какой соблазнъ для вѣрующихъ! какія опасныя выпекаютъ изъ сего слѣдствія!

Человѣкоугожденіе значитъ временнѣ явное гоненіе для церкви. Древнія гоненія были отъ язычниковъ, а гоненіе изъ человѣкоугожденія не упоминаетъ и вѣ Хрїстіанахъ; древнія гоненія касались токмо до наружности чело-

человѣческой, а сіе погубляетъ душѹ; древнїя тоненїя содѣлали намъ мучениковъ, а сіе дѣлаетъ людей богоотступниками. Пагубныя слѣдствїя, коль многие и жалкіе примѣры въ разсужденїи сего находящяся въ Священномъ писанїи!

Святыи Апостоль Петръ любилъ паче сверстникъ своихъ своего учителя Иисуса; пысячекратно онъ обѣщался умереть, нежели его оставить, и — вѣрно бы онъ оспался непоколебимымъ въ любви сѣсей, въ своей вѣрѣ, въ своей ипвердоспи, естли бы подобоспращеніе челоукоугожденіе не изошло въ его сердцѣ. „Не его ли ты ученикъ, „сказала ему рабыня? и Уваженіе къ сѣй клеветницѣ заграждаетъ уста въ разсужденїи исповѣданїя вѣры Христовой, заграждаетъ и творитъ отпаденїемъ. Благодарность, любовь, совѣсть; всѣмъ пожертвовано челоуку; однако пожертвовано изъ страха; но изъ чего тѣми же добродѣтелями жертвуемъ иногда мы и жертвовали многіе древнїе челоукоугодники? . . .

Се содрогаюся, взираю я на самое величайшее и ужаснѣйшее преступленіе, какое только могло случиться въ свѣтѣ. Челоукоубїйства, смерти праведнаго крестителя Христова Іоанна

не

не угожденіе ли человѣку было причиною? Угоди плясавица, и главу Крестителя получила себѣ въ награжденіе. Но что я говорю о смерти праведнаго человѣка, усѣкнутаго Пророка; спрэдани и смерти самого безгрѣшнаго Бого-человѣка Иисуса не по ли же угожденіе человѣкомъ было причиною?

Пилатъ видитъ невинность Хрїстову; объявляетъ на судилищѣ, что онъ не обрѣшаетъ вины въ семъ праведникѣ; народъ приходитъ въ смятеніе. Пилатъ еще подшверждаетъ, что онъ не хочетъ омыть рукъ своихъ въ крови Неповиннаго; но ожесточенные гонители лишь только рекли: *нѣси друеъ Кесареѡвъ*. Большое уваженіе къ швари, нежели къ Создателю, вдругъ впекаетъ въ его сердце; предпочтеніе Кесаря Хрїсту вдругъ вынуждаетъ согласиться Пилата на несправедное осужденіе Праведника. Боязнь, чтобъ не негодить волѣ Кесаревой опнимаешь всю справедливость у начальника Преторства. И такъ человѣкоугожденіе произноситъ опредѣленіе казни, а злоба немедленно оное выполняетъ. Закланъ агнецъ безгласный; кровь его видима и на чадѣхъ ожесточенныхъ мучителей.

Спрашуся я, Боже! видя такое беззаконіе въ другихъ: но чѣмъ я долженъ казаться предъ Тобою есѣли оное во мнѣ существуешъ? Дабы угодишь человекомъ, я не угождалъ Тебѣ, не угождалъ многократно. Чѣмъ угодишь человекомъ, часно я хвалилъ доброе, а дѣлалъ лукавое; любилъ порокъ, а ненавидѣлъ добродѣтель; что было во мнѣ честнаго, шо нагло искоренялъ, а что безчестнаго, тѣмъ явно хотѣлъ всюду казаться, и при себѣ не стыдился нарицатися Христіаниномъ. Чѣмъ угодишь человекомъ, часно я всѣми добрыми чувствованіями, всею свободою, совѣстію, вѣрою жерпывалъ однимъ прихожамъ грѣховнымъ, — и при себѣ не стыдился нарицатися Христіаниномъ. Чѣмъ угодишь человекомъ, все мною было забыто и законъ и благочестіе; законъ, увѣряющій, что не возможно работати вмѣстѣ Господеву и мамону, а я работалъ, — да еще послѣднему паче перваго; вошь и благочестія презрѣніе. Нещасный! рѣшусь ли я хотя отъ нынѣ угождашь паче Богу, нежели человекомъ, и человекомъ грѣшнымъ? Оставивъ беззаконныхъ не отвергуся Тебя, Создателю мой! Да что я говорю не отвергуся; умру угож-

угожда Тебѣ, не щадя жизни! ибо Ты самъ, чтобъ угодишь мнѣ, оправданіемъ вѣчнымъ умерь. Споспѣши, Сердцевѣдче! моей рѣшимости; подкрѣпи силы мой. — Я хочу избавиться отъ узъ грѣховнаго міра, только бы вѣчно, угожда Тебѣ, быть блаженнымъ и прославленнымъ. Чего же не достигну во мнѣ къ Твоему благоугожденію, то дополнишь благодать Твоя и милосердіе!

НАСТАВЛЕНІЕ XVI

О

Спокойствіи душевномъ.

Внутреннее спокойствіе наше состоитъ въ соединеніи души нашей съ Богомъ, въ наслажденіи его благодатію, и въ томъ, когда она, подобно Апостолу, можетъ похвалиться о оправданіи своемъ, можетъ, хотя бы ей въ сію минушу надлежало явиться предъ Господемъ, безбоязненно на се рѣшиться, уповая на свидѣтельство своей совѣсти. Истиннымъ спокойствіемъ и тогда наслаждается душа наша, когда тщательнѣе убѣгаетъ грѣховъ самопроизвольныхъ, сколько бы они малы

И 2

ни

ни были, когда ненарушимо исполняетъ законъ благодати, спрашася въ чемъ либо ему воспротивишься, или опасаясь чемъ нибудь помрачить его, когда наконецъ спарается все по истребишь въ себѣ, что только можешь препятствовать внутреннему спокойствію. На пр. естли имѣешь какое сомнѣніе, спарается прогнать его истинною; естли чувствуешь мученіе совѣсти, спарается искоренить его причину; естли видишь какое огорченіе, заботы, спарается усердно пожертвовать ими Богу; естли исполняетъ заповѣди закона, по исполняетъ съ чувствіемъ сыновняго спраха, или съ крайнимъ упованіемъ на безконечное милосердіе.

Вотъ истинный миръ! Вотъ источникъ и основаніе истиннаго нашего спокойствія! Блаженна убо и преблагенна та душа, которая обладая симъ миромъ, понимаетъ цѣну его, а понимая спарается соблюсти оный. Но чшобъ болѣе мы сохраняли и любили паче всего миръ сей; по разсудимъ о немъ далѣе по шѣмъ чудесамъ, какія онъ производитъ въ душѣ нашей; разсудимъ по шѣмъ неизреченнымъ удовольствіямъ, какія превышаютъ всѣ сладости чувственныя и даже самое

во-

воображеніе; разсудимъ о мирѣ, каковъ есѣь не человѣческой, а *мирѣ Божій, превосходяй всякъ умѣ* (*).

Сей мирѣ входипѣ ли въ душу нашу? Съ нимѣ вся благая впекающѣ въ оную: тишина, порядокѣ, спокойствіе, радоспѣ, ушѣшеніе, пріятноспѣ; съ нимѣ *приходяпѣ намѣ вся благая вкулѣ* (**) по слову Соломонову. Кто имѣ обладаешѣ; пошѣ живешѣ въ Богѣ, — съ Богомѣ; съ Богомѣ тѣсно соединившись, — въ Богѣ, находя все свое довольспво и радоспѣ. Тако-го человѣка суешы не беспокояпѣ, печали не огорчающѣ, нещаспїя не удручающѣ ниже слезами, ниже въздыханїями. Въ глубокой тишинѣ спраспей, при ненарушаемомѣ спокойспвіи чувспѣь мирная душа обладаетѣ сама собою, и Богѣ ея обладаетѣ. Душа въ мирѣ, — мирѣ въ душѣ, — а обоя п. е. и душа и мирѣ въ Богѣ. *Мирѣ Божій.*

Сей мирѣ утверждаешѣ ли въ душѣ нашей? Тогда душа наша представляешѣ истинное царспво Божіе. *Царство бо его внутри насѣ есть* (***) . Богѣ хоцешѣ царспвовашѣ во всякой душѣ, и — царспвовашѣ съ миромѣ:

И 3

ибо

(*) Фїл. IV. 7. (**) Прем. VII. 11. (***) Лук. XVII. 21.

ибо онъ не живетъ посредѣ смятенія ;
не въ трусѣ Господь. Когда душа вол-
нуется ; тогда она подобна обществу ,
колеблемому внутреннимъ междуосо-
бѣемъ согражданъ. Когда душа безпо-
коиится ; тогда смущеніе , страхъ ,
огнь и мечь , казнь и смерть со всѣми
ужасами въ ней водворяются. Съ про-
шивной стороны въ обществѣ мирномъ
все спокойно , все тихо , — законы со-
блюдаются , добродѣтель въ почтеніи ,
Монарху повинуются ; сей сладкій миръ
означаетъ какъ бы душу общества ,
душу тѣсно связующую всѣ привязан-
ныя къ ней члены ; душу яко кровь
по жиламъ разливающуюся вездѣ съ
обиліемъ и веселіемъ. Вотъ внутрен-
нее царство Божіе ! По обладанію симъ
миромъ душа наша есть престолю ,
жилище и держава Божія. Престолю ,
ибо Господь посредѣ покою внутрен-
няго мира присѣдншь и наслаждается ;
жилище , ибо онъ посредѣ того же ми-
ра всегда жити хощеть и хощеть ;
держава , ибо онъ ни надъ чѣмъ не хо-
щеть болѣе царствовать , какъ надъ
реченнымъ миромъ. Всѣ его соверша-
юща слѣжно обитають въ душѣ ми-
ролюбивой. Онъ ее освящаетъ своимъ
присутствіемъ , господствуетъ надъ
нею своею премудростію , управляетъ
сво-

своей силою, начальствуетъ своимъ Всемогуществомъ. Богъ любитъ миръ; — ищетъ мира, яко Царь мира, съ миромъ надъ всѣми владычествуй. *Миръ Божій.*

Сей миръ царствуетъ ли въ душѣ нашей? Тогда душа наша подобна бываетъ проспранному и покойному морю, неизмѣримому и тихому Океану. Еслиди ярые вѣтры бунтуютъ, ужасныя волны одна о другую разбиваются, наступаетъ сирашная буря; сіе означаетъ царство смлненія. Но еслиди море спокойно; все перемѣняется, вездѣ примѣнна пріянная тишина, всюду чувствительна безопасносн; прозрачность водъ, свѣтлосн лазуревыхъ небесъ все плѣняетъ, все восхищаетъ. Вотъ живое изображеніе души, миромъ обладающія! Неизмѣримое пространство моря означаетъ неизмѣримую власн души господствующія надъ собою; глубина морская предсплняетъ глубокой миръ, водворяющійся внутрь ея; прохлажденіе воды означаетъ сладосн мира, разливающегося по всѣмъ ея чувствамъ. *Миръ Божій.*

Или — скажемъ еще болѣе: душа находится ли въ семъ мирѣ? Она изображаетъ вѣрное зеркало самого Бога и его великихъ совершенствъ. Подлин-

но! ничто не представляет намъ споль живо, споль чувствительно величїе безсмертнаго Бога, какъ сей нарушаемый миръ душевный! Еспьли вѣшь ничего обыкновеннѣе между смертными, какъ безпокойство, смущенїе, перемѣна и непостоянство: по душа наша тогда бываетъ, кажется, выше жребїя человѣческаго, и приближается къ соединенїю съ самимъ Богомъ, когда она блаженствуя въ правдѣ обладаетъ чистѣйшимъ миромъ. Никогда мы не можемъ имѣть о Богѣ лучшаго понятїя, развѣ воображая, что Онъ всегда одинаковъ, всегда непремѣненъ, всегда непоколебимъ какъ въ самой своей сущности, такъ въ наслажденїи вѣчнымъ миромъ и блаженствомъ. Вотъ Богъ! — Вотъ его образъ! Да не по ли же самое изображенїе носить на себѣ душа, ублажающая жребїй свой посредѣ праведнаго мира? Что величественнѣе и Богоподобнѣе можешъ быть, какъ видѣшь душу всегда такую же и одинаковою, яко Бога, всегда спокойною, непоколебимою, тайно надъ собою владычествующею? Что яснѣе представляетъ намъ Бога, какъ не мирное души положенїе? Небо проповѣдуетъ его славу, земля доказываетъ его благость, море пред-

представляет неизмѣримость, а душа покоящаяся изображаетъ миръ его и съ миромъ всѣ его совершенства: ибо всѣ Божія совершенства заключаются въ мирѣ. *Миръ Божій.*

Но — скажемъ, еще нѣчто болѣе. Душа наша наслаждается ли симъ миромъ? Въ семъ мирѣ, и чрезъ него токмо, кажется, что она соучаствуетъ уже въ блаженствѣ и въ радости избранныхъ къ славѣ безконечной; она въ мирѣ блаженствомъ своимъ сходствуетъ съ блаженствомъ праведныхъ небожителей. Ибо что подлинно составляетъ небесное блаженство, какъ не миръ ненарушимый — вѣчный, миръ, состоящій въ наслажденіи самимъ Богомъ, миръ, имъ же праведная душа на земли обладая видишь исполненными всѣ желанія своего сердца? Въ семъ-то мирѣ всѣ чада Божіи живутъ, царствуютъ, будутъ жить и царствовать вѣчно: *миръ Божій прервосходяй всякъ умъ.*

И такъ вотъ что производитъ миръ душевный въ сей еще жизни; онъ способствуетъ намъ предвкушать сладость Райскую, онъ сообщаетъ намъ объ ней живое понятіе, онъ дѣлаетъ намъ ее прелестною, онъ въ сей еще жизни, въ семъ странствованіи нуж-

номъ представляешь черпы небеснаго веселія и заспаваляешь предчувствіювать оное; *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ.*

Представимъ мы душу свою въ различныхъ состояніяхъ, въ соспояніяхъ, какія только вспрѣчающся съ ней въ сей жизни; разсудимъ объ ней во всѣхъ отношеніяхъ, какія только можешь она имѣть съ Богомъ, съ ближнимъ, съ собою: при семъ не увидимъ ли мы, какія дѣйствія, но что я говорю дѣйствія, не увидимъ ли какія чудеса въ насъ производишь миръ душевный, — *миръ превосходяй всякъ умъ?*

Душа обладая симъ миромъ чего не исполняешь въ отношеніи къ Богу? Покорность, повиновеніе, зависимость, ненарушима вѣрность къ благодати, полное врученіе себя въ волю Божию, твердое сообразованіе съ закономъ, цѣльное соединеніе чувствій своихъ съ совершенствами безконечными, все сіе въ ней находицца.

Душа обладая симъ миромъ чего не исполняешь въ отношеніи къ ближнему? Любовь, благость, кротость, снисхожденіе; все въ ней царствуетъ обильно. А на противъ несогласіе, злоба, заисць удалены отъ ней; удалены, ибо они не означающъ чувствій
мира.

мира. Видишь по сему она другихъ проступки и ихъ великодушно перено- сить; видишь другихъ нужды и имъ помогаешь; видишь бѣдность, и оной соспражدهшь.

Душа обладая симъ миромъ чего не исполняетъ въ отношеніи къ себѣ самой? Въ какомъ бы она ни была обстоятельстве, но еслили миръ съ нею, она всегда одинакова; ее ничто не перемѣняетъ. Лишившись всего, она все находитъ во обилии мира. Имѣніе ея похищено, щасіе низпровергнуто, здравіе умалилось, міръ видимый ей измѣнилъ — да душевный цѣль, и шакъ она на развалинахъ временнаго благополучія съ торжествомъ воздви- жаетъ и утверждаетъ престолъ славы Богу мира. Такимъ образомъ въ жи- тейскихъ ли обстоятельствахъ, или въ правилахъ благочестія и Вѣры ну- жно для ней удовольствіе и оправда- ніе; возлюбивъ шокмо должно миръ, — миръ все составляетъ, и спасеніе и славу вѣчную.

Должно ли при подножіи престо- ла, или посредѣ храма приносить Бо- гу молитвы? Она присиупаетъ къ нимъ съ дерзновеніемъ, входитъ съ на- деждою, предспоитъ съ радостію, воз- дѣваетъ руки съ умиленіемъ, возды- хаетъ

хаетъ съ теплою любовію, и сіи дѣйствія суть дѣйствія мира. Должно ли ей совершить таинство покаянія? Она твердо почиаетъ таинство сіе за союзъ и примиреніе съ Богомъ, а по сему, видя свои грѣхи, смиряется, смиряясь не предаётся въ страхъ рабскій и гибельное отчаяніе, а скорѣе спѣшитъ явиться предъ священника; спѣшитъ и утѣшается, когда слышитъ: *иди въ миръ* (*). Должно ли ей приступить къ Святой вечери? Она грядетъ насладиться Богомъ мира. Миръ сей предъявляетъ путь къ трапезѣ небесной, располагаетъ ея чувствіями, уготовляетъ ее достояніе. Она приступаетъ къ Богу и Богъ благоспѣетъ съ нею соединяется. Миръ въ миръ водворяется. Тако миръ управляетъ, сопуствуетъ человѣку и утѣшаетъ его во все теченіе жизни, — да онъ не оставитъ его при самой смерти, онъ будетъ сопровождать его даже до гроба, — и тогда-то дастъ ему болѣе возчувствовать свою цѣну и пріятность.

Я восхищаюсь духомъ къ послѣднимъ минутамъ; я присутствую при страшномъ одрѣ умирающаго человѣка.

(*) Лук. VII. 50.

ка. Какое вижу вокругъ его позорище! Все кажется земное его устрашаетъ и приводитъ въ робость, и плачь ближнихъ и свое возмущеніе. Се окружаютъ его тѣни смертныя, предъявляется мрачность гроба, мечтающія спрашныя привидѣнія, смятеніе и трепетъ объемлютъ его внушенность; всѣ чувства его содрогаются при воспоминаніи вѣчности: но миръ душевный лишъ только возжеть свой пламенный; при лучезарномъ сіяніи сего небеснаго свѣта тѣни смертныя исчезаютъ, мрачность гроба пропадаетъ, привидѣнія уничтожаются. — Миръ душевный лишъ только покажется очамъ умирающаго; всѣ ужасныя предметы измѣняются въ пріятныя, смерть представляется сномъ, Судія нелицепріятный нѣжнымъ оцемъ, вѣчность блаженствомъ, конецъ жизни началомъ жизни безсмертной и владычествомъ мира.

О миръ! о сладость душевная! о плодъ небесный! сколь вы велики и отрадны! Миръ небесный, пребуди въ семь мѣръ — возцарствуй посреде насъ, чтобъ мы не опасались ниже чего во времени страшнаго. Но что я говорю не опасались страшнаго? Чего мы не должны спрашиться, дабы ты за не-

Годо-

годованіе наше на сію юдолю плачевную не прелѣпелъ на Небеса и шамъ не утвердилъ своего жилища? Еслили нѣтъ тебя нынѣ въ мірѣ, кслъ алчно желаемъ мы узнать, гдѣ ты обитаешь! Куда должно ийти, дабы обрѣсти тебя? Чѣмъ можно запластитъ за тебя, — яко за сокровище безцѣнное? Что надобно исполнитъ, дабы обладать тобою?

Все сіе находится въ тебѣ самой, душа вѣрная! Ты найдешь его, будешь обладать имъ, еслили только искренно его пожелаешь. Онъ требуетъ, — ищетъ единого сердца, приуготовленнаго въ жилищѣ ему. Расположи ты для него оное; онъ утвердитъ въ тебѣ царство свое съ царствомъ Божіимъ.

НАСТАВЛЕНІЕ XVII

О

Томъ, какъ пріобрѣтать и сохранять миръ душевный.

Миръ душевный еслили означаетъ благо столь великое, столь нужное и столь божественное, то какія намъ должно употреблять средства, дабы пріобрѣсти и сохранять оный?

Отъ

Открой мнѣ сіи спасительныя средства, Боже мой! Я желаю познать ихъ и ими воспользоваться; желаю употребить ихъ на снисканіе того, чего мнѣ миръ дать не въ силахъ, а только Твоя единая благодать доставить можетъ.

Первое средство къ пріобрѣтенію и къ сохраненію мира, есть избѣжаніе всякаго грѣха. Ибо грѣхъ есть непримиримый врагъ мира сего. Онъ есть мечъ обоюду острый, мечъ болѣзненно порождающій сердце; грѣхъ есть ядъ, на части разрывающій нашу внутренность; онъ есть червь, точащій нашу утробу. Грѣхъ и миръ никогда не были между собою въ согласіи. И по-длинно, какимъ миромъ можно тогда наслаждаться; когда мы бываемъ врагами Божіими?

Я понимаю, Создатель мой! что все справедливо въ законѣ Твоемъ; премудрость Твоя ничего въ немъ не помѣстила, чтобъ было превыше силъ ихъ, и правосудіе Твое никогда не будетъ наказывать меня за не возможное. По сему теряю благодать Твою, достойно теряю и миръ душевный; когда я дѣлаюсь врагомъ Твоимъ; праведно и себѣ самому врагомъ дѣлаюсь;

лаюсь; ища удовольствія въ Тебя, правильно нигдѣ ничего не нахожу, кромѣ прискорбія духа и горести сердечныя. Но несчастіе мое было бы несравненно еще больше, если бы я во грѣхахъ своихъ находилъ миръ свой! — Окаяненъ оспался бы я на всегда, если бы въ великихъ безпорядкахъ жилъ спокойно. Въ такомъ положеніи чье ослѣпленіе могло бы съ моимъ сравниться? Несчастіе мое было бы величайшее. Жить во грѣхѣхъ и пребывать въ покоѣ, сіе значитъ, что Твоя безконечная благость совсемъ меня оставила, и я долженъ погибнуть непременно въ заблужденіи моемъ. Однако я къ Тебѣ прибѣгаю, неисчерпаемый источникъ милосердія! надѣюсь, что Ты меня падшаго возставишь. Да и гдѣбѣ мнѣ искать оправданнаго убѣжища, если бы посредствомъ внутренняго душевнаго содроганія Ты мнѣ не давалъ возчувствовать, что я не тотъ, какимъ бы мнѣ бытъ надлежало; что душа моя доколѣ будетъ возмущаться, доколѣ я не оставлю грѣхѣхъ, и что потерявъ единожды миръ праведный, могу я потерять съ нимъ благополучіе свое вѣчно? Ты изрекъ, Боже! и слово твое во вѣкъ истина: *кѣсть мира въ костехъ*

костей грѣшниковъ отъ лица грѣхъ его (*).

Помни убо свидѣтельство сіе, душа моя, и никогда не забывай его. Если ты хочешь наслаждаться внутреннимъ миромъ; убѣгай грѣха, спросишь его, препеци при воззрѣній на оный, такъ какъ при видѣніи страшнаго чудовища; знай, что какъ скоро грѣхъ увиденъ въ швое сердце, миръ уже изъ него изгнанъ. Миръ изгнанъ — что же гонитель его можетъ предсавить тебѣ въ замѣну поперя сея, въ замѣну мира, — въ замѣну блага, коего паче всего должно желать въ мѣрѣ семъ? Бойся убо грѣха, чтобъ не потерять мира!

Второе средство къ пріобрѣтенію и сохраненію душевнаго спокойствія естъ избѣжаніе всякаго високоумнаго суевѣрія, всякаго гордаго сопротивленія благодани и гласу Божію. Духъ Свяшый сказалъ, и опытъ справедливоспъ словесъ его открылъ надъ миліонами беззаконныхъ: кто естъ, пропи-
вайся Богу и обрѣный благо мира? кто жестокъ бывъ противу его, пребысть (**)? Не лзя пропитья благодани Божіей, не чувствуя, сколь сіе

Часть III. I про-

(*) Пс. XXXVII. 4 (**) Іов. IX. 4.

иротивно Богу, сколько смятъ поражается сердце его, сколько опечаливается Святой духъ? А при семъ внутреннемъ преступленій своихъ сознаніи можно ли быть спокойнымъ, можно ли не скорбѣть о томъ, что удалившись отъ пущи истиннаго правды и мира никогда уже въ душѣ нашей не произведутъ радости неописанной, никогда въ ней не соединятся? Ибо въ праведной токмо душѣ, въ душѣ крепкой и богобоязненной *правда и миръ облобызастся* (*).

Ахъ! сколь мало я понималъ прежде важность потери сея! Еслили я многократно лишался внутренняго спокойствія, еслили я когда смущался духомъ и мучимъ былъ совѣстью: то не иное что сему было причиною, какъ невѣріе и сопротивленіе мое гласу благодати. — Огорчался я прежде многими обстоятельствомъ: но всѣ бывшія огорченія не означали ли тайнаго увѣщанія, чтобы я проснулся, возсталъ, исправился, чтобы престалъ раздражать Бога, престалъ ему противиться, престалъ печалить Духа Святаго въ сердцѣ своемъ, чтобы пожалѣлъ, нарушать миръ и погублять
спокой-

(*) Пс. LXXXIV. 11.

спокойствіе своей совѣсти? И я всегда былъ нечувствителенъ!

Нешасливый! сколь въ многомъ сопротивленіи и невѣріи я долженъ обличать самого себя? Сколько разъ я изгонялъ миръ изъ сердца своего? Поражало меня внутреннее безпокойство, и уста мои скоро вопрошали душу мою: *вскую прискорбна еси?* Не долженъ ли я былъ узнать, что причина всѣхъ огорченій скрывается во мнѣ самомъ, въ моемъ сопротивленіи благодати Божіей? Много въ семъ погрѣшилъ умъ мой, и — что, естли я и нынѣ еще не престану сопротивляясь волѣ Отца Небеснаго? Вѣчный мракъ, всегдашнее смущеніе и непрекращимое мученіе всюду меня будутъ преслѣдовать. Боже мой! я ласкаюсь, соблюсти миръ въ душѣ своей, миръ, превышающій цѣною свою всѣ сокровища видимаго міра; а по сему готовъ убѣгать всего, что только можетъ не только совсемъ потребить, но даже хоть мало покалѣбать миръ сей. Естли же всякое сопротивленіе Твоему гласу, всякое невѣріе благодати Твоей можетъ быть великимъ препятствіемъ сему миру: то я при самомъ легчайшемъ смущеніи буду ошнынѣ думать, что Ты

много раздраженъ мною, много моими стыдодѣянїями прогнѣванъ, многая вина моя предъ Тобою. Въ инакомъ положенїи можно ли намъ наслаждаться испиннымъ спокойствїемъ? Сердце невѣрное не естли изображение ада, вмѣщающаго въ себѣ необлегчаемыя мученїя для заслужившихъ оныя? Коль жалко, вѣчно пребывать въ смущенїи! а чтобъ отъ него избавишься, не должно бышь вѣроломнымъ прошивникомъ внушенїямъ благодати.

Третїе средство къ сохраненїю душевнаго мира естли умерщвленїе страстей и чувствъ. Душа моя! желаешь ли ны имѣть миръ съ Богомъ? Объяви войну себѣ самой; всякая спрасль естли врагъ нашего спокойствїя; поелику она возмущаетъ и разрушаетъ порядокъ Божїй. Чтобъ миръ въ насъ царствовалъ, должно спрасли покорить подъ его владычествво. Миръ всегда хоцетъ обипать въ насъ яко полномочный властеначальникъ, и по сему должно, чтобъ все ему было покорено. Его престоль созиждется на пишинѣ и безмятежи; а всякая спрасль производитъ волненїе въ душѣ нашей, слѣдственно усмиривъ оную, надлежишь опдашь ее въ плѣнъ мира.

Ты

Ты сказаѣ, Спасителю мой! Не прїидохѣ воверещи мирѣ, но мечь (*) ш. е. чѣтобѣ обрѣсти всякому мирѣ душевный, мирѣ оправданїя и веселїя вѣчнаго; для сего нужно вооружаться прошиву себя самого, нужно мечь умерщвленїя страстей взять въ руку охотно и держать его крѣпко; нужно имѣ всѣ злыя наклонности, всѣ порочныя предпрїятїя пресѣкать мужественно, неослабно. Ибо многими только сраженїями и войною прошивъ себя непрестанною мы можемъ получить побѣду и одержать мирѣ совершенный. Чѣтобѣ насладиться тишиною, должно поразить и покоришь враговѣ своихѣ. Иначе возставая противѣ насѣ непрестанно, они поработяшь насѣ подѣ свое мучительное иго и постыдное для насѣ униженїе.

Чего опасаясь съ какою ревностїю мнѣ должно вступать въ сраженїе сѣе? Если я истинно желаю прїобрѣсти и сохранить мирѣ душевный, мирѣ соспавляющїй полное благополучїе всего бытїя моего: то на что не отважусь духомѣ? Кого не побѣжду изволенїемѣ сердца? Но чѣтобѣ на самомѣ дѣлѣ успѣшь въ духовной побѣдѣ, Ты самѣ мнѣ

(*) Матѣ. X. 34.

миѣ помози, Боже мира! самѣ укрѣпи меня въ сраженіи со спраспями моими, въ сраженіи столь опасномѣ для меня при моей слабости. И Твоя помощь не столько для меня нужна для снисканія реченнаго мира, сколько для умноженія Твоей славы.

Чепвертое средство къ пріобрѣтенію, къ наслажденію и къ сохраненію душевнаго мира, средство всѣхъ надежнѣйшее и непреложное есть совершенное повиновеніе воли Божіей, полное препорученіе себя во власиѣ Его Промысла. Повергнемся во объятіе Отче; пусть Онѣ располагаетѣ жребіемъ нашимъ велемощно; предадимся во всеміѣ въ управленіе безконечныя премудрости; она доставитѣ намѣ все нужное; не смотря ни на какіе горькіе случаи жизни своей, не дѣлая никакихъ о превратностяхъ жребія челоувѣческаго умозаключеній, речемѣ въ себѣ внутренно: *да будетѣ воля твоя*; по сему и вредѣ для насѣ обратится въ пользу. Въ такомѣ щастливомѣ расположеніи, что можетѣ поколебать мирѣ души, всегдашнему повинующейся, чего Богѣ хочетѣ и что исполняетѣ? Что можетѣ лишить спокойствія сердце, взирающее спокойнымѣ окомѣ на всѣ произведенія Промысла,

я

и тогда въ благодарность подбѣмлющаго руки свои къ небесамъ, когда скорбиль частію подъ легкимъ бременемъ минувшья печали?

О, сколь свято сіе средство! сколь надежно и несомнѣнно! Душа, шествующая симъ путемъ пріобрѣтенія, вскорѣ достигнетъ желаннаго мира. А ны, душа моя! лишена сею драгоценнаго спокойствія; ны не хотѣла итти путемъ симъ, не хотѣла даже доселѣ. Но, естли бы твердо была увѣрена, какія изъ того происпекаютъ удовольствія: какихъ бы заслугъ не оказала? *Аще бы разумѣла хотя въ единъ день то, что служитъ къ миру швоему; крѣпко бы его возлюбила: но бывъ ослѣплена спраснями и мечтаніями, ны не познала своего благополучія, устранилася отъ ешези мира, обманчивыми и кривыми лупьями дошла до великой опасности, лишилася надежды къ истинному удовольствію и радости. Нынѣ же скрися отъ огію твоею (*) миръ душевный. Чѣмъ ны замѣнишь се?*

Познай заблужденіе свое, оплачь пресупленіе; сознайся, сколько ны виновна, когда желая мира не рѣдко

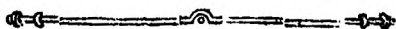
І 4

на-

(*) Лук. XIX 42.

напоминала: *Миръ миръ* (*): но днесь желанія твои не выполняются; поелику ты не знала чѣмъ обрѣсти миръ: и *небѣ* мира.

Боже благоутробный! могли ли бы мы заблуждать такимъ образомъ, если бы истинно вѣрили, что ты Отецъ нашъ, что Ты желаешь намъ всякаго блага, что Ты знаешь все съ нами встрѣчающееся, и обращаешь на пользу? Вѣруемъ мы въ Твой Спасительный Промыслъ; но конечно мало, и потому не обрѣщаемъ мира. Помози убо невѣрю нашему, чпобъ мы живя по волѣ Твоей выну, яко чада радовались въ объятіяхъ нѣжныхъ Матери. Съ слезами и на слезы мы вышли въ свѣтъ сей: но сотвори, чпобъ исходя изъ него сердце наше исполнено было радости; рцы душѣ, живущей по закону Твоему: *иди въ миръ*.

НАСТАВЛЕНІЕ XVIII.

О

Люби къ Богу.

Человѣки, произшедшіе изъ рукъ Божіихъ и сотворенные по образу его! вотъ великая и непреложная заповѣдь,

ко-

(*) Іер. VI. 19.

которую виновникъ бышя вашего предлагаешъ вамъ для досниженя къ истинному благополучю: любите Бога своего всею сердцею своимъ, всею помышленiemъ и всею крѣпостію своею: возлюбии Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего (*). Отецъ желаетъ быть любимъ яко Отецъ; другъ желаетъ быть любимъ яко другъ; Государь желаетъ быть любимъ яко Государь; а Богъ яко Богъ, т. е. мы должны любить его во всею, — прежде всего — превыше всего, — ни съ чѣмъ несравненно. Любовь всегда должна быть сообразуема съ важностію любимаго блага. Еслили какое добро не такъ важно, то и любовь бываетъ слабая; а еслили оно очень драгоценно, то и любовь должна быть пламенная. Но когда благо неизмѣримо, — безконечно, то и любовь, еслили только сему быть можно, должна быть столько же безконечна и неизмѣрима, какъ самое благо. Предположивъ се знаемъ мы, что Богъ есть благо, всѣ прочія превосходящее; слѣдственно и любовь наша къ Нему должна быть превыше всякой другой любви. Мы его должны любить болѣе всего; болѣе своихъ бо-

гачствъ,

(*) Втор. VI. 5.

гашствѣ, ибо онѣ плѣнны; болѣе нашихъ друзей, ибо они смертны; болѣе своей жизни, ибо она гиблема; болѣе самаго быпія нашего, болѣе себя самихъ, ибо мы *о немѣ движемся и есмь* (*). *Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего.* Воишь любовь, величія Божія достойная, любовь славная; но мы никогда съ ней не разсуждали, никогда ее не исполняли.

Въ чемъ же подлинно состоитъ сія любовь пресовершенная, и что она исполняетъ обязываетъ насъ? Она означаетъ высочайшее почтеніе, занимающее первое мѣсто въ сердцѣ нашемъ; она означаетъ непреборимую приверженность къ закону Божію, обязывающему насъ дружество съ Богомъ предпочитая всякому благу, происходящему изъ дружелюбія человѣческаго; она означаетъ внутреннее расположеніе сердца, столь великое, что еслибы представили намъ съ одной стороны обязательство любить Бога, а съ другой побужденіе любить чтолибо земное, промы, вѣдцы, скипетръ, вся благая совершенная и возможная; вдругъ отъ всего надлежало бы намъ отказатися, дабы соблюсти благодать Божію; •у-
чше

(*) Дѣ н. XVII. 28.

чнѣе надлежало бы намъ презрѣть вѣчнсе обладаніе тысящю мировъ, нежели на одну минуту охладѣть въ любви Божіей; она означаетъ благо-родную рѣшимость души, души рас-положенной предпринимать всякую тя-госнѣе, жерпвоватъ все въ Создателью, претерпѣватъ все изъ угожденія ему, нежели чѣмъ либо огорчить величїе его. Она означаетъ твердоснѣе духа, которую никакія несчастія, никакія мученія, ниже какая смерпъ, ниже тысящи смерпей, представляемыя очамъ нашимъ, никакъ ее поколебать не могутъ.

Таково есть превосходство любви, требуемыя отъ насъ закономъ! Отъ сей верховной любви происпекаютъ все другія расположенія къ Богу. *Вниманіе*, которе наслаждается существованными и неизрѣченными Божіими совершенствами, неоплучно пребывающими въ немъ самомъ, на пр. Его славою, его величествомъ, его блаженствомъ. *Угожденіе*, приносящее Богу всякую честь, достойную его величїя, желающее ему поклоняться, служить и прославлять его во всей вселенной. *Благодарность*, возхваляющая Творца щедротъ выну за все бывшее и находящее знаки его милосердія. *Рас-
кая-*

каянїе, горестно болѣзнующее о томъ, что когда либо не любилъ духъ нашъ Создателя, или огорчилъ его. Всѣ сїи добрыя чувствїя происходятъ отъ одного начала, всѣ сїи благочестїя потоки происпекаютъ отъ единого источника. Сколь многіе образы, угодишь Богу, заключаются въ единой любви предпочтенїя Его всѣмъ тварямъ, въ любви, сославляющей первую и главнѣйшую Хрїстіанскую заповѣдь: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего.*

Но сїя любовь столь высокая, столь совершенная можешь ли быти въ мїрѣ? Можешь ли при всей нашей слабости и несовершенствѣ? Думаешь должно, что на небесахъ только, гдѣ мы увидимъ Бога лицомъ къ лицу, гдѣ ничѣмъ не будетъ развлечено наше сердце, тамъ — то мы возлюбимъ Господа своего совершенно. А здѣсь — на земли, въ сей юдоли плачевной, гдѣ многіе предметы насъ развлекаютъ, гдѣ обуреваютъ насъ многія искушенїя, гдѣ владѣютъ надъ нами страсти, какъ намъ любить Господа при шолікомъ множествѣ претыканїй? Какъ любить его совершенно? Очень удобно!

Лю-

Любовь къ Богу можно понимать двояко, или въ ея совершенствѣ, или въ самой сущности. По совершенству судя она состоятъ должна въ чувствительной и непрестанной горячности, въ живой и непоколебимой приверженности, во всегдашнемъ умственномъ лицезрѣннй совершенствѣ безконечныхъ, въ строгой дѣятельности и опправленнй всякаго предпріятія какъ бы въ явномъ сѣ нами присутствіи Бога. Въ такомъ разумѣ любовь наша въ мѣрѣ семъ не можетъ быть совершенна, и шочно сбудется на небеси. Ибо когда мы занимаемся здѣсь безчисленными суешами, различными житейскими должностями: тогда душа наша не можетъ соединитъся тѣсною сѣ Творцемъ своимъ любовью. Но что касается до любви, взятой въ самой сущности, въ любви, состоящей въ семъ, шипобъ Бога почитать превыше всего, всегда быть готовымъ, лучше лишиться всего временнаго, нежели его благодати; сія заповѣдь не шолько легка по умозрительности, но даже на самомъ опытѣ засвидѣтельствована многими праведниками. Тысячи мучениковъ любовь свою къ Богу запечатали кровію своею; слѣдственно любовь сія возможна, а шѣмъ паче, что любить Бога составляетъ

ВЛАД

вляеть все наше благополучіе, все радости, все утѣшеніе. Но чувствуемъ ли мы въ себѣ любовь сію? Сердце наше хладно, развлеченіе велико. Когда мы приближаемся къ Богу, когда о немъ бы только единомъ надлежало намъ думать: тогда сердце наше ничего не чувствуетъ. Въ разсужденіи всего мы очень живы, а въ разсужденіи Бога бываемъ какъ бы безъ души и сердца. Спрашно не любить Господа!

А чпобъ совсемъ испровергнуть предосудительные предлоги нашего хладнокровія; для сего нужно еще въдать различіе любви чувственной и пріятной, отъ любви основательной, отъ любви чистой вѣры. Чувственную любовь мы оказываемъ иногда, когда видимъ нѣкоторое удовольствіе, утѣшеніе. Сердце наше въ такомъ положеніи хотя съ воспоргомъ прилѣпляется къ Богу: однако, поелику любовь сія зависитъ не отъ насъ, не отъ внутренняго расположенія, а отъ внѣшнихъ побужденій, отъ какой нибудь случайной выгоды, или минувшей радости; любовь сія не похвальна. Можно любить Бога не имѣя сліянія съ чувственными побужденіями: ибо многіе свяшые чувственной любви были не причасны. Будемъ довольны лю-

любовію чистою, любовію Вѣры; будемъ расположилельны всѣмъ пожертвованъ Богу, все изъ утѣжденія ему терпѣть; рѣшимся лучше тысячу разъ умереть, нежели оскорбить Бога и лишиться его благости; симъ докажемъ любовь основательную, любовь чистыя вѣры, и чтобы въ семь успѣть, предадимся его безконечной благости.

Но любя Бога, не ужели намъ всею запрещается любить что либо кромѣ его? Нѣтъ! Богъ не благовоилъ въ сердцахъ нашихъ погасить всякое чувствованіе добра; не создалъ насъ хладнокровными въ разсужденіи невинныхъ предметовъ, коимъ *не любить* запрещаетъ онъ самъ глаголомъ природы и разума. Не повелѣваетъ онъ намъ любить что либо любовію безвѣрною, неограниченною, превышающею иногда любовь его благости: но позволяеть напрошивъ любить все съ мѣрою, съ границами, съ отношеніемъ любви каждаго предмета къ умноженію его любви божественной. По сему предположенію родители любите дѣтей своихъ, супруги любите супругъ своихъ, друзья любите друзей вашихъ, но только любите ихъ о Господѣ, любите для Господа, а не **шакъ**

такъ, какъ должно любить самого Бога, или лучше, любите въ нихъ Бога. Любовь къ Богу, говоритъ Б. Августинъ, подобна великой рѣкѣ, разливающейся въ широкой долинѣ, въ кошорую всѣ мѣлкіе источники сливаются купно. Такъ и любовь къ Богу должна разливаться въ нашемъ сердцѣ. Всѣ другіе источники горячноты нашей, яко мѣлкіе попоки, должны спекаться въ едино, къ единой любви Божіей, яко въ безмѣрный Океанъ. А такимъ образомъ можно любить Бога во всемъ и всѣхъ, и вся въ Богѣ.

Да по чему можно узнать, что любяшь Бога? Предложивъ вопросъ сей, хоша я и самъ не имѣлъ къ тебѣ любви, Боже! да теперь хошу любить, и болѣе, нежели сколько хладенъ былъ прежде, любяшь тебя, Боже!

По чему можно узнать, что мы любимъ Бога? Вѣрный и неложный знакъ любви сей каждой въ себѣ можеть примѣнить изъ каждаго поступка. Никто не знаетъ любяшь ли его Богъ, или ненавидитъ. Тайна сія сокрыта въ Господѣ; да всякая вѣрная душа, хоша бы и признавала себя слабою любяшь Бога, усер-

усердіе ея драгоцѣнно. Вотъ нѣкоторыя
знаки любви Божіей! Они хопя не столь
надежны, чпобъ намъ ими хвалилися
было можно, однако всякой ими ушѣ-
шались можеть. 1 е. Желаетъ ли ис-
кренно и пламенно любишь Бога? Ко-
гда такъ, уповай, — будь увѣренъ,
что непреборимое желаніе всегда окан-
чивается съ успѣхомъ; стоилъ толь-
ко возжелать любви Божіей, а при семъ
Онъ самъ воцарится въ сердцѣ нашемъ,
воцарится и имъ возобладаетъ. 2 е.
Съ удовольствіемъ ли ты всегда раз-
суждаешь о Господѣ? Когда говоришь
о Немъ, воспоминаешь Его милости;
съ благоговеніемъ и съ благодарнымъ
ли духомъ сіе исполняешь? Естьли
такъ, то ушѣшайся, что ты Бога
любишь и Онъ тебя больше возлюбилъ.
А когда ты больше думаешь о пре-
лестяхъ міра, болѣе плѣняешься зем-
ными благими; спрашисъ, сердце
твое развлеченно, и шѣмъ паче спра-
шисъ, чпобъ оно при развлеченіи со-
всѣмъ не охладѣло. 3 е. Ужасаетъ ли
ты грѣха? Взираешь ли на него, яко
на зло величайшее? Когда такъ, то
надѣйся, что нѣтъ лучшаго и дока-
зательнѣйшаго знака любви Божія,
какъ страхъ въ разсужденіи грѣха. 4 е.
Сохранишь ли ты заповѣди Господни?

Часть III.

К

Ста-

Стараешься ли выполнитьъ всѣ обязательства закона? Еслии такъ, то не безпокойся, ты любишь Бога. Иисусъ Христосъ намъ проповѣдуетъ, что аще кто хранитъ законъ его, тотъ любитъ Господа и Господь его любитъ. *Имѣяй заповѣди моя и соблюдай ихъ, той есть любяй мя; а любяй мя, возлюбленъ будетъ отцемъ моимъ, и азъ возлюблю его* (*). 5 е. Когда ты любишь Бога: не умственно ли токмо его любишь? Дѣянiя добрыя означаютъ лучшую любовь къ Нему; дѣянiя добрыя превосходятъ всякаго умозрительнаго размышленiя о величii Божiемъ. Ибо всякое мудрованiе льститъ только нашему самолюбию, а добродѣтель оправдываетъ. *Разумъ кистъ, а любви созидаетъ* (**).

Сколькобъ мы были блаженны, еслии бы соединивъ всѣ сiи знаки во едино, могли твердо надѣяться, что мы совершенно любимъ Господа! Сколько бы мы были прославлены, еслии бы вмѣщая всѣ знаки реченныя любви въ сердцѣ своемъ понимали все ихъ величiе, красоту, превосходство и награду! Но разсмотримъ еще въ нѣко-
по-

(*) Иоан. XIV. 21. (**) I Кор. VIII. 1.

душа, любящая Бога, поспѣшитъ въ чертоги нерукомворенные, поспѣшитъ насладиться присутствіемъ жениха небснаго.

Смертные! кто бы вы ни были, любите убо Господа; живите на земли приверженно къ живущему на небсѣхъ; любите Его на всякое время. Престаньте прилѣплять сердца свои къ чему либо другому: ибо что вы обряцете нѣкогда отъ всѣхъ чувственныхъ и неосновательныхъ къ временности пристрастій? Онѣ нынѣ душу вашу возмущаютъ, беспокоятъ, колеблютъ; чтожь послѣ? удовлетворятъ ли, исполняютъ ли желанія ваши? Любите Господа отъ всего сердца своего, любите даже до послѣдняго издыханія, любите, и — Богъ любя васъ, паче возлюбитъ.

Н А С Т А В Л Е Н І Е XIX

О

Свойствахъ истинной любви къ Богу.

Повергнувшись предъ лицемъ своимъ, Боже! повергнувшись въ присутствіи Твоихъ Святыхъ Ангеловъ, повергнувшись предъ лицемъ Неба и земли,

или, я начинаю познавать, что для того существую въ семь мірѣ, дабы любить Тебя. Для сего конца, съ симъ намѣреніемъ Ты даровалъ мнѣ бытіе и жизнь.

Въ горести души моей и въ сокрушеніи сердца моего я признаюсь, что я не любилъ себя, Боже! не любилъ, и чрезъ сіе сколько потерялъ благъ, сколько погубилъ времени, сколько безобразилъ чувствованія свои!

Наконецъ оупъ сего времени желаю любить Тебя оупъ всего моего сердца; оупъ сего времени желаю вознаградить прошедшую потерю, потерю не дней, но лѣтъ многихъ.

О сей любви Тебя же молю, Создатель! Тебѣ ея желаю пожертвовать. Но чтобъ она была совершенна, не хочу, чтобъ она имѣла границы, или въ чѣмъ либо развлекающемъ ее участвовала. Какія же любви истинной сущь ошличныя свойства?

Любовь къ Богу совершенная должна бытъ любовь живая и пламенная. Любовь естъ огонь. Огонь скоро можетъ погаснуть, естли ослабѣвать спашеть. Любить Бога во всемъ, прежде всего, и паче всего, — сей огонь священныя любви да возгорится, да обшметъ и да палитъ все во мнѣ, мой

К 3

духъ,

духъ, мое сердце, мои страсти, мои дѣянїя, мои слова. Успа мои да будутъ огненны, помысленїя да будутъ пламенны, желанїя мои и воздыханїя да будутъ исполненными сего невещественнаго жара. Симъ только духовнымъ огнемъ да живу я, да дышу имъ. Сей огонь да будетъ пищею моею, душею души моей, жизнью сердца моего. Блаженъ человекъ, еспли живетъ и стараетъ любовїю къ Богу!

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *благородная*, гошова, еспли должно, исполнишь великіе подвиги, на все отважишь, все жерпвовать, все оставишь, и еще важнѣе, все переносишь для Бога. Божественная любовь не жалѣетъ никакихъ жерпвованїй; собою она души многихъ возводитъ на Голгофу, напояетъ изъ чаши горести, окропляетъ ихъ кровїю. Но сію чашу они прїемлютъ отъ руки Жениха Небеснаго; и такъ горестъ ея измѣняется въ радость, пролитїе крови дѣлается источникомъ безсмертїя. Богъ спраждущїя души любитъ и ихъ очищаетъ. Не на Фаворѣ, а у подножїя креста дѣлаются святыми. Здѣсь Господь посѣщаетъ избранныхъ, и шуда призываетъ всегда истинныхъ своихъ любительей. Сердцѣ токмо му-
жест-

жественныя, души благородныя приближающія къ сему святынищу охотно, — грядуть къ нему и останувившись близъ его не возвращаются вснять, а низкія шрепещуть, малодушныя удаляются, удаляются, и такъ часто бываетъ, что Богъ любви, поспрадавый и умершій на древѣ кляшвы, одинъ оспаеетъ висая на престола крестномъ. Человѣколюбче! хопя отъ нынѣ научимся ли мы соспрадать Тебѣ, умираешь съ Тобою? Умственно всѣ мы желаемъ любить Тебя, да ничего не хотимъ перенести на дѣла, а колыми паче спрадать, спенать и умереть. Вотъ жребій любящихъ прѣ! Миргіе не имѣя благородныхъ чувствій, хопя и нарицаются Христіане, но едва ли познають величіе имени Твоего.

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *дѣятельная*, свидѣтельствуемая самыми поступками. Любить Бога, сіе не значитъ простое суесловіе; любить не значитъ одно покло желаніе любить Его; любить Бога не значитъ минувшее какое нибудь воспаленіе сердца, а означаетъ умереть себѣ, оставить міръ, опказаться отъ всего временнаго, еспли только сіе нужно. Любить Бога озна-

К 4

чаетъ

чаетъ въ точности исполнять Его заповѣди, покоряясь волѣ Его, предаваясь Промыслу Его, полагаешься во всемъ на Его благость; любишь Бога означаетъ владѣть своими спрастями, отвергать чувственныя сладоспастія, побѣждать соблазны. Вотъ любовь дѣятельная! Безъ сего сколько бы мы ни говорили, сколько бы ни желали, и сколько бы ни располагались любишь Бога, любовь наша несовершенна. „Люблю Бога,, а когда мы сіе не успнами только произносимъ, а свидѣтельствуемъ добродѣтелию, вотъ любовь совершенная! Глаголь любви велегласень, естли онъ издается ошъ дѣяній.

Такъ любяли Бога прославленные святыя, такъ Апостоли, переходящіе концы земли, такъ исповѣдники посажденные въ темницу, такъ мученики посреде раскаленныхъ пещей, такъ дѣвы, окровленные кровію своею, яко кровію незлобивыхъ агнцевъ, такъ всѣ ошпельники удалившіеся въ пусыни. Всѣ они дѣлами възгласили: „Мы любимъ Бога., Но я, о Боже мой! когда скажу, что люблю Тебя? Дерзну ли на сіе распорить уста мои, когда дѣанія мои молчатъ, или еще меня осуждаютъ? Дажь мнѣ, Создатель мой!

мой! чувствіе огненно, да скажу сердцемъ, да скажу дѣлами моими, яко люблю Тя, и Ты гласъ сей не отвергнешь, внемлешь ему и имъ благоугодишься.

Любовь къ Богу совершенная должна бысть любовь *гистая*, не имѣющая въ виду никакихъ временныхъ выгодъ. Любить Бога должно единственно для него самого: ибо Онъ есть благо всѣхъ драгоценнѣйшее, всѣхъ превосходнѣйшее; онъ есть Богъ. Любить Бога, должно любить не смотря ни на Его дары, ниже на Его издвоздаяніе, а шокмо взирая на Его совершенство. на Его величіе, на Его безпредѣльную благость, мудрость, силу и другія неизслѣдимыя преимущества. Любовь не значить любовь, а куплю, естли любящъ съ тѣмъ шолько намѣреніемъ, чшобъ получить пользу. Да удаляшся отъ насъ такія корысполубивыя чувствованія, сердца сжашныя случайными выгодами. Они не умѣютъ любить, и не знаютъ, что есть любовь; они не имѣютъ нѣжныхъ чувствій, или имѣютъ, да ихъ искажаютъ. Покажись намъ, высочайшая благость! покажись, красота безконечная! покажись и разжени всѣ пустые предметы, такъ какъ солнце прогоняетъ

всѣ ночные мраки. Ты одинъ, Боже! ты одинъ во всемъ, вездѣ и всегда достоинъ любви нашей. Что мы можемъ сбрѣсти внѣ Тебя? Что ты Богъ, — се одно имя не довольно ли къ услажденію сердець нашихъ? Да сколько ли велики сердца наши, чтобъ могъ въ нихъ Богъ вмѣститься?

Любовь къ Богу совершенная должна быть любовь *твердая и непремѣнная*. Я имѣю одну искру любви, да я желалъ бы быть неизмѣримою пещію. Сія искра возжигается мало по малу и вскорѣ угасаетъ, а я желалъ бы быть огнемъ вѣчнымъ, неугасаемымъ. Боже мой! Ты всегда любезенъ: для чего же не любишь Тебя вѣчно? Для чего имѣть перемену, холодность, слабостъ? Иногда я Тебя любилъ въ нѣкоторыя минушы, будучи пронутъ Твоею благодатию; я вѣщаль себѣ опъ моего сердца: „Люблю тя, Жизнодавче! Минушы блаженныя, пріятныя минушы! Но вы уже переменились; краткостъ ваша миновала; и такъ любовь моя непостоянна, не тверда. Любимъ мы Господа одинъ день, а другой нѣтъ. Ищемъ Его одинъ день и слѣдуемъ за Нимъ, а другой нѣтъ. Любимъ Его на время, а какъ пройдетъ время, забываемъ Его и то, что имѣ-

имѣли любовь къ Нему. Малоразсудные! (если только не спрашно о семъ подумашь), что мы нашли въ Создателѣ своемъ отвратительнаго? Что привлекабельнѣе внѣ Его? Господь есть въ красотѣ своей вѣкъ деньми и новъ въ величїи ея. Совершенствова Его потеряли ли что либо изъ мѣры величїя своего? Лепота Божїя неизрѣченна, вѣчна. Черпы ея не могутъ ли возбуждать въ насъ выну новыя любви и приверженности?

Сей-то священной, небесной и все-совершенной любви я прошу у Тебя, Боже! Прошу, не истребя ни здравїя, ни жизни, ниже другаго временнаго блага, прошу единственно любви твоей, Боже! Я знаю, что сего не заслуживаю, недостойнъ дара сего; ибо сердце мое развлеклось мїромъ; я не заслуживаю, да Ты самъ ошь меня пребуешь жертвы сея; Ты ее заслуживаешь, Ты ее достоинъ, и такъ я прошу о сообщенїи мнѣ дара сего. Я не убилъ Тебя доселѣ; но я днесь живу еще, еще имѣю дыханїе, слѣдственно еще въ силахъ любить Тебя. Можно еще сказать мнѣ въ сердцѣ своемъ: „Люблю тя, Господи!“, Можно сказать се ошь всего моего сердца, ошь всѣхъ моихъ чувствъ, и пусть слова сїи

сѣи произнесъ я въ первый только разъ, да отъ нынѣ я буду повторять ихъ до послѣдняго моего издыханія.

Такъ, истинно желаю я Тебя любить, Боже! Желаю вознаградить все то время сильнѣйшимъ пламенемъ любви моей, въ которое я не любилъ Тебя прежде; хочу вспомнить тѣ злосчастные дни, въ которые я былъ столь слѣпъ и дерзокъ, что не видалъ Тебя, огорчалъ Тебя, забывалъ Тебя. Для чего бы мнѣ всѣ дни жизни своей не посвятить Твоей Божественной любви? Для чего бы? — Я жилъ любовію міра и содѣлалъ дѣла смерти.

Однако днесъ я хочу любить Создателя своего, и сего еще не довольно, что я люблю; я желаю, чтобы Тебя, Боже! любила вся вселенная; желаю всѣ сердца воспламенить къ Тебѣ любовію; желаю самыя и несмысленныя существа привлечь къ Тебѣ; желаю, чтобы всѣ люди совокупившись во едино съ восхищеннымъ чувствомъ выну глаголали другъ другу: возлюбимъ Бога, возлюбимъ, ибо онъ нашъ Отецъ, а мы его дѣти; я желаю во всѣ концы земные пренести небесный свѣпильникъ Твоей любви, научить заповѣди сей всѣ народы, просвѣпить симъ закономъ всѣ влады-
•че-

чества; хочу возпламенить вселенную; хочу, чтобы во всѣхъ не было другихъ чувствій, кромѣ чувствій Твоея любви; хочу, чтобы всѣхъ сердца были горящими углѣями, вся земля необъятнымъ пламенемъ; хочу, чтобы сія любовь продолжалась до полѣ, пока родъ человѣческій будетъ обитать въ мірѣ, пока совершаются времена и лѣта; хочу, еслилибъ только сіе было можно, чтобы огонь, долженствующій нѣкогда уничтожить вселенную, измѣнился въ любовь къ Тебѣ, или лучше въ сильнѣйшее для насъ благовременное побужденіе къ тому, чтобы любить Тебя на земли и удостоиться любви Твоей въ кровахъ небесныхъ. Словомъ токмо я вѣщаю сіе, Боже! хочу любить Тебя шюю же горячностію, каковою Ты насъ самъ любишь: но Ты зриши сердце мое, Ты вѣси даже и несодѣянная намѣренія сердца моего; оно уже болѣе не живетъ во мнѣ. Ты въ немъ царствуешь, Господь мой и Богъ мой. Благоволи убо, дабы любви швоя, любви неизрѣченная и неописанная обитала въ немъ вѣчно.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XX

О Раѣ.

Богъ сотворилъ челоѡвка, дабы содѣлашь его благополучнымъ; для сего пріуготовилъ ему на небесѡхъ нескончаемое блаженство. Онъ на нѣсколько времени поспадилъ его на земли, поставилъ съ тѣмъ, чшобъ открыть ему средства къ заслуженію сего благополучія; ибо Онъ хоцетъ даровать ему блаженство въ видѣ награжденія. По чему душа, произшедши отъ десницы Божіей, должна возвратиться въ его упѣшительныя обѣщанія; должна возвратиться для вѣчнаго соединенія съ виновникомъ бытія своего. И вотъ въ чѣмъ будетъ состоять ея блаженство.

Мы увидимъ Бога, возлюбимъ Его, будемъ обладать имъ. Мы Его увидимъ лицомъ къ лицу; возлюбимъ совершенно; будемъ обладать, не опасаясь когда либо лишиться Его. *Увидимъ, — возлюбимъ, — возобладаемъ.* Вотъ сколь великое понятіе Б. Августинъ представляетъ намъ о блаженствѣ небесномъ!

Мы *увидимъ* Бога. Съ его лицезрѣніемъ какіе неизреченные предметы представляюща очамъ нашимъ!

Мы

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ откровенно тѣ великія таинства, которыя въ продолженіи жизни нашей споль много занимаютъ нашу Вѣру, которыя нынѣ сокрыты отъ насъ непроницаемою завѣсою, густыми облаками. Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ покланяемую Троицу, Троицу едину въ существѣ своемъ; увидимъ Богочеловѣка, облеченнаго нашимъ плѣнѣмъ; увидимъ Бога во плоти; увидимъ и прочія таинства, несовершенствоныя нынѣ съ понятіемъ всѣхъ правей, на земли живущихъ. Тогда все будетъ ясно; гаданіе уничтожится, и мы отъ Вѣры перейдемъ къ видѣнію исполненія и событій, перейдемъ къ свѣту невечернему, къ свѣту блаженному, удобозримому.

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ удивимся полному на насъ изліянью той безконечной благости, которою въ продолженіи живота своего мы наслаждаемся нѣсколько. Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ откроется намъ то безпредѣльное милосердіе, которое насъ нынѣ съ великимъ убѣжденіемъ уклоняетъ отъ всякаго грѣха, съ великою любовію взыскуетъ насъ въ нашемъ заблужденіи, съ великимъ сожалѣніемъ терпитъ наше медлительное на правыя стези обра-

обращеніе, съ великою нѣжностію пріемлетъ возвращающихся, и — даже до гроба сопутствуетъ намъ, укрѣпляетъ насъ на пути непорочности и правды. Частію мы понимаемъ нынѣ величіе сего милосердія, а тогда узримъ его въ полномъ сіяніи. Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ удивимся той безконечной благости, которая предохраняетъ насъ нынѣ отъ безчисленныхъ опасностей, отъ крайнихъ золъ, отъ великія погибели; увидимъ, что тысящу разъ мы были на краю бездны; стоило сдѣлать одинъ шокмо шагъ, и — мы бы въ оную впади, впади и вѣчно погибли: но десница Божія насъ удержала. О благость безконечная! о любовь неизсѣдимая! что мы содѣлали, дабы заслужить васъ, и что содѣлываемъ, дабы удостоиться познать цѣну вашу въ вѣчности!

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ непоспимыя соотношенія премудраго и неизмѣняемаго Промысла съ безчисленными человѣческими переиѣнами, съ безконечными превращеніями цѣлой вселенной. Мы увидимъ Бога. И — узнаемъ, какими путями Онъ велъ всегда избранныхъ къ славіи своей, какую благодать Онъ имъ покровительствовалъ, для чего и какъ одни
изъ

изъ человѣковъ просвѣщены Евангельскою Вѣрою, а другіе погружены во мракъ заблужденія, — пребываютъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй. Всѣхъ сихъ сробышій теперь причины намъ недовѣдомы; но пождемъ уповаемыхъ вещей откровенія. Вѣчнось всѣ наши сомнѣнія разсыплеть, Промысль оправдаеть. Отѣиметься завѣса съ очей нашихъ; тогда все сокровенное предъ нами обнаружится.

Мы увидимъ Бога. Въ Богѣ увидимъ всѣ необъемлемыя его совершенства, совершенства неизглаголанная. Увидимъ восхитительную лѣпопу, непрестанно привлекающую взоръ и сердца избранныхъ; увидимъ вешхоную благодань, непрестанно пріемлющую на себя новыя черпы, возраждающія во всѣхъ новыя удовольствія; увидимъ неизслѣдимую Премудрость споль рѣшителную въ своихъ опредѣленіяхъ, споль непреложную въ своихъ намѣреніяхъ, споль непронидательную въ своихъ совѣтахъ, споль точную въ дѣлахъ, что нѣтъ твари, которую бы она забыла, и которая бы ею была недовольна. Сія Премудрость каждому существу предозначаетъ удобныя средства къ концу ихъ; ея силою все щастливо въ мѣрѣ исполняется; увидимъ

Часть III. А вер-

верховное Всемогущество, которое вселенную извлекло изъ ничтожества и плытобвующую землю неодолимо повело на воздухъ, морю положило песокъ предъломъ, и что день, то новыми чудесами исполняетъ всяческая; увидимъ безмърную щедроту, всякое сердце преисполняющую неизбяснимыми удовольствиями.

Мы увидимъ Бога; увидимъ лицомъ къ лицу, — безъ завѣсы, — безпрепятственно; увидимъ таковымъ, каковъ Онъ есть самъ въ себѣ. Здѣсь, — въ семъ райскомъ жилищѣ мы увидимъ Бога во всемъ величїи и славѣ. На земли мы видимъ Его въ творенїяхъ, подъ слабыми чертами, въ рою оптѣняемыми въ душѣ нашей, видимъ одною часпїю ума нашего, видимъ несовершенно: но тогда мы Его увидимъ въ полномъ видѣ, увидимъ живо. Увидимъ во всемъ божественномъ сіяніи. Какой отъ него свѣтъ излетѣтъ въ души наши, изведенныя изъ мрачности житїя сего сей многобдспвенной ноци! О минути наслѣдїя райскаго! О день, предначиняющій вѣчность! Какое лучезарное солнце откроешь ты намъ въ видѣнїи солнца Правды!

Узрѣвши Господа мы его возлюбимъ.
Очи не могутъ взирать на Верховное благо,

благо, на источникъ всѣхъ благъ, не могутъ такъ взирать, чпобы сердце ими не было восхищено.

Мы возлюбимъ Бога, возлюбимъ всемъ сердцемъ. Всѣ наши склонности къ Нему устремляясь, устремляясь съ великимъ жаромъ. Камень лезишь къ своему центру, огонь возвышается къ своей сферѣ, источники текутъ внизъ: но все сіе слабо изображаетъ дѣятельность воспорговъ, съ каковыми сердце наше будетъ стремиться къ верховнѣйшему предмету. Мы возлюбимъ Бога, возлюбимъ на всегда, — вѣчно возлюбимъ Бога и все въ Богѣ. Сердце наше не будетъ раздѣлено въ своихъ чувствованіяхъ, не будетъ колебаться страстями. Богъ одинъ будетъ для него единымъ занятіемъ и центромъ. Онъ для вѣрныхъ и нынѣ составляетъ исполненіе всѣхъ упованій, а тогда будетъ концемъ нашихъ желаній, предѣломъ нашихъ желаній. Его любовію исполнится вся ширина нашего сердца.

Мы возлюбимъ Бога, возлюбимъ достойно его Величества, возлюбимъ не меньшею любовію, какою Онъ насъ любилъ. Мы любимъ Его нынѣ, но любовію слабою, несовершенною, а тогда, что такъ нынѣ Его любимъ, о семъ

Л 2

бу-

будемъ скорбѣть и печалиться; слѣдственно душа Бога возлюбитъ въ вѣчности сколько возхощетъ, а не сколько можеть. Тогда ей любить Его не будетъ препятствія.

Мы возлюбимъ Бога, и въ любви своей будемъ увѣрены, что она совершенна. Въ печеніи жизни сея мы желаемъ любить Бога; но будучи въ любви не очень тверды, не знаемъ, истинно ли его любимъ. Часто сомнѣніе сіе приводитъ насъ въ содроганіе; а по сему самая любовь, долженствующая составлять наше удовольствіе, нѣкоторымъ образомъ дѣлается для насъ возмущеніемъ. Но тогда, будучи увѣрены въ своихъ чувствіяхъ, мы возлюбимъ Бога несомнѣнно, и расположеніе наше къ Нему будетъ безбѣдно, основательно, щасливо.

Мы возлюбимъ Бога, и чтобъ увеличить любовь свою, соединимся со святыми, соединимся, дабы любить Его сліянными размышленіями, сліянными чувствіями, сліяннымъ духомъ и сердцемъ; соединимся, дабы изъ совокупной любви Божіей вкушать нераздѣлимое блаженство, дабы болѣе и болѣе другъ друга поощрять къ сей священной любви; соединимся, подобно искрамъ огненнымъ, которыя сво-

имъ

имъ совокупленіемъ умножаютъ и жаръ и пламень. О любовь! о божественный пламень! возгни сердце наше, и непреставай палишь его силою небеснаго своего жара!

Мы увидимъ Бога, увидя возлюбимъ, возлюбивши *будемъ обладать* имъ. Вотъ предѣлъ и верхъ небеснаго блаженства! Вотъ рай нашъ!

Мы будемъ обладать Богомъ, а въ Богѣ всѣми благими, всеи богатствомъ, всеи сокровищами, чesтями, всеи ихъ сянїемъ, и услажденїями. Обладая Богомъ мы будемъ имѣть не только все то, чего желаемъ, но еще и то, чего желать можно. Ибо сколько бѣ ни было пространно наше сердце, оно во всеи будетъ удовлетворено; всѣ желанїя наши тогда исполнятся, да еще со избыткомъ. При такомъ обладанїи всеи благими чьи уста не прорекутъ съ Давїдомъ: *Насыщуся всегда явитимися слава твоея* (*)? На небеси вся благая, всѣ удовольствїя, всѣ сокровища вдругъ соединяются въ каждомъ сердцѣ, дабы дать почувствовать цѣну Высочайшаго блага.

Л 3

Мы

(*) Пс. XVI. 15.

Мы будемъ обладать Богомъ, а въ Богъ всѣми благими безъ-всякаго даже малѣйшаго участія въ неблагополучи. Въ мѣрѣ семъ всѣ удовольствія всегда соединены съ нѣкоторою горестію, радость никогда не бываетъ совершенна, пріятность часто бываетъ съ отвращеніемъ соединена; но на небеси нѣтъ ни возмущенія, ни скуки, ни печали, ни безпокойства, ниже малѣйшаго какого несчастія жизни сея. Тогда ничто не нарушитъ нашего спокойствія, ничто не переизмѣнитъ нашего наслажденія; тогда мы будемъ блаженны вѣчно. *Ни плата, ни воля не будетъ къ тому (*).*

Мы будемъ обладать Богомъ, а въ Богъ всѣми благими на всегда, неопасаясь когда либо лишиться оныхъ. Кто можетъ познать, сколь величественъ и славенъ рай? Вѣруемъ мы, что блаженство его безпредѣльно, радости его нескончаемы будутъ, и сею довольно. Доколѣ небеса будутъ существовать, доколѣ Богъ будетъ Богомъ, дополѣ будетъ твердо блаженство избранныхъ. Въ продолженіи всѣхъ вѣковъ, тысячи тысячъ лѣтъ и болѣе, избранные будутъ жить вѣчно съ Богомъ

(*) Апок. XXI. 4.

гомъ и въ Богѣ; слѣдственно всегда
будушь о Немъ величественны, всегда
доводны, всегда блаженны. Вѣчность
для нихъ будетъ начинаться каждую
минушу, и всѣ минушы будушь пред-
сипавляющъ имъ новыя удовольствія
вѣчности. Ихъ жребій утверждёнъ на
неизмѣнности самаго Бога. *И царствію
его не будетъ конца; слѣдственно ниже
ихъ блаженству.*

О небо! о существо высочайшее! о
слава неизрѣченная! Смертныя шво-
ренія доколѣ облечены плотию; викогда
не могутъ посипигнуть отъ васъ про-
испекающаго, на васъ утверждающаго-
ся и въ васъ живущаго своего блажен-
ства. Хотя они и сотворены обла-
дашь имъ, но дополѣ не уразумѣютъ
его совершенно, доколѣ не заслужатъ
и заслуживши не узрятъ шо, чего
*око не видѣ, уха не слыша и на сердцѣ
не възиде* (*). Любящіе Бога ищите
угопованное вамъ благо, ищите при-
лѣжно и обрящете. Насадите въ ду-
шахъ своихъ вершоградъ благочестія,
и возрастеть Рай неплѣнный; поспѣй-
те плодъ добръ и онъ пріумножится
*и на тридесять, и на шестьдесятъ и на
сто* (**).

Л 4

НАСТА-

(*) I. Кор. II. 9. (**) Мар. IV. 8.

НАСТАВЛЕНІЕ XXI

О

Взысканіи блаженныя вѣчности.

Что намъ должно дѣлать, дабы заслужить Небеса? Съ какими чувствіями надлежитъ ипши душѣ нашей въ чужое горнее жилище? Ты съ шѣмъ послалъ меня на землю, Боже! дабы чрезъ временные подвиги наслѣдовалъ я прежде вѣкъ угошванное мнѣ царство; по сему всѣ дни живота своего мнѣ должно посвящать на взысканіе не пребывающихъ благихъ, а грядущаго Опечества. Возвыси духъ мой, да уразумѣю величіе благихъ безконечныхъ; возпламени сердце мое, да желаю ихъ единыхъ паче всего въ животѣ моемъ; подкрѣпи силы мои, да заслужу вѣчное блаженное наслѣдіе.

Извѣстно, что мы сотворены для блаженства неизмѣримаго, неизреченнаго, безконечнаго; да будучи призываемы къ такому благополучію, сколь мало мы желаемъ онаго? Будучи опредѣлены къ безсмертной славѣ, сколь рѣдко мы размышляемъ объ ней, сколь мало ею занимаемся? Всѣ почти неусыпно старающіяся о богатствѣ плѣнномъ, а благія вѣчныя уже и изъ виду потеряли. Помышленія духа, же-
ла-

ланія сердца должно бы намъ воскри-
лять горѣ, а мы пригвождаемъ ихъ
делу, — прилѣпляемъ къ міру, къ бла-
гимъ міра, къ удовольствіямъ міра;
и такъ вся жизнь наша проходитъ
въ бѣганіи за мечпою, въ спремленіи
за привидѣніями. Безмѣрно мы жаж-
демъ временныхъ корыстей, ненасы-
тимо алчемъ минувныхъ выгодъ; все
сердце наше предается прелестямъ
случайнымъ, а благія небесныя, бла-
гія вѣчныя едва едва заслуживаютъ
когда наше, не говорю воздыханіе, а
вспоминаніе. Слѣпошствующіе смерп-
ные! Доколь мы будемъ много желать
недостойнаго и мало желать досто-
йнаго? Много желать пустыхъ и времен-
ныхъ благъ одною поверхнею наруж-
ностію, плѣняющею наше сердце, а мало
желать благъ истинныхъ, благъ вѣч-
ныхъ, благъ, могущихъ сославить
твердое и совершенное наше блажен-
ство?

Всякъ, будучи призываемъ къ
поль великому благополучію, къ бла-
женству самаго Бога, что содѣлалъ,
дабы явить себя онаго достойнымъ,
дабы заслужить его? Какія попеченія,
какіе подвиги, какія изнуренія для
сего предпринималъ? Гдѣ добродѣтели
нами содѣянныя? Гдѣ жертвы прино-
симыя?

симыя ? Гдѣ побѣды торжественно
окончанныя для сего Верховнаго блага,
о которомъ намъ выну должно возды-
хашь и мыслишь ?

Сколько Бого-человѣкъ пострадалъ,
на крестѣ, дабы и мы подражая спра-
даніямъ его подобныя ему искали сла-
вы ? Его мученія, его слезы, его кровь,
его смерть что намъ проповѣдуемъ ?
Какой гласъ мы отъ нихъ слышимъ ?
Святые мужи, что нѣкогда предпри-
нимали, дабы содѣлаться достойными
вѣнца неслѣдннато ? Одни обитали въ
горахъ, въ вершепахъ, другіе смиряли
себя строгимъ воздержаніемъ и покая-
ніемъ ; одни погребали себя въ пеще-
рахъ, другіе на мѣстѣ страшныхъ
мученій, посредѣ меча и огня ; многіе
охотно претерпѣвали ужаснѣйшія каз-
ни для наслѣдія будущихъ благихъ :
но всѣ они не уже ли взирали на дру-
гое небо, нежели мы ? Не ужели имѣ-
ли другую надежду, нежели мы ? Не
уже ли мы сотворены для инаго кон-
ца, нежели они ? Не уже ли намъ по-
то заслужить не можно, что заслу-
жили они ?

Міролюбцы ! чего мы не подьем-
лемъ въ жизнь свою для снисканія
скорогиблемыхъ малостей ? Изнуряемъ
ся трудами непрестанными, ослабѣ-
ваемъ

даемъ отъ чрезвычайныхъ заботъ и неусмѣнности: какихъ не предпринимаемъ спараній? и они намъ кажутся малы. Всѣ наши насилія часто бывающъ слабы, всѣ замыслы тщетны; но мы на все опваживаемся, всѣми силами домогаемся, дабы хотя на нѣсколько шастіе свое временное возвысиль, утвердить его на своихъ и чужихъ огорченіяхъ, на своемъ бѣдствіи и другихъ паденіи; ни боязнь, ни стыдъ оцъ сего насъ не удерживающъ; ничто не отвращаетъ. И о чемъ такъ почти всѣ болѣзненно мяшупся, *да истлѣненъ вънецъ прїимутъ* (*). Но всѣ ли твердо увѣрены въ полученіи и сея награды? Сколько времени многіе шекли, подвизались, усиливались, и при томъ тщетно! А мы, надѣющіеся вѣнца безсмертнаго, что дѣлаемъ, что претерпѣваемъ, да его несомнѣнно получимъ? Сынъ свѣта не достоинъ ли равнаго осужденія съ чадами мрака? Они все дѣлающъ, много шрудяшся для неизвѣснаго, для благъ обманчивыхъ; а мы будучи предопредѣлены для обладанія благими высочайшими, благими безсмертными, ешльди не брежемъ о нихъ, не должны ли

опа-

(*) I. Кор. IX. 25.

опасаться, дабы не поперяшь ихъ вѣчно? Гдѣ наша Вѣра?

Есшлы мы не спараемся заслужить небо: по для чего же и на земли существуемъ? Всякой съ шѣмъ получилъ жизнь, чтобъ приуготовить себя къ наслѣдію живота безсмертнаго; а дѣлами смерть покупаетъ. Знаемъ мы, что все въ мѣрѣ нѣкогда окончится, знаемъ мы, что нѣшъ здѣсь пребывающаго града, слѣдственна о грядущемъ должно пещись: но мы въ мѣрѣ живемъ не яко пришельцы и спранники, а яко всегдашніе сожители его плѣнїю, его соблазнамъ; мыслимъ иногда возвратишься въ лучшее опечество, да помышленїе не оправдываемъ дѣлами. Такое поведѣнїе, такая жизнь сколько предосудишельны, сполько прошивныя имъ достойны подражанїя.

Какая будетъ тогда радость для души благочестивой, когда она будетъ съ довольными заслугами преселяться на небо? Тогда она скажетъ въ себѣ самой: „какая сладкая минуша! какой „воспоргѣ! шеперь - шо я уже увѣрена „о жребїи моемъ; шеперь - шо достигаю „до предѣла моихъ желанїй; отъ нынѣ „нѣ всегда я буду обладать Верховнымъ благомъ; отъ нынѣ я вѣчно „буду жить съ Богомъ, вѣчно буду „имъ

„имѣ наслаждаешься, вѣчно буду цар-
„сповашь въ лонѣ его со избранными.
„Прешли уже дни суешь моихъ, пре-
„шли дни печалей и мученія. Сколько
„лѣтъ надлежало мнѣ спенать, спра-
„дать, вооружаться противъ себя са-
„мой: но теперь всѣ труды мои, всѣ
„спраданія и сраженія должны окон-
„чаться, и — сколь обильно они бу-
„дутъ награждены! Боже милосердія!
„сколь утѣшительно для меня всегда
„быть съ Тобою. Сколь сладко наслаж-
„даешься Твоимъ присутствіемъ! ничто
„меня не можетъ разлучить съ Тобою.“
Сіе одно воображеніе, сія первая мину-
па небесныя радости не можетъ ли
вознаградить душу за всѣ ея подвиги,
за всѣ искушенія жизни? Не возгла-
голетъ ли она въ такомъ положеніи сіи
слова Апостольскія: *недостойны суть*
страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей
славѣ явитися въ насѣ (*)? Всѣ времен-
ныя изнуренія ничто суть въ сравне-
ніи съ пою славою, которою мы надѣем-
ся быть вознаграждены, увѣнчаны.

О Святый Сіонъ, Іерусалимъ небес-
ный! преселюсь ли я когда либо во швои
блаженные предѣлы? Жребій мой бу-
детъ ли жребіемъ избранныхъ? Есльли
бы я подлинно удостоился вниши въ
сіе

(*) Рим. VIII, 18.

сіе горнее отечество, что бы я сказа-
залъ о всѣхъ суетахъ міра, о всѣхъ
мечшательностяхъ, о всемъ его ничпо-
жествѣ? Буду вѣренъ навсегда закону
Господню. — Сколь пріятно поспра-
дашь нѣсколько на земли съ тѣмъ,
чтобъ послѣ вѣчно на небеси блажен-
ствовать! Сколь оправдно, удалившись
обширнаго міра, узкими вратами сопровож-
дашь себя къ сему восхишительному
предѣлу! Сколь славно соединисья съ
наперстниками наслѣдія Божія, воспѣ-
вать съ ними непрерывную хвалебную
пѣснь Богови! Будемъ надѣяться, о
душа моя! сихъ небесныхъ благъ; воз-
несемъ нынѣ умомъ въ царство при-
сноживыхъ; размышленіе о горнихъ со-
кровищахъ да пишаетъ выну наше
сердце, да пишаетъ во всю жизнь.
Оно принесетъ намъ неизреченную
пользу.

Сіе размышленіе будетъ для насъ
спасительнымъ средствомъ къ презрѣ-
нію благихъ міра. Оно спроситъ нѣ-
когда: благія плѣнныя, благія мечша-
пельныя, благія обманчивыя, что вы
стоите въ сравненіи съ благими твер-
дыми, съ благими неизмѣримыми, съ
благими на небеси намъ обѣщаемыми?
Заслуживаете ли вы единое имя: благо?
Какихъ бѣдшвій вы бываете источ-
ни-

Никомъ! Я признаю благомъ, желаю и люблю однѣ токмо благія вѣчныя, а прочее все, что проходитъ, плѣшетъ и не обновляется, есть ничто предъ моими очами.

Сіе размышленіе будетъ спасительнымъ средствомъ утѣшенія нашего во всѣхъ прискорбіяхъ и нещасіяхъ жизни сея. Оно внушитъ намъ, что всѣ временныя бѣдствія нѣкогда окончатся, и ихъ мзда будетъ вѣчная. Справданіями обрѣщается блаженство непремѣняемое, и по тому ихъ должно считать знакомъ особеннаго къ намъ благоволенія Божія. Сколько святыихъ спасеніемъ своимъ одолжены временнымъ искушеніямъ? Безъ понесенія бремени крестнаго они были бы вѣчно нещасны.

Сіе размышленіе будетъ твердымъ средствомъ къ сопротивленію нашему прошиву всѣхъ искушеній. Оно научитъ насъ побѣждать злыя спраси; оно заставитъ насъ опасаться, чтобъ при самой побѣдѣ и торжествѣ надъ ними не ослабѣть и въ порокахъ не быть восхищенными отъ міра сего. Минутное грѣха удовольствіе можетъ лишить насъ вѣчнаго блаженства.

Сіе размышленіе будетъ надежнымъ средствомъ къ укрощенію жесто-

ко-

костей смерти. Когда мы вѣруемъ, что за смертію насупишь райское веселіе: то стараясь заслужить веселіе сіе, можемъ ли, взирая на смерть, возмущаться и бояться? Есѣли выходя изъ сей ядоли плачевной, мы уповаемъ внити въ отечество радостное: то оставляя землю, мы ни скорбѣмъ, ни сожалѣтъ объ ней не будемъ; въ мірѣ семъ мы осуждены непрестанно спенать и раздражать величіе Божіе: но смерть насъ приблизитъ къ тихому пристанищу, и такъ для чего намъ оныя спрашиться? Принесемъ жертву Богу отъ дѣлъ благочестивыхъ, возложимъ упованіе на его милосердіе. Онъ насъ не оставитъ.

Будемъ непрестанно размышлять о семъ великомъ благополучи, къ которому предопредѣлены мы прежде сложенія міра. Будемъ непрестанно воспоминаеть о сихъ неизреченныхъ благихъ, которыхъ мы изъяснить не можемъ, а при семъ будемъ непрестанно готовы къ достойному воспріятію ихъ. Благодасть Божія да поможенъ намъ помышляеть о семъ выну ясно и здраво, тако да сопустствуетъ намъ къ славѣ обѣтованной. Довольно мы странствовали, довольно жили на земли, любя землю; шеперь время на
Небе-

Небеса обратить все наше вниманіе. Душа наша сотворена, дабы всегда обладать ими; не попустимъ убо, чтобъ житейскія суеты удалили насъ отъ наслѣдія сего райскаго чертога.

Свяшый Стоне! преславная гора Божія! когда прїидетъ тотъ радостный день, тотъ восхишительный часъ, въ кошорой я надежно осмѣлюся вниши въ радость Господа моего, въ Его утѣшительныя обѣщанія? *Когда прїиду и явлюся (*)*? При семъ ожиданіи скорыя мгновенія предшавляются для меня медлишельными годами, годы сполѣптіями, жизнь брѣиенемъ. Когда возвеселюся *во рѣкшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ (**)*? Днесь и за упра сего ожидаю!

Н А С Т А В Л Е Н І Е XXII

О

П о с т о я н с т в ѣ .

Сіе наставленіе касается до тѣхъ, кои удалившись нѣкогда отъ Бога, паки имѣли щастіе съ Нимъ соединиться чрезъ покаяніе. Да будетъ
Часть III. М урокъ

(*) Пс. XLIII. 3 (***) Пс. CXXI. 1.

урокъ сей сильнѣйшимъ побужденіемъ къ утвержденію ихъ въ благочестіи; да приносятъ души, спасшіяся разкаяніемъ, да приносятъ за спасительное обращеніе свое на путь истины вѣчную благодарность.

Души обновленныя! что вы прежде сего были? Чѣмъ сошворились теперь? Что Богъ учинилъ для васъ — для вашего обновленія? Вы были умерщвлены грѣхомъ, достойны осужденія, удалены отъ Бога; были врагами Божиими, чадами гнѣва Его, заслужившими вѣчную клятву. Въ семъ плачевномъ состояніи, когда вы заслуживали одно правосудное наказаніе, что сдѣлалъ для васъ Всещедрый Богъ? Онъ васъ убѣгающихъ отъ себя призывалъ къ себѣ благодапію, о заблужденіи вашемъ сердобольно жалѣлъ, обратившихся васъ принялъ въ объятія свои съ нѣжною любовію. Какая благость! Какое милосердіе! А по сему какую благодарность, какую любовь вы должны имѣть къ Богу! Какую вѣрность къ Его святейшему закону, какую преданность къ Его служенію! Если послѣ благоутробныхъ милостей Создателя своего вы паки Его оставите, паки оскорбите, паки противъ Его возстанете: по не должны

жны

жны ли на себя взирать, яко на недостойныхъ жизни и Дыханія ?

Грѣшники, обновляемые покаяніемъ, кто вы таковы въ настоящемъ положеніи вашемъ? Дѣти распочительные, блудные, вспомните о томъ неблагоуразумномъ Евангельскомъ сынѣ, коимъ дерзнулъ удалиться отъ отца своего, отца щедрого, благоупробнаго. Извинишелемъ ли его поступокъ? Однако онъ обратился, и отецъ принявъ его благосклонно, оказалъ ему новую ласку; пусть онъ и недостойнъ былъ любви отчей, однако обрѣлъ себѣ мѣсто въ сердцѣ родительскомъ. Часто и мы удаляемся отъ Отца небеснаго подобно, часто паки къ Нему возвращаемся и Онъ насъ приемлетъ съ любовію. Но — естли бы той же сынъ послѣ особеннаго снисхожденія родительскаго опять отважился впастъ въ прежнія заблужденія, опять нанесъ бы отцу поношеніе, опять бы его оставилъ съ поношеніемъ: какую бы язвою, какимъ ударомъ поразилъ онъ сердце его? Не сдѣлался ли бѣ онъ по сему чудовищемъ неблагодарнымъ, ужаснымъ? Вотъ что и мы будемъ предъ очами Господа своего, естли бывъ виновны предъ Нимъ и исправившись еще презримъ заповѣди Его, еще поругаемся

закономъ Его; однимъ словомъ, еспльи обѣщавшись благочестіемъ загладитъ прежніе проступки, паки угѣждашь ему не восходемъ! Какимъ окомъ тогда мы будемъ смопрѣшь на самихъ себя? Чѣмъ насъ не обличить совѣсть во времени, и чего мы не должны ожидать въ вѣчности? Отъ сугубаго грѣховъ нашихъ пріумноженія какія могутъ произойти ужасныя слѣдствія!

Тогда мы попердемъ совѣмъ все свои заслуги, пріобрѣтенныя прежде паденія; тогда мы погубимъ начавшій уже созрѣвать плодъ Хрістіанскихъ подвиговъ; тогда мы лишимся неплѣннаго вѣнца, уготованнаго каждому за торжественное духовное сраженіе; тогда мы прервемъ союзъ съ Богомъ, спасительную благодать отъ себя отгонимъ далече, все древнія добродѣтели новосодѣянный грѣхъ зашмимъ и уничтожимъ; а по сему впадемъ мы въ соснопяніе бѣдности, будемъ нищи духомъ, и вмѣсто драгоценныхъ небесныхъ сокровищъ соберемъ себѣ тяжесть гнѣва въ день ярости. Сколь плачевно и ужасно такое положеніе наше!

Тогда состояніе наше содѣлается еще худшимъ и опаснѣйшимъ, нежели прежде. Тогда - то мы возчувствуемъ
въ

въ силѣ своей сѣ Спасителево изрече-
нїе: и будутъ послѣдняя теловѣку тому
горше первыхъ (*); вѣпоричное на грѣхѣ
поползновенїе означаетъ непросипи-
тельное буйство предъ Богомъ. Ибо
вѣпоричный грѣхъ исполняется уже съ
намѣренїемъ и заключаетъ въ себѣ
наглую злобу и неблагодарность къ
великимъ Божїимъ щедротамъ, къ вели-
кимъ Хрїстіанскимъ обѣшамъ, къ вели-
кимъ спрадальческимъ заслугамъ Хрї-
стовымъ. Какое беззаконїе! какое не-
щасїе!

Тогда очень уже трудно будетъ
намъ опять обратиться къ Богу. Бо-
лѣзни шѣмъ бываютъ опаснѣе и неиз-
цѣльнѣе, чѣмъ смѣлѣе, хопя мало
обмогшись, паки въ оныя ввергаются:
такъ и душевныя язвы шѣмъ дѣлаюш-
ся смертоноснѣе, чѣмъ чаще оныя ра-
справляются. Спраспи, непрестанно
возраждающїяся, вновь обращаются въ
насидьшвенный ко злу навывкъ. А сѣ
какимъ служимъ препятшвїемъ къ
обращенїю и покаянїю? Естли мы
при малѣйшихъ препятшвїяхъ на
пути благочестїя ослабѣваемъ: то чего
уже должны опасаться при препятш-
свїяхъ великихъ укоренившихся?

М 5

Тог-

(*) Мат. XII. 30.

Тогда Богъ лишитъ уже насъ тѣхъ милоспей, кои по благоволенію своему прежде изливалъ обильно. Отецъ сколько бы нѣженъ ни былъ, но будучи развращеннымъ и неблагодарнымъ сыномъ многократно поруганъ, распоритъ ли ему свое сердце? Другъ, какимъ бы тѣснымъ союзомъ связанъ ни былъ, но будучи обманутъ и посрамленъ многократно, согласился ли опять примириться, забывъ всѣ досады и укоризны? Государь поносимый будетъ ли оказывать свое особенное благоволеніе неоднократно прешиву его бунтующему подданному? Богъ есть нашъ Господь, нашъ другъ, нашъ отецъ. Если мы предъ Нимъ тогда бываемъ вѣроломны, тогда наипаче его прогнѣваемъ и какъ бы ему наругаемся, когда Онъ къ намъ снисходителенъ, милосливъ и благоушробенъ. То за симъ чего уже намъ ожидать остается, кромѣ праведнаго гнѣва Его и наказанія? Чего, какъ не лишенія всѣхъ благоспей? Да и какъ Ему намъ сообщить оныя, если мы улучивъ вшоричныя милости и прешидею обратишь ихъ во зло не успыдимся?

Тогда съ содроганіемъ духа я произношу сіе, тогда закоснѣвши во грѣхахъ, хотябъ мы и покалялись, пока-

какая же наша будет сомнительно. Нѣтъ возможности, что хотябы мы тысячу разъ падали, благодати Божіей насъ возставишь; не лзя также и сего сказать утвердительно, чтобъ вторичное прегрѣшеніе было вѣрнымъ знакомъ ложнаго покаянія; я не хочу, и Богу не угодно, чтобъ такими успрашеніями вводилъ въ ошчаяніе согрѣшающихъ: но не справедливо ли, что часто возобновляемые пороки, многократно повторяемое покаяніе дѣлають уже неуважаемымъ? Не справедливо ли, что, естли кто чувствителенъ, потъ беззаконіями пріумножая беззаконія, таинства покаянія много начинаетъ бояться, а по сему оплагая его до будущаго исправленія, умираетъ въ нераскаяніи? Сте не сбывается ли со многими совершенно? И такъ не должно ли отвращать насъ отъ поползновенія на прежняя злая, не должно ли утверждать насъ во благочестіи и удерживать, чтобъ мы болѣе не отважились погружаться въ новое развращеніе?

Но дабы болѣе воспламенить желаніе наше и любовь къ добродѣтельной жизни, чтобъ утвердился намъ во святости на всякое время; для сего вѣмъ надежнѣйшаго средства,

М 4

какъ

какъ истинная вѣрность къ служенію Божію, и смиренномудрая преданность закону Его. Очень основательно, что тошъ, кто удерживаетъ насъ на краю бездны и предохраняетъ насъ отъ паденія въ оную, дѣлаетъ намъ большее благо, нежели кто извлекаетъ уже впадшихъ въ нее. Ибо большее есть добро, чтобъ заблуждающаго не допустить до крайняго несчастія, нежели допустивъ избавить отъ онаго. Важнѣе гошоваго къ преступленію насцавить, чтобы онъ не зналъ грѣха, нежели согрѣшившаго исправить; ибо оправданіе перваго будетъ драгоценнѣе. Грѣшники! вошъ что Господь дѣлаетъ для васъ! Вы грѣхами своими дѣлаетесь достойными ада, а Творецъ, воспрещая вамъ впасти въ него, болѣе шворитъ васъ блаженными, нежели когдабъ вы пали, и Онъ всешильною своєю десницею извлекъ изъ него. И такъ какую любовь, какую благодарность должны вы имѣть къ Нему? Чѣмъ вы можете доказать предъ Нимъ сіи добродѣтели? Истинная вѣрность во благочестіи и крошкое повиновеніе закону Его, вошъ превосходнѣйше знаки любви и благодарности! Чшобъ было, ешъли кто, будучи спасенъ отъ смерти, исторгнушъ изъ бездны, или

удер-

удержанъ еще на краю оныя, вооружился противъ своего благодѣтеля, сиваль поносишь его, и по многомъ худеніи сдѣлался непримиримымъ врагомъ? Подобно и мы бываемъ неблагодарны Богу, когда Онъ по своему милосердію слабостямъ нашимъ снисходитѣль, прощаетъ ихъ, а мы снова Его оскорбляя, всѣ благошворенія Его въ ничто вмѣняемъ. Не достойны ли по сему мы нарѣшися вмѣсто разумныя швари ужаснымъ чудовищемъ?

Смертные! есшьли сердце ваше еще чувствительно: по сіи и подобныя симъ побужденія не должны ли поощрять васъ къ неусыпному Божію служенію? Не должны ли и вы согласиться лучше тысячу разъ умереть, нежели хотя на мало оспавить Бога? Есшьли вы на сіе рѣшились: по знайте, что на сіе должно рѣшиться до скончанія живота своего. Начало не совершаетъ дѣла нашихъ, а концемъ оныя вѣнчаются. Пребывая въ вѣрѣ, до смерти швердымъ пребыши въ ней долженъ; иначе трудъ будеть тщетенъ, воздаяніе сомнительно. *Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (*).

(*) Матѣ. X. 22.

НАСТАВЛЕНІЕ XXIII

О

*Средствахъ , утверждающихъ во благо-
гестіи.*

Я знаю, Спасителю мой! что Ты истощилъ для меня все свое великое милосердіе. Чѣмъ же за оное мнѣ должно Тебѣ отъвѣсповованъ? Вѣрность, точность и неусыпность во благочестіи, вотъ живые знаки моей къ Тебѣ благодарности! Просвѣти мя въ моихъ намѣреніяхъ, Боже! укрѣпи въ рѣшимости моей; помози исполнить клятвенный обѣтъ сей.

Первое средство ко утверженію моему во благочестіи да будетъ молитва. Непоколебимая святость есть даръ неоцѣненный, даръ любезнѣйшій, каковъй шолько можно просить у благости Божіей. Никто не можетъ заслужить его достойно, а всѣ должны испрашивать оный у Создателя своего, испрашивать съ сердцемъ сокрушеннымъ. Я буду просить Тебя о дарѣ семъ, Боже! во всѣ дни живота моего; и — уже прошу въ сію самую минуту, прошу съ пламеннымъ чувствомъ сердечнымъ, прошу съ чистымъ душевнымъ воздыханіемъ. Благо-
дашь

дать свою присоедини къ моему искреннему прошенію Услыши выну молитву мою, и исполни мои желанія. Вотъ знакъ величайшаго Твоего ко мнѣ снисхожденія! Вотъ драгоцѣннѣйшее мое сокровище! Вотъ верховное благополучіе!

Второе средство ко утверженію моему во благочестіи, да будетъ здравое разсужденіе. Нынѣ и заупра я долженъ такъ помышлять въ себѣ самомъ: побужденія, обязующія меня служить Богу, обращаться къ Богу, предаваться въ волю Его не всегда ли одинаковы? Богъ не всегда ли равно величественъ, равно благъ, равно святъ и совершенъ, равно достоинъ всякихъ жертвъ сердца и души моей? Евангеліе, мною исповѣдуемое, не всегда ли означаетъ законъ святѣйшій, правило надежнѣйшее, заповѣдь долженствующую просвѣщать меня даже до конца жизни? Великія истины откровенія перемѣняются ли когда нибудь въ числотѣ своей? Тѣни смертныя, окружающія меня безпрестанно, боязнь суда будущаго, блаженная или злощасная вѣчность, въ которую я долженъ нѣкогда преселиться, — всѣ сіи великіе предметы выну представляющіеся умственнымъ очамъ моимъ не дол-

должны ли тверже укрѣплять стопы мои на пути спасенія? Я вѣрую, что сіе слово *помни послѣдняя твоя*, утвердитъ меня въ добродѣтели, ополчитъ противу слабости плѣсныя и нецелостоянства душевнаго.

Третье средство къ утверженію моему во благочестіи да будетъ неусыпное сужденіе о себѣ самомъ, о моихъ развлеченныхъ чувствіяхъ, о моихъ худыхъ наклонностяхъ, о цѣлкихъ страстяхъ и о всякомъ неправильномъ дѣяніи, да не прельститъ мя грѣхомъ смершнымъ ангель шмы, облекшись во Ангела свѣпла. Я знаю враговъ моего спасенія, слѣдственно долженъ ихъ спрашивать. Безъ разсмащриванія самого себя мнѣ непрещанно должно опасаться, дабы не потерять Божія благодати, не потерять Бога, не пощерять самого себя. Спасительное мудрованіе! Ты открываешь очамъ моимъ все пагубныя беззаконій слѣдствія; твоимъ божеспвеннымъ свѣтомъ озаряемъ я вижу сѣши, расщерпыя со всехъ щоронъ къ пагубѣ моей; вижу, и ошъ нихъ избавляюсь.

Четвертое средство къ утверженію моему во благочестіи да будетъ избѣжаніе соблащительныхъ случаевъ. Вотъ средство для меня крайне необходи-

ходимое! Многие несчастные опыты дали мнѣ возчувствовашь слабоснь мою, и такъ я долженъ сирашишь оныя. Такъ, Боже правосудный! я понимаю слабоснь свою, чувствую ее, — вижу опасоснь оныя: однако удаляясь случаевъ ко грѣху хотя нѣсколько могу поддержать себя. Но, естли не смопря на всѣ мои обѣны, не смопря на всю рѣшимоснь, не смопря на всѣ предположенія, я предамся соблазнамъ; — соблазны меня погубяшь. Ибо соблазны сдѣлаюшь на чувства мои сильное впечатлѣнїе, а впечатлѣнїя чувствъ душу мою подвергнушь великимъ бѣдствїямъ. Могу ли я бышь столько разуменъ, сколько Соломонъ, или сполько мужесивенъ, сколько Самсонъ? Но когда и сіи при случаѣ пали: по сколько уже я несчастливъ буду? Самыя швердѣйшія колонны случаевъ сокрушены; и такъ воспрещемъ его мы, — мы слабыя и колеблющїяся проспи. Будемъ увѣрены, что убѣгая соблазнительныхъ случаевъ, мы будемъ въ добродѣтеляхъ шверже и безопаснѣе.

Пятое средство къ утвержденію моему во благочестїи да будетъ презрѣнїе зависныхъ и злобныхъ чловѣческихъ пересужденій, — торжество надъ

надъ злорѣчивымъ міромъ. Когда желаемъ, чпобъ благодать всегда обитала въ сердцѣ нашемъ; тогда на міръ намъ должно взирать окомъ хладнокровнымъ, безприсраспнымъ. Многіе говорятъ со Апостоломъ, во изобиліи добродѣтелей сердца моего никакія сужденія завистниковъ, никакія укоризны гонителей, никакія нападенія міра, ниже всѣ швари соединившісь вмѣстѣ не могутъ отлучить меня отъ любви Божіей, отъ любви истиннаго благополучія: *извѣстихся бо* (*)! и проч. Однако такое мечтаніе весьма опасно. Ибо что касается до меня, то для чего желать, чпобъ всѣ швари вооружались противъ одного? Не случается ли, что одно слово, одна шутка, одно мгновеніе ока меня ужасно возмущаютъ, и такъ сильно препятствуютъ къ успѣху во благочестіи. И надъ сими возпоржесивовать означаетъ довольное мужество духа. Развращенный міръ! ешьли ты своими мечпательными ужасами много потрясалъ иногда великодушне избранныхъ сыновъ Божіихъ: то я что уже предъ тобою? Однако когда сказалъ Спаситель: *иже постыдится мене предъ людьми,*

(*) Рим. VIII. 38.

ловѣки, постыжуся того и азъ предъ Отцемъ моимъ (*). По сему запрещенію, грѣховный міръ, ты вѣчно будешь моимъ непріятелемъ, и я навсегда буду опасаться козней твоихъ.

Шестое средство ко утверженію моему во благочестіи да будешь участіе таинствъ. Се источникъ спасительный, изъ котораго я могу почерпнуть и крѣпость плѣсную и здравіе душевное! Если кто не брезжетъ о немъ, тотъ юродствуетъ, заблуждается. Многие совершеніе таинствъ откладываютъ день за день, мѣсяцъ за мѣсяцъ, и когда пропускаютъ опредѣленное время; то послѣ почти ни на что съ твердымъ духомъ рѣшиться не могутъ. Чѣмъ болѣе кто въ разсужденіи святыя таинствъ кажется нечувствительнымъ въ настоящемъ, тѣмъ хладнокровнѣе бываетъ послѣ. Единожды предавшись въ намѣренное упущеніе, не лѣзя нечувствовать послѣ плачевнѣйшихъ слѣдствій. При небреженіи о таинствахъ жаръ благочестія въ насъ просыхаетъ, здравое познаніе самихъ себя уменьшается, худыя склонности возрастаютъ, и —
есть-

(*) Матт. X. 33.

естьли когда препобѣждаютъ навѣкъ къ беззаконію, навѣкъ замастерѣвшій; но вскорѣ паки должны бывать опасаться новыхъ упущеній, да еще важнѣйшихъ, и при томъ опасаться навсегда.

О душа моя! не удаляйся никогда отъ надежныхъ испочниковъ жизни и спасенія; спросишь лишнисья благодати тебя подкрѣпляющей, а паче ужасайся, чтобъ лишнисья оныя не подпасть подъ иго видимыхъ и внутреннихъ враговъ своихъ. Насладись хлѣбомъ живошнымъ, насладись пищею Ангельскою, естьли желаешь соединишься съ самимъ Богомъ. Требууй оставленія грѣховъ своихъ, требууй во всѣ дни живота своего, требууй съ истиннымъ усердіемъ и съ пламеннымъ желаніемъ сердечнымъ. Ибо безъ участія сихъ великихъ таинствъ ты во вѣки не оправдишься; а чтобъ точнѣе выполнить всѣ обязательства Вѣры, всякую должность благочестія; для сего прибѣгай выну подъ руку тебя Сотворшаго. Умоляй благость Его о содѣйствіи тебѣ во спасеніи. Въ истеченіи столь многихъ вѣковъ не было ни единого, кпобъ требуая Божія покровительства былъ отъ Него оставленъ. Тщетно бы стала ты о чемъ вре-

временномъ просишь Господа, а о дарахъ духовныхъ, о преуспѣянїи въ добродѣтеляхъ, о подкрѣпленїи во благочестїи умоляешь Его не восхопѣли. Ибо все временное безъ благодати для тебя послужитъ къ единому осужденїю. Боже! яви силу свою въ немощехъ нашихъ, и мы, ими же вѣси судьбами, обращемъ вѣнецъ Твоея славы.

НАСТАВЛЕНІЕ XXIV

О

Соблюденїи непорочности во всякомъ положенїи и состоянїи жизни.

Въ духовной жизни довольно съ нами встрѣчается прїятныхъ обстоятельствъ и чувствительныхъ огорченїй. Богъ сопровождаетъ души наши иногда на Фаворъ съ радостїю, а иногда на Голгофу съ печалїю. Законъ благодати подобенъ закону Естественному. Природа часто представляетъ зрѣнїю нашему тихїе и красныя дни, да часто также мрачныя и бурныя ночи. Богъ такимъ же образомъ посѣждаетъ иногда насъ прїятнымъ миромъ, сладкимъ утѣшенїемъ, а иногда прискорбными огорченїями. Теперь ну-

Часть III.

Н

жно

жно знать, какимъ образомъ должно поступать и въ тѣхъ и въ другихъ обстоятельствахъ, дабы во всемъ быть сообразными съ Промысломъ Божиимъ и не прогнѣвать Духа Святаго въ сердцахъ нашихъ? Что должно дѣлать въ обстоятельствахъ пріятныхъ, и что нужно чувствовать во время искушений, дабы и съ той и съ другой стороны получить нѣкоторую пользу?

Видимъ мы въ жизни своей дни пріятные и радостные. Часто мы наслаждаемся временемъ спокойнымъ, да въ какихъ обстоятельствахъ? Когда солнце правды освещаетъ душу нашу полнымъ своимъ сіяніемъ; когда благодать Евангельская въ нѣдра сердца нашего изливаетъ живоиспорную и спасительную росу; когда пребывая въ молитвахъ, внутреннимъ соединеніемъ съ Богомъ мы наслаждаемся яко сладчайшею небесною манною; когда чувствуемъ въ себѣ особенный жаръ, особенную ревность взыпи на высоту Фавора, и умственно съ невидимымъ Господемъ яко видя собесѣдуя, можемъ глаголати со Апостолы: *Добро намъ здѣ быти; сотворимъ здѣсь жилище наше* (*)

ДЛЯ

(*) Мат. XVIII. 4.

Для чего же благословляетъ насъ Богъ сими днями щасливыми, симъ временемъ утѣшительнымъ? Разсмотримъ, что прїятныя обстоятельствова наши значать въ Промыслѣ Божіемъ; что они должны предзнаменоватъ для нашей надежды, и чѣмъ наконецъ могутъ содѣлаться по нашему неуваженію къ нимъ, — по нашему объ нихъ нерадѣнію? Какой источникъ размышлений!

Когда Промыслъ Божій благословляетъ насъ щасливыми временемъ обстоятельствовами; то творишь сіе для большія своя славы и нашего спасенія. Благословляетъ насъ Всевышній благовременіемъ для того, дабы плѣнительнѣе заохотить насъ къ размышленію о Его величествѣ, Его великолѣпіи, о Его благодати и прочихъ дивныхъ совершенствахъ. Богъ благословляетъ насъ прїятными случайностями для того, дабы сильнѣе насъ привлечь къ себѣ красою даровъ своихъ, дабы величїемъ щедротъ своихъ сильнѣе расположить насъ къ благочесію, утвердить сердца въ Вѣрѣ, укрѣпить избранныхъ въ любви и добродѣтели. Богъ благословляетъ насъ событіемъ всякія радости и утѣхи съ шѣмъ, чтобъ мы понимая цѣну благо-

твореній Его, жертвовали Ему всевозможною благодарностію, всякимъ повиненіемъ, кротостію, яко Ной по изшествіи изъ ковчега, принесшій Ему усерднѣйшее всесожженіе. И такъ опасаюсь дремать посредѣ дней мирныхъ и покойныхъ, будемъ всегда ревностны къ служенію Божію; будемъ всегда благоговѣйны предъ Господемъ, полнѣйшія милости намъ ущедряющимъ; будемъ посредѣ тишины прѣуготовляться иногда къ неминуемому сраженію и перенесенію искушенія. Ибо какъ за обиліемъ удобно можетъ случиться неплодородіе, за ведромъ ненастье, такъ за нашими красными днями мрачныя. Вотъ что прѣятныя наши обстоятельства значатъ по отношенію къ Промыслу Божію. Чтожъ они значатъ въ разсужденіи нашей надежды?

Время приплодіа добрыхъ дѣлъ нашихъ и умноженія благочестивыя жатвы. Вспомнимъ жалостный примѣръ юродивыхъ дѣвъ. Онѣ, когда было удобное время, не запаслись елеемъ; когда бы должны бодрствовать, дремали, думая, что ожидаемый женихъ придетъ еще не скоро: но льстивая надежда обманула, и потому они лишились чертога небеснаго. Судя по сему, естли и мы наслаждаясь благовременіемъ
ожи-

ожидаемъ еще большихъ щедротъ Всемогущаго: но должны надежду свою утверждать на большихъ заслугахъ. Вотъ что пріятныя наши обстоятельства означаютъ по отношенію къ нашему упованію; но что значать судя по небреженію?

Время щасливаго посѣщенія Божія, время по себѣ невинное, по намеренію Всевышняго драгоценное, по нашему благоупотребленію могущее быть полезнымъ, по нашему нераденію легко можетъ сдѣлаться случаемъ мечпанія, искушенія, гордости, самолюбія, слѣдственно временемъ опасности и паденія.

Временемъ мечпанія. — Ангелъ шмы можетъ преображаться въ Ангела свѣтла; но гораздо легче Ангелъ свѣтлый можетъ измѣниться во ангела шмы. Сію измѣну я не собственно приписую Ангеламъ небеснымъ, а людямъ по благочестію уподобляющимся Ангеламъ. Всякой духъ гордый не есть духъ Божій. Кто о себѣ много мечтаетъ, тотъ долженъ опасаться опаснѣйшихъ предпріятій. Всякой въ высокомѣри легко можетъ во всемъ обманываться, мракъ считать за свѣтъ, заблуждать и думать, будно идетъ путемъ истиннымъ, путемъ

темъ къ надлежащему концу прямо ведущимъ. Знакъ благоразумія есть ничего не дѣлать по своей волѣ, по своей мечпательности, безъ умныхъ совѣтниковъ, а все предпринимать съ довольнымъ разсмотрѣніемъ и осторожностію. Сколь многіе много погрѣшаютъ чрезмѣрно надѣясь на свои силы, и очень полагаясь на свои настоящіе замыслы. И къ сему доводитъ насъ иначе небреженіе о благовременномъ исправленіи.

Время приятныхъ посѣщеній Божіихъ удобно можетъ измѣниться для насъ въ случай искушенія. Дьяволъ находя насъ спящихъ, всегда удобно можетъ воспользоваться нашимъ разслабленіемъ; онъ при всякомъ случаѣ нечаянно на насъ нападши, въ одну минуту можетъ лишить долговременныхъ непорочности; въ одно мгновеніе невинной души нашей смертоносную можетъ дать рану; а спустя мало, овладѣвъ нами чрезъ всякія хитрости и обманы, можетъ вынудить насъ, чтобъ мы во все бытіе свое проливали горькія и безотрадныя слезы. И сему причиною наше небреженіе.

Щасливая обстоятельства по небреженію нашему легко могутъ быть испочникомъ непроспительной гордости

сти нашей и гибельнаго самолюбія. Восхищаясь наспоющимъ благополучіемъ, великое мы пишаемъ въ себѣ самолюбіе; часто дары, получаемые отъ десницы Божіей, присвоаемъ своимъ силамъ, своимъ подвигамъ, а чрезъ сіе въ бѣдственную впадаемъ гордость. Часто мы въ обладаніи Божіими щедротами уподобляемся щеславной и постыдной женѣ. Любя сію нѣжный супругъ даритъ рѣдкими драгоценностями; она ими украсившись гордится, гордясь выходитъ на свѣтъ, дабы къ соблазну привлечь всѣхъ взоръ и сердце. Неблагодарная! — Вскорѣ ты сдѣлаться хочешь за особенную любовь и милость супруга своего нагло предъ нимъ вѣроломною! Подобно, или еще дерзновеннѣе иногда и мы обрашаемъ дары Божіи. Милость возраждаетъ въ насъ гордость, гордость доводитъ до ослѣпленія. Чѣмъ же намъ отъ сего избавиться? Кротостію и благоразуміемъ. *Мняйся стояти да блюдется, да непадетъ* (*). Дабы избѣжашь сихъ и подобныхъ симъ несчастій отъ небреженія нашего прощающихъ, для сего мы должны непрестанно

(*) 1. Кор. X. 12.

1 е. Смиряться предъ Господемъ, всегда даровъ Его должны почитать себя недостойными; никогда не думать, что естли Онъ насъ благословилъ какимъ либо благополучіемъ; то мы будто сего достойны по нашимъ заслугамъ, а напрошивъ должны вѣрить, что всяческая и всѣмъ сообщаетъ намъ Создатель не по обязанности какойнибудь, а по единому своему благоизволенію.

2 е. Хотя мы и получили, какіе дары отъ Бога, однако чрезмѣрно на нихъ полагаться не должно. Сладкое вкушеніе ихъ должны ограничивать опасностію лишенія. Всякаго благополучія мы дополъ бываемъ полными владѣльцами, доколѣ относимъ оное къ Богу, яко къ первѣйшему концу и началу; въ прошивномъ случаѣ всякъ можетъ быть *вся имый и нито же содержай.*

3 е. Никогда не надобно забывать, что естли вся жизнь наша очень крашка, то колыми паче нѣкоторые дни щасливые; а по сему всегда мы должны ожидать нѣкоторой бѣдности; всегда должны думать, что ясный день скоро потемнѣетъ, и что за тишиною наступитъ буря и непогода. При семъ воображеніи надлежитъ выну
бодр.

бодрствовать, чтобъ врагъ спасенія совсѣмъ не изторгъ у насъ спасенія нашего. Постараемся данные намъ таланты не распочать на все безъ разбору и жалости; будемъ и благоупотребленіемъ оныхъ и соблюденіемъ предъ Творцемъ своимъ благодарны, и Онъ паче будетъ щедръ къ намъ.

Такою преданностію мы должны освящать сладкій миръ щасливыхъ дней своихъ, а напрошивъ всякое неудовольствіе обспояшетьствъ мрачныхъ и горькихъ нужно переносить великодушно. Посѣщаютъ насъ искушения, надлежитъ болѣе молиться; исчезаютъ дни веселые, слѣдуетъ чаще собесѣдовать съ Богомъ. Такъ ли мы поступаемъ? При одномъ воззрѣніи на гонящееся несчастіе душа, воспитанная медомъ и млекою радости, унываетъ, возмущается, приходитъ въ опчаяніе, думаетъ, что всего уже лишится. Многіе посреде бѣдспвій, яко посреде моря, со препетомъ зываютъ: *Господи! спаси ны, погибаемъ* (*). Блаженъ еще жребій такихъ несчастливцевъ, кои въ горестяхъ своихъ не предаются опчаянію, а къ Богу прибѣгаютъ,

Н 5

Ка-

(*) Мат. VIII. 25.

Какія же скрываются намѣренія Божіи въ непріятныхъ сбытностяхъ нашихъ, и что намъ при семъ должно дѣлать, дабы оправдать Его Промыслъ? Богъ спрोगими посѣщеніями хочетъ испытать Вѣру нашу, очистить, укрѣпить, а можетъ быть и наказати за невѣріе, и тако смиривъ, притупитъ къ особенной своей благодати. Почтимъ убо сіи предвѣденія Божія благоговѣніемъ; они умножаютъ наше благополучіе и пребудутъ мужеспвеннаго великодупія.

Богъ нещастіями испытуетъ Вѣру нашу. Часно мы Ему клялись предъ лицемъ престола; клялись во всѣхъ случаяхъ соблюдать славу Его, во всѣмъ оказывать Ему любовь чистую, непоколебимую. Но онъ хочетъ знать, что самая дѣла соотвѣтствуютъ ли словамъ нашимъ; одними устнами, или купно и сердцемъ клялись бышь Ему вѣрными? Свяшый Петръ доколѣ не былъ испытанъ въ твердосии Вѣры своей, не былъ еще Петръ. При первомъ искушеніи онъ палъ, да послѣ горькими омылъ оное слезами. — Богъ нещастіями очищаетъ вашу Вѣру. Сколько бы душа ни была праведна: но всегда въ ней кроются нѣкоторыя недостатки. Мужи совершеннѣйше имѣютъ великое

кое попущеніе на злое. Въ каждомъ послѣдователѣ Хрістовѣ сколько примѣнно холодности, слабости, упущеній въ служеніи Богу! Самые праведники седмижды на день падаютъ. Чтожъ мы скажемъ о себѣ? Наши пресупленія безчисленны, упорность благодати великая. Отъ сихъ пороковъ желая насъ избавишь Промыслитель, посѣщаетъ насъ искушеніями, изнуреніями, различными безпокойствами. Злато очищается огнемъ, а душа нещасіями. Онѣ придають ей новую красоту и сіяніе. — Богъ искушеніями хочетъ наказать маловѣріе наше и укрѣпить благочестіе. Древо чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ сильнѣе отъ вѣтровъ колеблется; но когда оно обматерѣетъ и укоренился, всякое насиліе бури презираетъ. Равно и души праведныхъ чѣмъ паче возрастають во благочестіи, тѣмъ болѣе обуреваются искушеніями; но когда много опытыми случаями утвердятся въ Вѣрѣ, всякое насиліе вражіе для нихъ нестрашно. Однако не всѣ равно мужественны и тверды. Чтожъ изъ сего слѣдуетъ? Щастливъ, кпо непоколебимъ во благочестіи; но кпо немощенъ, шопѣ не уже ли долженъ опчаяваться? Да не будешь! Апостоль Павелъ гово-

ТОВО-

говорить: *егда немоществую, тогда силенъ есть* (*). Богъ наказуетъ насъ слабостію для того иногда, чтобы насъ укрѣпить въ добродѣтели. И подлинно, когда мы побѣждаемъ собственною немощію; тогда усерднѣе прибѣгаемъ къ Богу; прибѣгаемъ, и чего добраго не можемъ совершить о укрѣпляющемъ насъ Господѣ? Часно горестными посвѣщеніями Богъ хочетъ насъ пріуготовить къ особенной своей благодати. Нещасствіями Онъ научаетъ насъ смиренію, а на смиреніи водружается все зданіе совершенствъ нашихъ, нашего оправданія. Таковы суть намѣренія Божія во искушеніяхъ нашихъ! Намѣренія, исполненныя мудрости и спасенія! Однако часно мы о себѣ унываемъ, безпокоимся, мятемся, а не рѣдко жалуемся и ропщемъ.

Когда ощутишельная благодать укрѣпляетъ насъ, когда отъ служенія Богу нѣкоторую пріятность чувствуемъ мы въ сердцѣ своемъ, когда какъ медь услаждаютъ насъ Вѣра и благочестіе; тогда мы идемъ бодро и прямо въ предняя. Но напрошивъ какъ скорѣ небо помрачилось, солнце зашмишилось; тогда бурнымъ нещасствіемъ
но-

(*) II. Кор. XII. 10.

Пораженныя сердца наши; ничего добраго сдѣлать не могутъ и мы встанавливаемся, препинаемся, заблуждаемъ опасно; молитвы презираемъ, о благотвореніи нерадимъ; а чрезъ сіе удаляя благодать, теряемъ всѣ заслуги. И такъ, что намъ должно, сожальв о семъ, выполнить, дабы щасливо воспользоваться искушеніями и сдѣлать ихъ спасительными?

Вотъ достойнѣйшія расположенія нашихъ несчастій. 1 е. Должно со смиреніемъ признаваться предъ Богомъ, что мы ихъ заслужили, и навлекли на себя еще мало, нежели сколько прегрѣшенія наши велики: *Согрѣшихъ отъ неба и предъ Тобою* (*). 2 е. Чѣмъ мы несчастнѣе, тѣмъ ревностнѣе должны прибѣгать къ Богу: ибо Онъ токмо, его же убиваетъ, жизни творитъ. 3 е. Сколь-кобъ мы ни страдали, бодрости и упованія своего терять не должны, зная, что чѣмъ долѣе Богъ насъ наказуетъ, тѣмъ ближе къ намъ бываетъ, нежели прежде. 4 е. Когда страдаемъ, тогда удвоятъ должны ревность свою ко благочестію: ибо должно ли бросать оружіе, когда сраженіе опасно? 5 е. Во всѣхъ видахъ искушеній намъ должно при-

(*) Лук. XV. 18.

прибѣгать ко Іисусу Хрїсту и Его примѣромъ страданій одушевляться. Чего онъ не понесъ бывъ праведенъ, а мы и малыхъ огорченій, бывъ весьма беззаконны, понесли не хощемъ? Наконецъ неизвѣстно ли, что какъ за ведромъ ненастья, такъ за ненастьемъ вскорѣ ведро ожидаетъ саѣдуетъ. Послѣ зимы весна, послѣ бури тишина, послѣ мрака свѣтъ, послѣ сраженія миръ обыкновенно наступаютъ.

Тако вси святыя были искушаемы. Всѣ они шествуя по пупи усѣянному тернїемъ, иногда орошали его своими слезами, иногда кровїю; чтобъ доспичь обѣшованныя земли, надлежитъ прейти пуспыню и испытать всякую нужду. Да и что для души нашей спасительнѣе, время благополучное, или не благополучное? На сіе скажемъ первѣе, что все то для насъ спасительно, что Богъ посылаетъ, и что мы употребляемъ во благо. За симъ надобно признаться, что несчастія мы менѣе должны страшиться, нежели счастья: ибо въ несчастїи мы болѣе заслугъ оказатъ можемъ, а въ счастья большимъ подлежимъ опасностямъ.

Въ прочемъ предоставимъ все воли Божїей; Ему вручимъ свой жребїй; естли Онъ насъ посвящаетъ миромъ и
весе-

веселѣемъ, прѣимемъ съ благодарностію; естли же удѣляетъ намъ часть горести чаши своея; прѣимемъ ее рукою непрепетною и испѣемъ съ духомъ швердымъ. Будемъ вѣрны въ разсужденіи Его благодати; предадимся Его Промыслу во всѣхъ обстоятельстввахъ; кромѣ благоволенія и щедроты ничего не должно ожидать намъ отъ милосердія Его; Онъ знаетъ путь, которымъ мы должны итти къ предѣлу нашего блаженства. Намъ только должно безъ препинанія Ему послѣдовать. Естли путь шруденъ: то сладостнѣе будетъ награда.

Конецъ третьей и послѣдней части.

7. XII. 1882

Куплена въ Москвѣ

1800. года Января 25. дня

За 4⁴ 75^{'''} = .

